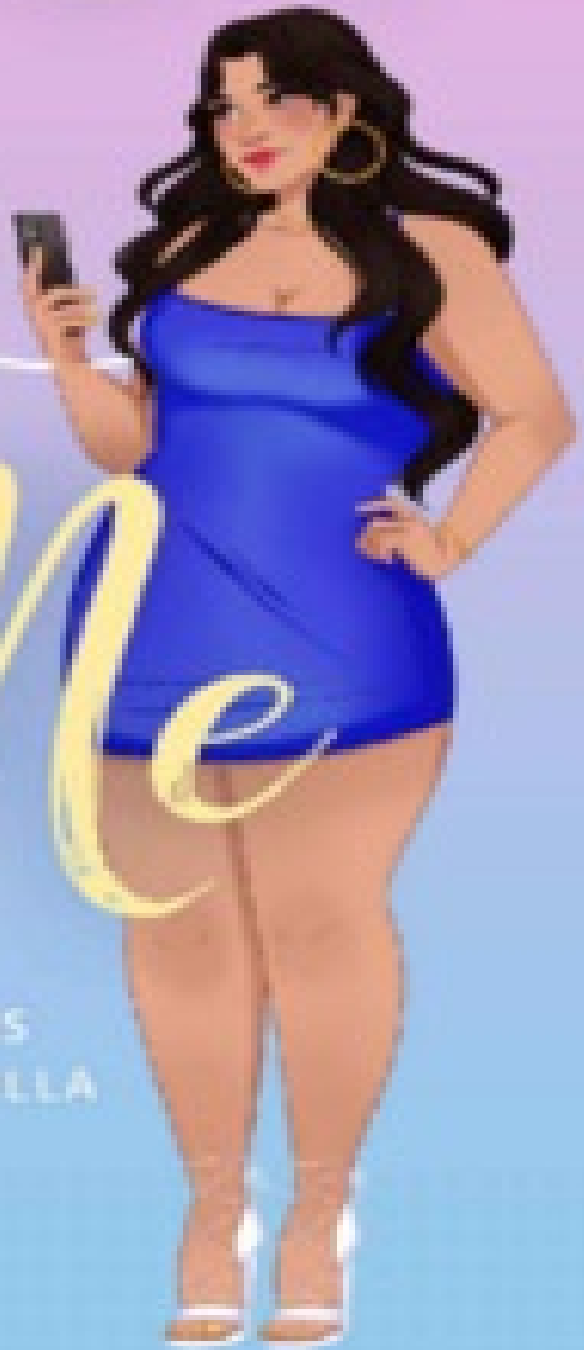

THE GUY

for Me

A BEST FRIENDS
TO LOVERS NOVELLA

MARZY OPAL

Марзи Опал

Парень для меня

Серия: вне серии; одиночная

Перевод любительский и выполнен в некоммерческих целях.

Перевод канала: t.me/bookshelfbooks

Предупреждение

Эта книга содержит несколько сильных выражений, сексуальное содержание и упоминания о травле. Читателю рекомендуется соблюдать осторожность.

*Пожалуйста, обратите внимание: **Монтардор** — вымышленный город, расположенный в Центральной Канаде.*

Для всех королев, которые любят других и наделяют их силой...

PLAYLIST

Ariana Grande — Nasty
August Alsina — Don't Matter
Beyoncé — Alien Superstar
Beyoncé — Virgo's Groove
Chlöe — Have Mercy
DJ Khaled, Rihanna, Bryson Tiller — Wild Thoughts
Drake, Majid Jordan — Hold On, We're Going Home
Jhené Aiko — While We're Young
Khalid, Normani — Love Lies
Nicki Minaj ft. Ariana Grande — Bed
Selena Gomez — Good For You
Victoria Monét — Do You Like It

Zayn Malik — Let Me

Лиам

Сколько я себя помню, это всегда был я сам по себе и мое одиночество.

Точно так же, как мы держим наших врагов на расстоянии вытянутой руки, я поступал так со всем миром. Чаще всего он показывал мне свои уродливые стороны, и я провел добрую часть своей жизни, прячась в ее самых темных углах, чтобы не попасться на глаза моим мучителям.

Проблема с сокрытием?

В конце концов, вы будете найдены.

И на прошлой неделе меня нашли.

В результате все мое тело до сих пор болит. Я чувствую себя ходячей, говорящей раной. Как будто кто-то выпотрошил мои внутренности и растворил кости только для того, чтобы собрать меня обратно в жалкую версию того, кто когда-то был целым.

Каким-то образом я нахожу в себе силы дотащиться до первого урока английского. Я сажусь на свое обычное место в дальнем углу, поближе к окнам. Взгляд на утренний пейзаж дает мне передышку. Минутку, чтобы отвлечься от своих мыслей и сосредоточиться на кленах, растущих вдоль школьного двора. Наступила осень. Скоро листья начнут менять цвет.

Раздается звонок, и звук похож на спусковой крючок. Я закрываю глаза, внезапно вспоминая удары, которые мне нанесли на прошлой неделе, и как это, по сути, изменило что-то внутри меня. Забрало последнюю частичку моей мягкости и превратило её в камень. Соблазнило меня навсегда повернуться спиной к людям, живущим по соседству.

Ни один из них ни хрена не стоил.

Моя учительница, миссис Флетчер, ходит по рядам, раздавая конверты. Я внимательно рассматриваю толстую стопку у нее в руках. Пока я не вспоминаю, что она упоминала о начале эпистолярной¹ программы с учителем из другой средней школы в начале этого месяца.

До прошлой недели я был взволнован, тем, что отправлю свое первое письмо анонимному получателю. Теперь я не могу собраться достаточно, чтобы беспокоиться.

Забавно: когда тебе больно, ничто другое не приходит тебе в голову. Ты будешь выполнять повседневные действия, но все, что тебя окружает, кажется тебе тривиальным. Все это меркнет по сравнению с растущей болью, поселившейся внутри тебя. Рана, которая отказывается заживать.

Миссис Флетчер сочувственно улыбается мне и кладет руку мне на плечо, как бы говоря, что она гордится тем, что я пришел сегодня. Большинство преподавателей посвящены в то, что произошло. Её жест должен был сказать: «Держись. Все будет хорошо.»

Я не отвечаю ей ничем, кроме пустого взгляда в ответ.

Она кладет конверт мне на стол.

Следующие несколько минут проходят как в тумане, пока она объясняет правила. Открыть свое письмо. Прочитать. Это будет ваш друг по переписке на следующие девять месяцев. Достать чистый отрывной лист и написать свой ответ. Быть вежливым. Быть добрым. Пожалуйста, никаких плохих слов или грубости. У вас есть час, чтобы выполнить задание.

В моем теле нет ни капли энтузиазма, но, по крайней мере, это отупляющее упражнение даст мне возможность сосредоточиться на чем-то другом, помимо моей боли. Я не вижу ни одного из порождений демона, ответственного за мое наказание, и это заставляет напряжение, скрутившееся в моих широких плечах, медленно спадать.

Я осторожно открываю конверт и достаю сложенное письмо.

Скорописные женские каракули синими чернилами приветствуют меня.

Дорогой друг,

Так приятно «познакомиться» с тобой. Меня зовут Мэйбл, и я учусь в классе мистера Джонсона. Очень рада, что мы будем друзьями по переписке в следующем году!

Немного обо мне: Мне всего три недели назад исполнилось восемнадцать (забавный факт: у меня тот же день рождения, что и у Бейонсе — 4 сентября), я самая высокая девочка в своем классе (5 футов 8 дюймов²), у меня есть кошка по имени Чито (она буквально оранжевая, как закуска), Я говорю на трех языках (английском, французском и тагальском) и очень люблю сладкое (белый шоколад и Турон³ — мои любимые). Что насчет тебя? Какие у тебя любимые вещи? Я бы хотела знать!

Мистер Джонсон говорит, что смысл этого письма — обсудить то, чего мы с нетерпением ждем. Если честно, я с нетерпением жду окончания этого учебного года и никогда не оглядываться назад. Старшая школа — такой странный период в нашей жизни, ты не согласен? Некоторые люди достигают пика. Другие едва расцвели. Некоторые ведут себя так, словно они на вершине мира, в то время как другие даже не нашли своего места в нем. Я как бы отношусь ко второй категории. У меня есть симпатии и антипатии. У меня есть мечты и цели. У меня есть интерес к жизни, но я точно не уверена, где я окажусь в будущем и где будет мое место в мире. Тебе знакомо это?

Лично меня перспектива поступления в университет очень волнует. Я готова исследовать мир за стенами школы Нортвинд и завести новых друзей — и не фальшивых.

Я хочу подать заявку в бизнес-школу Университета Веста на программу маркетинга. Я не уверена, что у меня будут оценки, необходимые для поступления. И впишусь ли я вообще в это общество. Но я очень креативна и думаю, что это будет хорошим способом проявить себя. Планируешь ли ты поступить в университет в следующем году, и если да, то какие программы ты рассматриваешь? Расскажи мне все, пожалуйста. Мне так любопытно узнать о тебе побольше!

О, я также забыла сказать, что я действительно с нетерпением жду предстоящего сезона «Дневников вампира» (если ты его еще не видел, с сожалением сообщаю тебе, что дальше этой переписки дело не пойдет). Это лучшее шоу в истории, и я умру, доказывая это. Еще одна вещь, которую тебе следует знать обо мне: я одержима всем, что связано с ужасами и сверхъестественным. Какие фильмы и телешоу тебе нравятся?

Не могу дождаться, когда получу от тебя весточку. Я надеюсь, у тебя все хорошо!

С уважением,

Мэйбл

К тому времени, когда я заканчиваю читать ее письмо, на моем лице появляется искренняя улыбка. У меня болит разбитая нижняя губа, но мне все равно. В этой девушке есть что-то такое, что ощущается как глоток свежего воздуха. Она кажется доброй, страстной и достаточно забавной, как родственная душа.

Я открываю свой пенал и достаю подходящую ручку с синими чернилами.

Разок согнув руку, чтобы проверить зажившие суставы, я начинаю писать ей. Часть меня

хочет ответить официально, сердечно. Другая часть меня не хочет ничего скрывать.

Я отдавал нужные части себя не тем людям и получал травмы больше раз, чем мог сосчитать.

Но прошло время, и я с таким же энтузиазмом пишу письмо Мэйбл — человеку, который не причинил мне никакого вреда и просто хочет познакомиться со мной поближе ради этого эпистолярного путешествия.

Дорогая Мэйбл,

Я надеюсь, что у тебя все хорошо.

Мне тоже очень приятно «познакомиться» с тобой. Меня зовут Лиам.

Немного обо мне: Мне восемнадцать (на самом деле в эти выходные был мой день рождения), я самый высокий парень в своем классе (6 футов 5 дюймов4). Да, я практически могу представить, как расширятся твои глаза, когда ты читаешь это), я также говорю на трех языках (английском, французском — он не очень хорош, но я справляюсь — и ирландском, поскольку я жил в Ирландии, пока мне не исполнилось восемь лет), и так же, как и ты, я большой любитель сладкого. Белый шоколад тоже мой любимый, и я очень люблю яблочный пирог. Я должен попробовать Турон. Что именно это такое, и где я могу это найти?

Поверишь ли ты мне, если я скажу, что я тоже с нетерпением жду окончания этого года, когда он только начался? Я тоже отношусь к последней категории, Мэйбл. Я думаю, что старшая школа должна стать периодом самопознания, чтобы постепенно подготовить тебя к взаимодействию с реальным миром после её окончания. У каждого из нас есть свое место в мире. Просто потребуется некоторое время, чтобы найти его.

Могу я спросить, у тебя есть какие-нибудь мечты и цели?

Однажды я прочитал цитату Уэйна Гретски: «Вы пропускаете сто процентов тех бросков, которые не делаете». Я твердо верю, что тебе следует подать заявку на участие в маркетинговой программе. Усердно учись и верь в себя. Я уверен, что через несколько месяцев у тебя в руках будет письмо о зачислении. Скрещу пальцы за тебя.

Я хочу взять годичный отпуск, чтобы вернуться в Ирландию. Там живут мои бабушка и дедушка, и я очень по ним скучаю. Как только я вернусь, я хотел бы поступить на инженерный факультет. Мне всегда нравилось что-то мастерить, и я хорошо владею своими руками.

Кстати, об Ирландии, тебе нравится путешествовать? Если ты была где-нибудь в крутом месте, обязательно расскажи.

Я никогда не смотрел «Дневники вампира», но ради поддержания наших постоянных отношений по переписке я постараюсь посмотреть их в этом месяце. Как и тебе, мне нравятся жанры ужасов/сверхъестественного и экшн. Мои любимые фильмы — «Люди Икс», «Астрал» и «Молчание ягнят». А еще я заядлый читатель фэнтези. Тебе нравятся книги?

Было действительно приятно тебя услышать, Мэйбл. До следующего раза!

С уважением,

Лиам

Я заканчиваю писать свое письмо. Прочитав его дважды, я запечатываю в новый конверт, который предоставляет миссис Флетчер.

Улыбка остается на моем лице до конца дня..., и я понимаю, что, возможно, остаток моего учебного года не будет таким уж отстойным.

Мы с Мэйбл продолжаем переписываться в течение следующих нескольких месяцев.

В каждом из них я раскрываю новый слой этой очаровательной девушки. Я узнаю, что у нее печальное прошлое — такое, из — за которого мне хочется наказать людей, которые причинили ей зло, — но у меня не хватает смелости рассказать ей о своем. Однако я разделяю все остальное.

Всеми частичками себя, которыми я горжусь.

В каждом письме мы делимся своими размышлениями. Неважно, насколько это несущественно или первостепенно. Постепенно мы передаем друг другу все наши мечты и жизненные цели. Унизительно осознавать, что у нас есть кто-то, кто всегда прикроет нам спину.

В мгновение ока мы с Мэйбл становимся лучшими друзьями.

Мы слушаем, мотивируем и заботимся друг о друге.

Мэйбл — моя опора, а я — ее.

Недели спустя я признаю, что чувство, возникающее в моей груди каждый раз, когда я пишу ей или читаю одно из ее писем, — это зарождающаяся искра любви.

Она первый человек, который проявил ко мне настоящий интерес, и я теряюсь в ней.

Боясь результата, я никогда не смогу повторить эти три маленьких слова.

Я не могу рисковать потерять ее дружбу. Я не могу рисковать потерять ее.

Поэтому я надежно храню правду в своем сердце и выбираю любить ее издалека.

Потому что у таких парней, как я, не бывает «долго и счастливо» с такими девушками, как Мэйбл Гарсия.

Мэйбл

Сейчас 8:00 вечера среды, и я нахожусь в Marnie's Shack, милом десертном заведении в ретро-стиле.

Моя лучшая подруга Кеннеди работает в последнюю смену, и в заведении никого нет, кроме нас двоих. Тихая инди-музыка льется из динамиков, пока я сижу у розового бара с моим MacBook перед собой, создавая доску Pinterest для идей для маникюра.

Кеннеди стоит за стойкой, готовит мне напиток. Когда она ставит его на подставку, я одариваю ее благодарной улыбкой. — Спасибо, Кен.

Мы познакомились на первом курсе Университета Веста на занятиях по деловому общению и с тех пор неразлучны. По сути, мы сестры по духу.

— Не за что, — Кеннеди с очаровательной улыбкой откидывает свои темные косички за плечи. — Ты все еще работаешь над своим заданием?

— Нет. Готово и отправлено за четыре часа до крайнего срока, — я немного прокрастинатор, и приступила к этому заданию всего около... двух часов назад. Как говорится, бриллианты создаются под давлением, и я уверена, что мое эссе из тысячи слов на тему «Как создать эффективный персональный бренд» — ни что иное, как шедевр. Действительно, пятерка в процессе становления. — Сейчас я просматриваю Pinterest в поисках идей для моего следующего похода на ногти. Есть какие-нибудь предложения?

Она наклоняет голову и изучает мои нынешние акриловые цвета. Мне нравятся мои ногти так же, как и каблуки — длинные и смертоносные. — Что ты думаешь о желтом цвете с подсолнухами?

У моего мастера по маникюру будет выходной. — Мне это нравится. Ты гений.

Она тихо хихикает. — О, я знаю.

Кеннеди — это красота и мозги, завернутые в шелковый дизайнерский бант. У нее второй по величине средний балл в бизнес-школе Университета Веста, и с темно-коричневой кожей, светло-кариими глазами и такими скулами, которым место на обложке журнала, моя лучшая подруга, несомненно, самая красивая девушка, которую я когда-либо видела.

Прежде чем я успеваю ответить ей, мой телефон, который я забыла переключить на беззвучный режим, жужжит от входящего текстового сообщения.

Сейчас такое время вечера, и даже Кеннеди знает об этом, потому что она одаривает меня обалденной ухмылкой. — Кто это?

Я борюсь с румянцем. Она чертовски хорошо знает, кто это.

Есть только один человек, который пишет мне каждый день, в обязательном порядке, в это время.

Еще один мой лучший друг.

Лиам О'Коннелл.

Когда я училась в выпускном классе средней школы, мой учитель английского был помешан на эпистолярном творчестве и устроил так, что у нашего класса появились друзья по переписке в другой средней школе.

Вот так мы с Лиамом «познакомились» в восемнадцать лет.

Исписанные синими чернилами письма, наполненные различными размышлениями, мы

нашли общий язык в телешоу «Сверхъестественное» и в том факте, что мы оба были любителями белого шоколада. Наши отношения начались на поверхностных темах и переросли во что-то, превзошедшее наши ожидания.

Он тот, с кем я могу говорить обо всем и ни о чем, не беспокоясь о том, что меня осудят. Нет никого похожего на него.

Он терпеливый, добрый и, самое главное, поддерживающий.

Лиам был первым человеком, который узнал, что я поступила на программу маркетинга в Университете Веста. Он поощрял меня подавать документы, даже когда я боялась, что мои оценки не будут соответствовать требованиям.

Когда год назад я получила свое первое выступление в качестве модели больших размеров для популярного канадского бренда нижнего белья, он также был первым человеком, которому я написала смс. Он праздновал мою победу, как свою собственную.

Когда я рассказала о желании завести аккаунт в социальных сетях, чтобы распространять позитив тела и любовь к себе, он снова был первым человеком, который сказал мне, что я смогу изменить мир к лучшему.

Даже когда я не верю в себя, Лиам верит в меня.

И всякий раз, когда я чувствую себя подавленной, напряженной или в целом несчастной, он присылает мне солидный денежный перевод, чтобы я могла пойти и сделать маникюр в качестве угощения.

По сути, я обожаю Лиаму всеми фибрами души.

Он знает меня как свои пять пальцев, и, кроме Кеннеди, он единственный человек, которому я доверяю.

Кстати, о Кеннеди, в данный момент она выглядывает из-за стола, пытаюсь взглянуть на экран моего телефона. — Ты переписываешься со своим парнем? — она дразнит.

Слово «парень», ассоциирующееся с Лиамом, вызывает появление бабочек в моем животе.

— Не твое дело, Кен, — я в шутку смотрю на нее, открывая его сообщение.

Как прошел твой день, Бел? — Лиам

Мне нравится, что он называет меня Бел. Он единственный, кто это делает. Все остальные используют «Мэй» или «Мэйбл». Мне нравится, что у него есть что-то, что предназначено только для него.

Фантастически. Закончила свое задание и выбрала следующий маникюр — Бел

На что мы решились? — Лиам

Желтый с подсолнухами 😊, я представляю команду sunshine, так как ты ворчун. — Бел

Очень мило, детка. — Лиам

Каждый раз, когда он называет меня деткой (да, я знаю, что это платонически), я таю, превращаясь в лужицу нежных чувств.

Кеннеди разрывает мой пузырь радости, спрашивая. — Тебе не кажется, что пришло время наконец встретиться с ним лично, Мэй?

— Да, — мои плечи опускаются, когда я поднимаю на нее взгляд, — я действительно думаю, что пришло время.

Забавный факт: я понятия не имею, как выглядит Лиам.

После окончания средней школы мы обменялись номерами телефонов в нашем

последнем письме, чтобы поддерживать связь. Но когда я попросила его встретиться, он сказал, что берет годичный отпуск, чтобы навестить своих бабушку и дедушку в Ирландии. Я даже предложила видеозвонок, потому что так отчаянно хотела его увидеть, но он уклонился от этого под каким-то неубедительным предлогом о разнице во времени.

По какой-то причине у Лиамы есть потребность оставаться скрытым за своими стенами.

Может быть, анонимность нашей дружбы облегчает ему раскрытие. И у меня такое чувство, что кто-то сильно обидел Лиаму в прошлом, поэтому он немного застенчив и замкнут.

Кроме как со мной через смс.

Может быть, он тоже думает, что встреча друг с другом все изменит и разрушит волшебство?

Сейчас, когда я учусь на втором курсе Университета Веста, наша дружба длится уже два года. И Лиам вернулся в Монтардор, а это значит, что мы должны в конце концов встретиться.

Мы больше не можем так продолжать.

Желание увидеть его усиливается с каждым разом, когда мы переписываемся.

Возможно, я не знаю, как выглядит Лиам, но как только я узнаю, это никогда не изменит моих чувств к нему. Я люблю его большое сердце и его золотую душу, в которой столько доброты.

Игнорируя странную боль, пронзающую мою грудь всякий раз, когда я думаю о встрече с Лиамом, я отправляю ему фото своего молочного коктейля с манго.

Если бы тебе пришлось пить один ароматизированный молочный коктейль всю оставшуюся жизнь, что бы это было? — Бел

Он отвечает через несколько секунд.

Клубничный молочный коктейль до конца. — Лиам

Манговый молочный коктейль — единственный приемлемый ответ. Я размышляю о нашей дружбе. — Бел

Одно из моих самых приятных воспоминаний детства — это поедание манго с моими титами (я наполовину филиппинка, и именно так я обращаюсь ко всем своим тетям по отцовской линии) жаркими летними вечерами. От них я унаследовала свою любовь к фруктам.

Тогда это молочный коктейль с манго, детка. — Лиам

У меня замирает сердце, когда я представляю себе фальшивые сценарии с лучшим другом, которого я никогда не видела. Представляю себе его внешность, его рост, его смех, его улыбку, его глаза, и... вы поняли идею.

Кеннеди бросает на меня многозначительный взгляд, протирая стойку тряпкой. — Итак, в эту пятницу состоится миксер5. Её организует ассоциация «Женщины в бизнесе» в Весте. Нам пора сходить.

Мои пальцы перестают двигаться по экрану телефона, и я выгибаю бровь. Я как раз собиралась отправить Лиаму забавную гифку. — Э-э, с каких это пор я выхожу из дома?

Это печально, но я в некотором роде интроверт. Вместе с моими двумя друзьями, семьей и кошкой все, что мне нужно, — это книги о любви, музыка RnB и фильмы Диснея, чтобы быть счастливой.

— Ты никогда этого не делаешь, но тебе не кажется, что пришло время оставить прошлое в прошлом? — Кен прикусывает губу и смотрит на меня с нежностью. — Теперь

все по-другому.

У меня перехватывает горло. Больно глотать.

Технически сейчас все по-другому.

Но насколько по-другому?

Когда я училась в младших классах средней школы, я пошла на большую вечеринку в Саут-Сайд, Монтардор, и познакомилась с очаровательным белокурым хоккеистом. Он провел ночь, ласково разговаривая со мной и подавая выпивку, пока я не напилась в стельку. Когда он сказал встретиться с ним наверху, в одной из спален, чтобы переспать, я помню, как была взволнована и отчаянно хотела покончить с неловкостью первого раза — хоть раз почувствовать себя настоящим подростком, — что я, спотыкаясь, вошла в указанную спальню и стала ждать его в темноте.

Я была такой дурой, думая, что он искренне заинтересован.

Все это было ловушкой.

Когда он вошел в комнату, мы начали целоваться, и только тогда я поняла, что это был не он, а один из его товарищей по хоккейной команде... которого он напоил и привел в комнату под ложным предлогом того, что я его девушка. Мы оба были ошеломлены, и когда настоящая девушка товарища по команде ворвалась в дверь, выглядя на пятьдесят оттенков злее и с разбитым сердцем, я слишком поздно поняла в своем пьяном угаре, что меня втянули в заговор мести. Тот, который не имел никакого отношения ко мне и полностью касался титулованных богатых детей Саут-Сайда, Монтардора, которые без зазрения совести причиняли боль другим ради собственной выгоды.

Та ночь породила у меня проблемы с доверием и неприязнь к богатым светловолосым парням, которые вели себя так, словно весь мир принадлежал им.

Хотя впоследствии он прислал мне письмо с извинениями, ущерб уже был нанесен.

После той вечеринки я отказалась ходить на большие светские мероприятия. Я также не употребляю алкоголь на публике.

Тем не менее, я ценю, что Кеннеди заботится обо мне и пытается заставить меня немного пожить.

— Где находится этот так называемый миксер? — я заслуживаю медали за то, что стараюсь.

Кеннеди накручивает одну из своих косичек между пальцами. — Это в «Макгрегоре», баре дальше по улице. Я думаю, это может быть отличной возможностью начать новый семестр и познакомиться с людьми.

Я сглатываю комок в горле и прихлебываю свой манговый молочный коктейль. — Во сколько?

— Девять вечера, — Кеннеди с надеждой улыбается. — Шеннон поменялась со мной сменами, так что я не работаю до закрытия. Я действительно хочу пойти, Мэй. Пожалуйста?

Один неудачный опыт не должен перечеркивать возможность новых положительных событий. Возможно, это именно то, что мне нужно, чтобы выйти из своей зоны комфорта и попытаться расширить круг общения. Вероятно, я чувствовала бы себя менее одинокой на своих предстоящих занятиях, если бы действительно завела друзей на этом мероприятии.

— Ладно. Ты права. Давай сделаем это, — я использую свою шелковую резинку для волос, чтобы завязать свои черные волосы — некоторое время назад я была блондинкой, прежде чем перекрасить их в свой естественный цвет — в конский хвост. — Я заеду за тобой в восемь тридцать.

— О, Боже мой. Ты действительно это имеешь в виду? — Кен гудит от возбуждения, — мы в буквальном смысле собираемся так хорошо провести время.

Если из этого ничего не выйдет, то, по крайней мере, я сделаю счастливой свою лучшую подругу.

— Да, я в деле, — я закрываю свой ноутбук и кладу его в сумку. — Это могло бы быть забавно.

— Почему бы тебе не спросить Лиама, не хочет ли он прийти?

Моя улыбка увядает. — Я думаю... Я могла бы.

Я имею в виду, ведь не повредит пригласить его на вечеринку, верно? Что самое худшее может случиться? Он скажет «нет», как всегда.

Я подтягиваю бретельку лифчика — мои сиськи, мое любимое достоинство, дают фору большинству бюстгальтеров за их деньги — и продолжаю разговор с Лиамом. Прежде чем я успеваю струсить, я делаю свой выстрел.

Что ты делаешь в эту пятницу? — Бел

Лиам отвечает мгновенно. Он никогда не заставляет меня долго ждать.

Что будет в пятницу? — Лиам

В «Макгрегоре» будет миксер. Кеннеди убедила меня пойти, и я думаю, это может быть весело. Хочешь присоединиться? — Бел

Я задерживаю дыхание, ожидая его ответа. Каждая секунда растягивается в вечность, когда ты чего-то ждешь. Дерьмо. Я вся вспотела. Под грудью. Под мышками. Как бы вы это ни называли. Я практически допиваю свой молочный коктейль еще двумя глотками.

Может быть, я встречу тебя там. — Лиам

Я моргаю несколько раз.

Действительно? — Бел

Да. Я напишу тебе в пятницу, чтобы сказать точно. — Лиам

Отец небесный! Неужели я наконец-то встречу со своим приятелем по переписке, ставшим лучшим другом по смс?

Здравый смысл подсказывает мне не слишком волноваться. Это Лиам. Король всех флейкеровб. Король оправданий. Король «Давай-обнадежим-Мэйбл-без-всякой-чертовой-причины».

Но мое безнадежное сердце не получает памятку, когда я отвечаю на сообщение.

Прекрасно 😊, я не могу дождаться, когда увижу тебя <3. — Би

Мэйбл

Я не смогу прийти, Бел. Мне так жаль. Кое-что произошло. — Лиам

Сказать, что последнее сообщение Лиам испортило мне настроение, было бы преуменьшением.

Я только что вспомнила, почему я не хожу на свидания. Мужчины чертовски сбивают с толку и годятся только для одного: открывать банки. Учитывая, что большинство из них даже не могут определить местонахождение клитора, я твердо стою на своем предыдущем утверждении.

Я чувствую запах дерьма за милю. Если Лиам не хочет меня видеть, прекрасно. Это не значит, что я не собираюсь относиться к нему холодно в течение двадцати четырех часов. Мы никогда не ссоримся. Редко спорим, если только это не касается таких тривиальных вещей, как лучший фильм ужасов, лучшее место для летнего отдыха и лучший бойз-бэнд в мире. Кстати, «Молчание ягнят», Сейшельские острова и One Direction — единственные приемлемые ответы.

Но эта откровенность меня раздражает.

И снова я напрасно строила свои надежды. Единственное, что поддерживало меня на этой неделе — это тот факт, что я собиралась встретиться с Лиамом лично.

У меня новый наряд. Я сделала маникюр. Мне сделали бразильскую эпиляцию киски, и ради чего? Чтобы Лиам бросил меня!

Я наконец-то испытываю то всемирное разочарование, которое испытывают девушки, когда у них отменяются встречи с членом. Не то чтобы это была встреча с членом, но в ней действительно участвовал раздражающий парень, у которого есть член, так что да, вы поняли суть.

Я оставляю сообщение Лиам прочитанным и пишу Кеннеди.

Я выезжаю через десять минут, чтобы забрать тебя. — Мэйбл

Кеннеди отвечает на мое сообщение простым поднятием большого пальца.

Мой кошка Чито прижимается к моим ногам. Я наклоняюсь, чтобы поднять ее и уткнуться носом в ее оранжевую шерстку. Она перебирает мои волосы, прежде чем удобно устроиться у меня на груди.

— Держись подальше от парней, Чито, — шепчу я ей, и она моргает своими большими глазами, глядя на меня. — Они бесполезны. Повторяй за мной. Никаких мальчиков. Никогда. Чито мяукает в ответ.

— Этого достаточно, — я опускаю ее в изножье своей кровати, и она вытягивается. — И перестань играть с соседским котом. Я знаю, что ты ему нравишься. Не успеешь оглянуться, как твоя кошачья задница залетит. Поняла?

Чито не должна беспокоиться из-за меня. Она снова мяукает, и я вздыхаю, подходя к своему зеркалу в полный рост.

Нервы скручивают мой живот в узел. Очевидно, я знаю, что это здорово для меня. Выбираться наружу. Знакомиться с новыми людьми. Расширять свой кругозор. И так далее. И так далее. И так далее. Погружение в общественную жизнь во многом похоже на погружение в круг знакомств: в нем нет блеска и в нем нет необходимости, когда у меня уже

есть небольшой круг людей, которые обожают меня и которых я обожаю в ответ.

Но, увы, мы это делаем.

Я бросаю взгляд на свое отражение в зеркале.

Проведя так много времени на фотосессиях с запекшимся лицом, я сегодня минимизирую свой макияж, используя тональный крем, тушь для ресниц и немного розового блеска для губ. Я поправила волосы и надела черный топ с открытыми плечами, черную джинсовую юбку и черные туфли на шпильках, которые могут ранить.

Я могу с уверенностью сказать, что хорошо выгляжу.

Несмотря на прыщик, слегка заметный у меня на щеке. Несмотря на легкий целлюлит в верхней части бедер. Несмотря на то, что некоторые сочли бы, что мне нужно сбросить несколько килограммов, прежде чем я достигну идеального веса.

К сожалению, в социальных сетях женщины всех возрастов критикуют себя и сравнивают с нереалистичными стандартами. Любовь к себе — трудное путешествие, но оно того стоит, потому что конечный результат — комфортная жизнь в своей шкуре и переживание истинного счастья — абсолютно чудесен.

Мне потребовались годы, чтобы прийти к этому мощному осознанию: я, по сути, совершенна. Это общество таким не является.

Единственное, чего не хватает, чтобы я чувствовала себя совершенной в этот момент, — это улыбки на моем лице.

Которая отказывается показываться теперь, когда Лиама там не будет.

Как всегда, я фотографирую себя в зеркале в полный рост, не забывая продемонстрировать свои убийственные каблуки, и публикую это в своем аккаунте в Instagram с хэштегом «OOTD7». Через несколько секунд на меня обрушивается поток лайков и ободряющих комментариев.

Это помогает облегчить боль от того, что меня подставили.

Ответив на несколько комментариев, я надеваю свою маленькую сумочку через плечо и выхожу.

Пора пойти повеселиться.

Мне совсем не весело.

Внутри «Макгрегора» как в духовке, и даже воздух пропитан мириадами запахов: двухдолларовой текилой, дешевыми духами и ужасающим БО.

Музыка слишком громкая, и людей набито, как сардин в банку. В настоящее время мы с Кеннеди зажаты между двумя сестрами из женского общества, которые пьют спиртное, как воду, и дают каждому мужчине возможность получить сполна за свои деньги. Как им и следовало бы делать.

— Мы можем уйти? — кричу я Кеннеди на ухо, надеясь, что она услышит меня сквозь шум.

— Прошло всего двадцать минут, Мэй! — кричит она в ответ.

Двадцать минут я пыталась. Это должно что-то значить.

Я состроила свое лучшее умоляющее лицо. — Пожалуйста, Кен.

Кеннеди улыбается, как хороший спортсмен, вместо того чтобы раздражаться из-за моей интровертности. Есть такое слово? Если нет, то я создала его. — Как насчет того, чтобы задержаться еще на сорок минут, а потом перекусить мороженым в новом заведении,

которое открылось в центре города?

— Договорились, — путь к моему сердцу действительно лежит через еду.

— Я действительно рада, что мы вышли сегодня вечером, — Кеннеди заключает меня в крепкие объятия. Может, она и маленькая, но она чертовски сильная. — Давай, пойдём выпьем!

Очевидно, она наслаждается сегодняшним вечером.

Я и мой пот под грудью на самом деле не разделяем её мнение.

Я завидую тому, какой хладнокровной и собранной выглядит Кеннеди. Ни единой струйки пота на её коже.

Моя лучшая подруга выглядит очень мило в платье-блейзере. Сегодня вечером её палитра — симпатичный зелёный, и она украшена изящной золотой бижутерией. Если бы существовал какой-то один способ описать стиль Кеннеди, то это был бы деловой шик. У этой девушки есть блейзеры всех цветов радуги и туфли на каблуках в тон к ним.

Я заметила, что несколько парней пялятся на неё, но она не обращает на них внимания, заказывая нам напитки. Секс на пляже для неё и Ширли Темпл для меня.

Мы чокаемся бокалами. — Выпьем за...

Слова Кеннеди повисают в воздухе, когда она замечает что-то за моим плечом.

Нахмурившись, я слежу за направлением её взгляда.

Коварная усмешка изгибает мои губы.

Она смотрит на бильярдные столы, за которыми собралась компания парней из Университета Веста. Один из парней поднимает глаза и видит Кен.

Калев Райт.

Бизнес-братан, играющий в хоккей. Кто-то вроде плейбоя (он часто встречается с разными девушками⁸, если все сплетни по школе верны). Тело и лицо полностью подходят для рекламы мужского нижнего белья.

И также известен как любовный интерес Кеннеди.

Теперь все это обретает смысл.

Я стараюсь свести поддразнивание к минимуму, но, конечно, терплю неудачу. — Так вот почему ты хотела прийти сегодня вечером. Ты знала, что Калев будет здесь.

Кеннеди на самом деле краснеет. — Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

Вот в чём дело. Моя лучшая подруга была без ума от этого парня с тех пор, как я себя помню. У неё никогда не хватало смелости сделать первый шаг, да и у него, если уж на то пошло, тоже. Но я готова поспорить, что она привлекает его не меньше, если не больше.

Может быть, сегодня вечером они смогут перестать играть в кошки-мышки и наконец собраться вместе.

Губы Калеба изгибаются в дерзкой ухмылке. Он прислоняется к стене и скрещивает руки на груди, оглядывая её сверху донизу. Приглашение ясно, как божий день. Он, по сути, смотрит в глаза Кеннеди и говорит: «Дай это мне».

Я легонько толкаю её в плечо. — Мужчины — самое слабое звено. Если женщина хочет, чтобы что-то было сделано, она должна сама проявить инициативу. Иди, сделай первый шаг и, ради бога, снимите сексуальное напряжение. У меня от этого крапивница.

Кеннеди издаёт сдавленный смешок. — Я не могу поверить, что ты это сказала.

— Поверь в это. А теперь уходи! В противном случае, я сама отнесу тебя туда, как пещерная женщина, и положу к его ногам, как подношение, Кен. Не заставляй меня ставить в неловкое положение нас обоих сегодня вечером.

Она знает, что я не шучу.

Кеннеди набирается храбрости, опрокидывая в себя свой напиток. — Ладно. Я сделаю это. Как я выгляжу?

— На миллион баксов.

Она выдавливает улыбку, полную благодарности. — На случай, если я еще не сказала этого сегодня, я люблю тебя.

— Я знаю, что любишь. А теперь настрой свою внутреннюю львицу и покажи Калебу, чего ему не хватает.

— Верно. Я могу это сделать, — она непреклонно кивает, заправляя свои косички за ухо. — Львица. Вот кто я такая. Услышь, как я реву.

— Молодец, девочка, — я шлепаю ее по заднице, чтобы заставить двигаться в правильном направлении.

Я наблюдаю, как гордая мама, как Кеннеди направляется к Калебу со всей уверенностью сирены, покачивая бедрами при каждом шаге. Он смотрит на нее как высокомерный мужчина, который уже у неё на крючке.

Пока я поглощаю свой «Ширли Темпл», боковым зрением замечаю двух девушек, приближающихся ко мне. У них обнадеживающие, неуверенные выражения лиц, когда они спрашивают: «Ты Мэйбл?»

Сбитая с толку, я вежливо отвечаю: «Да, это я».

Может быть, в прошлом мы ходили на общие занятия?

Одна из девушек вспыхивает от волнения. — Мы знали, что ты выглядишь знакомо.

В течение пяти минут я узнаю, что они подписаны на мой Instagram под ником *mabelgarciaxo*. Они узнали меня и захотели подойти поздороваться. У меня почти семьдесят тысяч подписчиков, и мой аккаунт в социальных сетях посвящен тому, что я любящая себя модель больших размеров, студентка университета дробь пытающаяся вдохновить женщин жить по правде и быть более уверенной в себе.

Девушки говорят мне, как сильно они ценят послание, которое я передаю, и то, как мои посты вдохновляют их.

Тепло наполняет мою грудь, и я стою ошеломленная.

Иногда мы на мгновение забываем о собственной ценности, пока кто-нибудь не напомнит нам об этом. Так легко заблудиться в постоянно бурлящей яме самоуничтожения и плохих мыслей. Но моменты, подобные этим, вытаскивают тебя обратно на поверхность и заземляют.

Завязывается разговор о стандартах красоты, принятых в обществе. Мы говорим о способах отучиться от концепций, которые вредят нам, и одновременно учимся безоговорочно любить ту кожу, в которой мы находимся.

Когда мы заканчиваем, я подписываюсь на девушек в Instagram, и они уходят, дружелюбно помахав мне и подпрыгивая в такт шагам. Я благодарна, что пришла сегодня вечером и вышла из своей зоны комфорта, хотя бы ради этого единственного приятного общения. Общение с ними стало хорошим напоминанием о том, что не все злонамеренны и стремятся заполучить меня ради собственной выгоды.

Ощущение, что я на седьмом небе от счастья, улетучивается, когда я бросаю взгляд на Кеннеди и Калеба, которые весело проводят время, открыто флиртуя в переполненном баре.

Внезапно все, о чем я могу думать, — это о Лиаме.

Множество эмоций проносится через мой организм.

Множество эмоций переполняют меня.

Радость от того, что я пришла сюда. Разочарование, что Лиам снова кинул меня.

Нуждаясь на минутку отвлечься от музыки и болтовни, я пробираюсь сквозь толпу к туалетам, расположенным в дальнем коридоре.

Госпожа удача, должно быть, ненавидит меня.

Не успеваю я сделать и трех шагов, как высокий чувак умудряется ударить меня локтем в скулу, когда исполняет танец цыпленка, чтобы произвести впечатление на девушку рядом с ним.

Раздается тошнотворный звук, когда кожа шлепается о кожу, и мы оба громко ахаем.

Он в страхе. Я в шоке, потому что я буквально взлетела до небес в совершенно новое измерение.

Мучительная боль пронзает мои нервные окончания, и я раскачиваюсь.

Содержимое моего «Ширли Темпл» разбрызгивается по земле липким месивом, заставляя нескольких человек вскрикнуть.

— Мне так ж-жаль, — выдыхаю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Возникает громкий шум, когда люди, шаркая, расходятся. Мои щеки вспыхивают от жгучего унижения.

Насмешливый голос в моей голове снисходительно шепчет: «Видишь, Мэйбл? Вот почему ты никуда не выходишь. С тобой всегда случается что-то постыдное. Надо было остаться дома с Чито и смотреть фильмы.»

Парень, который ударил меня, рассыпается в извинениях, но я слишком занята тем, что держусь за щеку, утопая в жалости к себе, чтобы ответить.

Ни с того ни с сего раздается низкий голос. — Отойдите с дороги!

Вздрагнув, я поднимаю взгляд... и мгновенно замираю.

Есть только один способ описать мужчину, появляющегося в поле моего зрения.

Высокий, красивый и просто в идеальной степени крепкий.

Он выглядит как настоящий воин.

У него русые волосы с оттенком каштана, коротко подстриженные сбоку, а более длинные пряди на макушке немного растрепаны. Как будто он провел по ним пальцами, и теперь они просто делают свое дело.

И его тело.

Господи, помилуй.

Он сильный и плотный, и его крепкая фигура подчеркнута обычным черным поло и темными джинсами «вышибал Макгрегора». Клянусь, у меня слюнки текут при виде этих выпуклых мускулов и того, как они изгибаются, когда он расталкивает людей, чтобы добраться до меня.

Черты его лица искажены хмурым выражением, и я вижу, как сжимается его челюсть под густой бородой, когда он стоит передо мной, осматривая меня с головы до ног.

Эти его голубые глаза, беспокойные, как океан, пылают.

И когда наши взгляды встречаются, клянусь, мир на мгновение перестает вращаться вокруг своей оси.

Лиам

Что ж, если это не девушка моей мечты.

Иисус Христос.

Она такая красивая, что я ошеломлен.

Я уже был влюблен в свою лучшую подругу, но увидеть ее лично? Я совершенно одержим.

Шелковистые черные волосы спускались ей до талии. Карие глаза, обрамленные темными ресницами. Пухлые губы, идеально покрашенные блеском. Личико в форме сердечка, которое я просто хочу обнять и посмотреть, такая ли нежная на ощупь ее загорелая кожа, как кажется.

У меня пересыхает в горле, когда я замечаю маленький черный наряд, облегающий ее изгибы. При виде ее пышного декольте я чувствую себя одной из собак Павлова. Не говоря уже о том, что я хочу, чтобы эти сексуальные ножки на каблуках лежали у меня на плечах, пока я, со всем уважением, буду трахать нас обоих шестью способами до воскресенья.

Мэйбл Гарсия была объектом моей любви и привязанности в течение двух лет. Она понятия не имеет, как часто я разглядывал ее фотографии и запоминал каждую деталь, чтобы закрыть глаза и живо представить ее. Она понятия не имеет, что при нашей первой встрече у меня такое чувство, будто в мое сердце попала стрела.

Девушка моей мечты понятия не имеет, что она похожа на богиню, и я чувствую себя смиренным слугой, готовым поклоняться у ее алтаря.

Мэйбл никогда не видела меня лично или на фотографиях; не похоже, что она может меня узнать.

Но какая-то часть меня желает, чтобы, когда она посмотрит мне в лицо, она поняла, что это я.

Ее лучший друг.

Её Лиам.

Внезапно чувство вины пронзает мою совесть. Я обнадежил ее, сказав, что, возможно, встречу с ней, а потом сбежал, как трус, потому что, во-первых, я не был готов встретиться с ней лицом к лицу, а во-вторых, в итоге, мне пришлось работать в ночную смену.

Мои мысли возвращаются на землю. Я помню, что мы находимся в Макгрегоре, окруженные множеством завсегдаев баров, и Мэйбл держится за щеку. Она только что получила удар локтем в лицо от маленького засранца, у которого нет чувства направления.

Гнев пульсирует во мне. Я хватаю парня, который случайно ударил ее, за шиворот. Он все еще извиняется, когда я толкаю его в противоположную от нее сторону, где он больше не может причинить вреда.

Как вышибалы, моя работа заключается в том, чтобы пресекать подобные «инциденты». Хотя не каждый день это касается девушки, которую ты любишь. Я пытаюсь отделить свои личные чувства, чтобы не выдавать слишком много, но все равно в итоге рычу: «Убирайся отсюда на хрен!»

Толпа расходится от одного моего горячего взгляда.

Мэйбл все еще стоит, как вкопанная, на своем месте, когда я снова поворачиваюсь к ней

лицом.

Я подхожу к ней на шаг ближе.

Будучи шесть футов пять дюймов, я возвышаюсь над всеми, но Мэйбл на своих каблуках достает мне до груди. Похоже, ее не пугает мой гигантский рост. Редкое явление, поскольку большинство людей убегают от непосредственной близости со мной.

Она действительно смотрит на меня со смесью благоговения и удивления.

Мне нужно все мужество, чтобы наклонить голову и тихо спросить: «Ты в порядке?»

Теперь мы почти на одном уровне глаз. Она кивает, почти застенчиво. — Э-э, да. Спасибо тебе за... это.

— Ты не должна меня благодарить, — хриплю я, разминая пальцы. Желая прикоснуться к ее щеке, чтобы успокоить ее. Я останавливаю себя, потому что это было бы жутко, учитывая, что мы только что «встретились». — Это выглядит действительно больно.

— И ощущается так же, — она издает самоуничижительный смешок и бормочет себе под нос, — Вот что я получаю за то, что выхожу из своей зоны комфорта.

Я не уверен, что понимаю, что она имеет в виду. Все, что я знаю, это то, что образуется неприятный синяк, и я не могу спокойно видеть его на ее великолепной коже. Я скрежещу челюстью. — Послушай, я могу принести тебе немного льда из бара. Это должно помочь снять отек.

Она больше не смущается, так как люди вокруг нас уже забыли о суматохе и вернулись к вечеринке. Но ее плечи все еще поникают, и я ненавижу общую грусть, витающую вокруг нее. — Да, я думаю, это было бы неплохо.

— Хорошо, иди за мной, — я разворачиваюсь, чтобы проложить нам путь, затем резко останавливаюсь, бросив на нее быстрый взгляд через плечо. — Кстати, меня зовут Ли.

Мэйбл всегда называла меня только Лиамом, так что Ли — достаточно безопасное прозвище. Она и не заподозрит, что это я, и, честно говоря, я этого не хочу.

Жалко говорить это вслух, но я немного неуверенный в себе осел.

Мне не обязательно нравится то, что я вижу в зеркале, но я примирился со своей внешностью, ростом и... весом. Я знаю, что меня нельзя назвать красивым в общепринятом смысле. По крайней мере, физически я сильнее большинства. Взрослея, я всегда был изгоем из-за своей внешности. Хотя Мэйбл не из тех, кто осуждает, я не хочу ее разочаровывать.

Она настолько не в моей лиге, что это даже не смешно.

Мэйбл — умная, добрая и красивая девушка.

И я, ну, это я.

У меня безупречная трудовая этика, я забочусь о людях, которых люблю, и я джентльмен там, где это важно, но моя голова не настолько в заднице, чтобы предполагать, что кто-то, вроде нее, захочет завести со мной романтические отношения.

Она, наверное, думает, что ее лучший друг по смс — это какой-нибудь худощавый чувак нормального роста. Не парень гигантских размеров, который выглядит как уродливый громила.

Эта мысль раздражает меня, но это чувство недолговечно, когда Мэйбл улыбается мне. — Приятно познакомиться с тобой, Ли. Я Мэй.

Ее улыбка освещает мои внутренности, как рождественская елка.

Боже, она такая милая, что это действительно причиняет боль.

Я получаю удовольствие от того, что она не представилась как Бел. Это мое прозвище для нее, и я территориальный ублюдок. Мне бы не хотелось, чтобы незнакомые люди

называли ее Бел.

Я знаю, я знаю. Как это похоже на пещерного человека с моей стороны.

Одаривая ее своей собственной неуверенной улыбкой, я говорю. — Взаимно, Мэй.

Мы пробираемся сквозь густую толпу. Я хочу схватить ее за руку, но не делаю этого, потому что она не давала на это согласия. Она по-прежнему следует за мной по пятам, ее присутствие согревает мою спину, как солнце после нескольких дней дождя.

Вот, кто для меня Мэйбл. Мое маленькое солнышко в моей, в остальном, мрачной жизни.

Мы подходим к оживленному бару, и я подаю знак бармену. Пия ловит мой взгляд и неторопливо подходит, несмотря на многочисленные звонки с заказами. — Что случилось?

— Мне нужно немного льда, — я киваю подбородком в сторону кассового аппарата. Там есть небольшая вазочка, наполненная трюфелями из белого шоколада в индивидуальной упаковке. Мы держим их, чтобы перекусить во время наших смен. Так уж случилось, что они любимые у Мэйбл и у меня. — И еще несколько этих штук.

Пия, благослови господь ее сердце, протягивает мне всю миску вместе с пластиковым стаканчиком, наполненным льдом. — Все в порядке?

Когда Пия замечает Мэйбл, стоящую позади меня, ее глаза расширяются от узнавания.

Помимо Мэйбл, Пия — еще одна моя самая близкая подруга. В результате я рассказал ей о своей тайной влюбленности. Я печально известен тем, что просматриваю Instagram Мэйбл в комнате отдыха для персонала, и Пия неоднократно видела, как я безнадежно скучаю по сексуальной шалунье-модели.

Может быть, это и прискорбно, но я ни о чем не жалею.

Я могу смотреть на Мэйбл весь день напролет и мне не будет скучно.

— Послушай, я сделаю перерыв сейчас. Дай знать Доновану, если он спросит, хорошо?

— Звучит неплохо, — Пия подмигивает мне, прежде чем вернуться к приготовлению напитков. Я уже знаю, что, когда вечер закончится, она потребует все детали происходящего.

Всегда болеющая за аутсайдеров, Пия — моя самая большая болельщица.

Когда я снова поворачиваюсь к Мэйбл, она смотрит на меня снизу вверх с такой нежностью, что у меня все переворачивается внутри. Внезапно я хочу проникнуть в ее сознание и посмотреть, что она видит, когда смотрит на меня.

— Спасибо, — она поворачивается на каблуках. — За то, что принес мне лед. Это было любезно с твоей стороны.

Музыка слишком громкая. Я наклоняю голову и говорю ей на ухо: «Я знаю место сзади, где мы можем присесть и обработать твой синяк. Не хочешь пойти со мной?»

Я уверен, что она приехала сюда со своей лучшей подругой Кеннеди, которой нигде не видно. Я надеюсь, что Мэйбл, тем временем, захочет составить мне компанию.

— Да, пожалуйста.

Моя грудь раздувается от гордости, и я веду нас в заднюю часть бара, к запасному выходу. Там есть коридор с кирпичными стенами и деревянной скамейкой, на которой иногда отдыхает персонал. Мы также держим заднюю дверь открытой для поступления свежего воздуха, так что, когда мы с Мэйбл входим в тускло освещенное помещение, дует приятный ветерок.

Она первой опускается на скамейку, и я следую ее примеру, сохраняя приличную дистанцию между нами. Я протягиваю ей пластиковый стаканчик, и кубики льда звякают друг о друга.

Мэйбл прикладывает его к щеке и слегка шипит. — Ой.

Несчастный случай или нет, но желание избить парня, который ударил ее, возвращается. — Это снимет опухоль, и к завтрашнему дню все должно быть не так уж плохо.

Она тяжело вздыхает. — Я надеюсь на это. Через несколько дней у меня фотосессия, и я не могу позволить себе иметь большой синяк на щеке.

Я хрущу своими татуированными костяшками пальцев. Я знаю, что Мэйбл работает моделью на полставки, будучи студенткой факультета маркетинга. Моя девушка — амбициозна⁹. Еще одна вещь, которая мне в ней нравится.

— Что это за фотосессия? — спрашиваю я так, как будто понятия не имею. Что угодно, лишь бы снова услышать ее мягкий, скрипучий голос.

Она вытягивает свои загорелые ноги, и ее черная юбка задирается выше на ее толстых бедрах. Я подавляю стон, мысленный образ их раскрытых объятий, когда я осыпаю их нежными поцелуями, обжигают мой разум.

Никто не заводит меня так, как эта женщина.

Мой телефон забит банком фантазий о Мэйбл¹⁰, различными снимками прямо из ее Instagram. Несколько месяцев назад она снялась в фотосессии в купальнике, и я чуть не сошел с ума, увидев ее мокрой в маленьком желтом бикини, который почти ничего не скрывал.

Это моя любимая вещь, на которую я смотрю каждый вечер перед сном.

— Это фотосессия нижнего белья. На самом деле я работаю моделью.

Я тоже вытягиваю ноги. — А, я понимаю. Тебе нравится то, что ты делаешь?

В глазах Мэйбл вспыхивает огонек. — Иногда дни бывают очень долгими и изнурительными, но да, мне нравится то, что я делаю. Я знаю свои ракурсы и чувствую себя наиболее уверенно перед камерой. Для меня работа моделью — это очень вдохновляющий опыт.

Это совершенно очевидно. Ее страсть сквозит в каждой фотографии, которую она публикует. Жаль, что я не могу сказать ей лично — а не в смс — как я горжусь ею.

— Это потрясающе, Мэй, — говорю я вместо этого, мой голос хриплый и искренний.

— Спасибо, что выручил меня, — её карие глаза встречаются с моими, и её улыбка превращается в оскал. — Тебе также не обязательно было тусоваться со мной, пока я замораживаю эту штуку.

Я всегда хочу быть только там, где ты, милая.

Яжимаю плечами, как будто в этом нет ничего особенного, но мне кажется, что это самый решающий момент в моей жизни. Мне хочется ущипнуть себя. Однако, если это сон, я никогда не хочу просыпаться.

— Я все равно собирался на перерыв, а я не очень люблю шумные места.

— Иронично, учитывая, где ты работаешь, а? — мне нравится, что она дразнит меня. — Я тоже не любитель больших сборищ. Я пришла сюда в качестве одолжения для друга.

Я знаю, почему Мэйбл не любит большие сборища. Мысль о том, что случилось с ней в прошлом, заставляет мою кровь закипать. Какой-то дерьмовый человек действительно решил поиздеваться над моей девушкой ради собственной выгоды, и мне больно, что это причинило Мэйбл такую травму.

— Где сейчас твой друг? — спросил я.

— Надеюсь, у нее все наладится с ее увлечением. Решила, что дам им немного побыть

наедине, прежде чем стану третьей лишней.

На нас опускается тишина. Однако она не кажется некомфортной. Больше компанейской. Моя неспособность открыться другим, за исключением Мэйбл и Пии, сделала меня немного одиночкой. Что меня вполне устраивает, поскольку большинство людей, в любом случае, отстой.

В жизни я узнал, что люди редко проявляют к вам интерес, если только они не могут извлечь из вас какую-то выгоду. И когда ты больше не будешь служить их целям, они выбросят тебя, как вчерашний мусор.

За исключением Бел.

Во время программы по написанию эпистолярных писем Мэйбл заботилась обо мне, когда никто другой этого не делал. Она заставила меня почувствовать, что я был чем — то большим, чем объект для развлечения других, — как будто у меня был голос. Поскольку она никогда меня не видела, для нее я не был тем парнем, над которым издевались из-за его роста. Или тем, которого дрянные девчонки в школе пригласили на свидание в качестве дурацкой шутки, просто чтобы унизить меня перед популярными детьми.

Для Бел я был просто собой.

Лиам О'Коннелл, парень, который любил смотреть боевики и культовые классические фильмы ужасов, которому нравилось заниматься садоводством по выходным со своей матерью, который любил читать фантастические романы и который мечтал создавать всевозможные творения прямо из своего воображения.

Для нее я что-то значил.

Влюбленность в мою лучшую подругу была неизбежна, и это произошло через несколько недель после знакомства с ней.

Мэйбл владела мной с первого письма и продолжает владеть даже спустя два года.

Я отодвигаю вазочку с трюфелями в белом шоколаде на скамейку, после того как взял один сам. — Вот. Угощайся.

Она наблюдает, как я разворачиваю один и отправляю в рот, прежде чем передразнить меня. — Белый шоколад — мой любимый.

Я знаю. — Мой тоже.

Мы делимся тайной улыбкой.

— Итак, Ли. Расскажи мне о себе, — Мэйбл практически стонет, когда шоколад попадает ей на язык, и я неловко ерзаю, моя твердая плоть упирается в шов моих темных джинсов.

Этот звук для моих ушей как музыка.

— Что бы ты хотела знать? — мне едва удается произнести эти слова.

— Сколько тебе лет? — она тянется за другой шоколадкой. Меня переполняет гордость, когда я замечаю ногти с подсолнухами на них. Мэйбл прислала мне фотографии вчера вечером после того, как закончила с ними. Мне нравится видеть, как она носит то, что я помог ей приобрести.

Я представляю, как эти ногти впиваются мне в спину, как последний ублодок. Все, что я чувствовал к этой девушке за последние два года, усилилось теперь, когда она физически находится рядом со мной. Я чувствую себя возбужденным, счастливым и чертовски влюбленным.

— Мне двадцать, — я чуть не захлебываюсь слюной, когда Мэйбл слизывает растаявший белый шоколад со своего большого пальца, словно чертова искусительница 11.

— Без шуток. И мне. Чем еще ты занимаешься, кроме спасения девушек, попавших в беду?

Это заставляет меня смеяться. — Помимо спасения девушек, попавших в беду, я хожу в университет. Я изучаю инженерное дело.

На секунду я начинаю нервничать. Такое чувство, что Мэйбл видит меня насквозь — видит, что я — Лиам. Я намеренно избегаю говорить, какой именно вид инженерии, поскольку она знает, что я изучаю гражданское¹². Не говоря уже о том, что в прошлом я лгал ей и говорил, что учился в другом институте. Я волновался, что, если я скажу про Университет Весты, она обыщет все это место, пока не найдет меня.

Я никогда не был готов к тому, что она физически найдет меня, но сегодня вечером? Я подумываю о том, чтобы рассказать ей правду о своей личности.

Я часто прокручивал в уме сценарий нашей первой встречи. На всех них Мэйбл выглядит испуганной моим дородным видом и легким шрамом, пересекающим мою щеку, наполовину скрытым под бородой.

За исключением того, что прямо сейчас она далека от ужаса. Осмелюсь сказать, она выглядит довольной и расслабленной. Может быть, узнать, что я Лиам, в конце концов, будет не так уж плохо.

Она будет раздражена тем, что я солгал, но я не думаю, что она отбросит меня в сторону, как бракованную игрушку...

— Мило. Чем бы ты хотел заниматься в этой области? — она расправляет плечи своего топа, и ее декольте подпрыгивает.

Я умер и попал на небеса.

— Инженерия довольно обширна, и я многое могу в ней сделать, — я опускаю взгляд в землю, прежде чем она замечает, что я смотрю на нее. — Но я точно знаю, что мне нравится работать руками, так как я всегда был увлечен созданием вещей с нуля.

Одна из моих долгосрочных целей — иметь возможность работать менеджером по строительству, курируя проекты от начала до конца. Идея однажды пройтись по мосту или постоять в здании, которое я помогал строить, кажется мне захватывающей.

Мэйбл скрещивает ноги и поворачивается всем телом в мою сторону, уделяя мне все свое внимание. Как будто она искренне заинтересована во мне. — Какие вещи тебе нравится создавать?

Сейчас, наверное, неподходящее время говорить ей, что я смастерил ей письменный стол после того, как три недели назад она пожаловалась, что ей нужен новый. Мебель белого цвета из цельного дерева соответствует эстетике ее комнаты. Я собирался набраться смелости и спросить у нее адрес, чтобы завезти его в ближайшие несколько дней.

— Все, что я смогу построить. Я себя не ограничиваю. Я начал с изготовления птичьих домиков и в конце концов дошел до таких вещей, как каркасы кроватей, комоды... офисные столы.

Ее челюсть отвисает. Она чрезвычайно впечатлена. Мои щеки вспыхивают.

— Это действительно удивительно, Ли. Большинство людей проживают всю свою жизнь, так и не поняв, для чего они предназначены, и я думаю, есть что-то мощное в том, чтобы найти свою страсть и следовать ей, — она смещается ближе ко мне, или это все выдумывает мое измученное воображение? — Кто знает, может быть, однажды ты построишь восьмое чудо света.

Это тоже заставляет меня усмехнуться. Эта девушка. Она просто понимает меня. — Кто

знает, а? Может быть, я даже назову его в твою честь.

Не спрашивайте меня, откуда у меня взялись яйца, чтобы флиртовать с помощью этой фразы. Однако это ужасная правда. Если бы я когда-нибудь смог построить что-то столь же грандиозное, как еще одно чудо, я бы назвал это в ее честь.

Мэйбл подмигивает, флиртуя в ответ. — Очень польщена.

Она тянется за еще одним белым шоколадом и протягивает один мне. Я беру его, и наши пальцы соприкасаются. Мне кажется, у меня екнуло сердце. — Как чувствует себя твоя щека?

Мэйбл дотрагивается до болезненного места и вздыхает. — Все в порядке. Ничего такого, чего не смогли бы исправить хороший консилер и цветокоррекция.

Лед в чашке практически растаял. Я делаю жест рукой, чтобы она отдала его. Она так и делает, и я ставлю его на дальний край скамейки, где мы случайно его не опрокинем.

Когда я снова обращаю на нее свое внимание, она пялится на мои татуировки.

— Можно мне? — спрашивает Мэйбл, прикусывая нижнюю губу.

Я киваю, и она двигается по скамье, пока наши бедра почти не соприкасаются.

Мое сердце сейчас бьется с перебоями, танцуя от чистого счастья.

— Вау, — ее пальцы скользят по моей правой руке, обводя меч. Большинство моих татуировок представляют собой символы из моих любимых романов. — Это так замысловато и красиво.

— Спасибо, — я вздрагиваю от ее нежного прикосновения.

Схватив меня за левое запястье, она вытягивает мою руку и смотрит на живописный пейзаж вымышленного мира. Она восхищается деталями.

Приглушенный свет над нашими головами отбрасывает ангельское сияние на лицо Мэйбл, когда она сосредотачивается на моем рисунке. Ее брови хмурятся, а губы очаровательно поджимаются.

Прядь ее темных волос падает вперед, когда она наклоняется, чтобы получше рассмотреть, я бессилён заправить ее ей за ухо.

Между нами проскакивает электрический разряд, и Мэйбл ахает, поднимая голову.

Мой собственный вдох резкий.

Мы всего в нескольких сантиметрах друг от друга, дышим одним воздухом.

Это волнующе.

— Ты такая... красивая, — бормочу я робким тоном. — Я хотел сказать тебе, когда впервые увидел, — свободной рукой я нежно обхватываю ее лицо и провожу подушечкой большого пальца по щеке. — У меня перехватило дыхание, Бел.

Взгляд Мэйбл смягчается, ее губы приоткрываются. — Ли...

Она все еще держит мое запястье в своей руке. Нет никаких сомнений, что она чувствует, как быстро бьется мой пульс.

Для нее.

Всегда.

Затем что-то заставляет выражение ее лица исказиться, и она произносит с обвинением: «Как ты меня только что назвал?»

О, блять.

Мэйбл

Я не сумасшедшая.

Клянусь, я это слышала.

Бел.

Только один парень называет меня так.

Ли опускает руку, держащую мое лицо, как будто оно загорается. Его кадык нервно подергивается. — Я... я сказал, что ты красивая.

Бабочки, порхающие у меня в животе от его комплимента, внезапно улечиваются.

Когда я разговаривала с Ли, у меня было ощущение легкости — как будто я просто откуда-то его знала. Конечно, я почувствовала непреодолимое влечение с той секунды, как увидела его, но было и нечто большее. До сих пор я не могла понять, в чем дело...

— Нет. Нет. — я отодвигаюсь обратно по скамейке, создавая дистанцию между нами. — Ты назвал меня Бел.

Я представилась как Мэй. Только не Мэйбл. И уж точно не Бел.

— Послушай, Мэй, я...

Последний винтик щелкает у меня в голове. Прежде чем он успевает закончить предложение, я хватаю его за левую руку и выворачиваю ее так, чтобы был виден его большой палец.

Я пристально смотрю на татуировку сплошным шрифтом, выгравированную там черными чернилами.

iv

Лиам вытатуировал римскую цифру несколько месяцев назад и прислал мне ее фотографию. Он сказал, что это дань уважения мне, поскольку я родилась четвертого сентября, и его татуировки должны демонстрировать его любимые вещи и воспоминания.

Я бы узнала эту татуировку где угодно. Я полностью запомнила её наизусть. Я заплакала, когда впервые увидела это. Где-то там был кто-то, кто дорожил мной так сильно, что частичка меня навсегда осталась на его коже. Я не могла в это поверить. Мое сердце чуть не выскочило из груди.

Теперь я избавлена от необходимости обращаться к слону в зале, когда в тихий коридор входит бармен, которую я видела ранее. — Эй, Донован ищет тебя, Лиам...

Ее фраза повисает в воздухе, когда она замечает нас, сидящих рядом друг с другом в ошеломленном молчании.

Мои подозрения подтверждаются.

Лиам.

Парень передо мной — не какой-нибудь вышибала, с которым я случайно познакомилась в баре и безобидно пофлиртовала.

Нет.

Парень передо мной — мой лучший друг Лиам.

— Лиам? — эхом отзываюсь я.

Кожа Лиама стала прозрачно-бледной. Он по-прежнему не смотрит на меня, его глаза прикованы к бармену, когда они вступают в соревнование в гляделки, которое кричит, что

«ты-действительно-облажался».

— Тебя зовут Лиам, — это не вопрос. Это гребаное заявление.

До барменши, кажется, что-то доходит, и она тихо выдыхает. — О, черт. Я не должна была ничего говорить.

Глаза Лиама закрываются с намеком на поражение.

Я немного оцепенела от шока.

— Я, э-э, я собираюсь уйти, — она съезживается и неловко почесывает свою эльфийскую стрижку. — Извините за беспокойство.

Она, спотыкаясь, уходит с извиняющимся взглядом.

Теперь остались только мы с Лиамом, и это новообретенное откровение висит над нашими головами, как дурное предзнаменование.

Счастье от того, что я наконец — то получила то, чего хочу, — увидела своего лучшего друга лично, — быстро омрачается разочарованием из-за того, что он солгал мне о своей личности.

— Лиам, — я ненавижу хрупкость своего голоса. — Почему... ты не сказал мне, что это был ты?

Его голубые глаза выдают его страдание. — Потому что я не хотел, чтобы ты знала.

Обида сжимает мои голосовые связки, заставляя горло сжиматься от боли.

Я мгновенно вскакиваю на ноги, разочарование пульсирует внутри меня, как шар-невидимка. Я очень стараюсь не злиться. Это сложнее, чем я думала. — И все же ты с самого начала знал, что я — Мэйбл. Иначе ты бы не называл меня Бел. Никто, кроме тебя, не называет меня так.

Лиам тоже волнуется, и я действительно осознаю, что это он. Лиам, которого я умирала от желания увидеть в течение двух лет. Лиам, который был моей опорой в течение двух лет. Лиам, который уклонялся от всех моих попыток увидеться с ним.

И когда я не обращаю внимания на внешность, я понимаю, что то, как он вел себя по отношению ко мне последние полчаса — добрый, заботливый, немного застенчивый — очень похоже на моего Лиама. А также его любовь к строительству. И все же я ни за что не смогла бы его узнать, учитывая, что он никогда не позволял мне увидеть его мельком.

— Как ты узнал, что я Бел? — шепчу я.

Он качает головой, у него хватает приличия выглядеть пристыженным. — Я всегда знал, как ты выглядишь, детка. Тебя было нетрудно найти в Интернете.

По сути, он следил за моим Instagram и никогда не сообщал мне об этом ни в одном из наших сообщений. Мило. Очевидно, меня было нетрудно найти, поскольку моя биография содержала краткое описание — 20 лет, канадско — филиппинская модель, студентка факультета маркетинга, — и Лиам, как мы установили, знает меня как свои пять пальцев.

У него нет социальных сетей — по крайней мере, так он мне сказал, — так что вряд ли я когда-нибудь смогла бы отплатить ему тем же. Черт возьми, я просмотрела много аккаунтов Лиама О'Коннелла, но я никак не могла знать, какой из них принадлежит ему.

Предательство обжигает мой желудок, как кислота.

— И все же ты так и не оказал мне любезность узнать, как ты выглядишь.

Мои резкие слова заставляют его поморщиться. Хорошо. Я хочу, чтобы он почувствовал ту же боль, что и я. Это может быть иррационально, но я ненавижу то, какой одураченной я себя чувствую прямо сейчас.

— Для тебя это что, какая-то шутка? Ты знаешь, как долго я хотела встретиться с тобой,

Лиам, и я сделала все, что было в моих силах, чтобы показать тебе, что ты можешь мне доверять. — слова вырываются из моей груди, пропитанные болью. — Я была так расстроена, когда ты отменил сегодняшний вечер, сказав, что не сможешь прийти. Но вот ты здесь, во плоти. Черт, Лиам, ты даже не говорил мне, что работаешь в «Макгрегоре». Ты хоть представляешь, как плохо это выглядит?

Время, которое мы только что провели вместе, кажется мне дешевым. Я чувствую себя обманутой, и мне жаль, что я не могу заставить себя смотреть сквозь красную пелену, затуманивающую мое зрение.

— Бел, пожалуйста, — Лиам делает шаг вперед, и его запах — соснового дерева и чего-то совершенно мужского — окутывает меня. Я не могу ясно мыслить, когда он так близко, затуманивая мои мысли. — Я ненавижу, что расстроил тебя. Я не хотел, чтобы все вышло так, как сейчас.

— Тогда скажи мне, что творилось у тебя в голове, когда ты сидел здесь и разговаривал со мной так, словно я была тебе незнакома, — проскрежетала я. — Заставь меня понять, почему ты солгал и представился Ли, а не Лиамом.

Лиам протягивает руку. Я не отвечаю тем же. Обиженный, он отбрасывает её в сторону. Я ненавижу то, что мне больно видеть, как этот большой, великолепный мужчина страдает из-за меня.

Любой желающий может пройти мимо и увидеть наше выяснение отношений в коридоре. Внезапно я чувствую себя незащищенной и крайне неудобно. Я ненавижу конфронтации. Я просто хочу, чтобы меня перенесли обратно в мою комнату, в безопасную постель, к моей кошке.

— Я знал, что ты придешь сегодня вечером, но я не был готов к тому, что ты встретишься со мной, Бел, — с сожалением говорит Лиам. Все мое тело вздрагивает. — Потом я увидел, как тебя ударили, и я не мог спокойно смотреть, как тебе причиняют боль на моих глазах. Поэтому я предложил тебе немного льда и...я хотел быть рядом с тобой. Я знаю, что испортил всю эту ситуацию, но клянусь, это не входило в мои намерения. Пожалуйста, поверь мне.

Я все еще не могу прийти в себя от того, что он сказал раньше. — Почему ты не был готов к тому, что я встречу с тобой?

— Я не могу этого объяснить, — его рука тревожно скользит вниз по бочкообразной груди и животу. — Мне жаль.

В конце концов, я не могу заставить Лиаму высказывать свое мнение, если он этого не хочет. Это чертовски больно, и я сдаюсь.

— Да, ну, это больше не имеет значения, — возражаю я, качая головой. — Спасибо за неожиданное откровение, Лиам.

Его голубые глаза расширяются. — Бел...

Я уже разворачиваюсь и марширую по коридору, направляясь напрямик к бару. Мне нужно позвать Кеннеди и сказать ей, что наши сорок минут истекли. Я выполнила свою часть сделки.

Я больше не могу здесь находиться.

Лиам все еще зовет меня. Я слышу его громкие шаги, когда он приближается. Я набираю скорость, пока не перехожу практически на быструю ходьбу трусцой на каблуках.

Я думала, что наша первая встреча пройдет совсем не так.

Боль в моей груди распространяется по моему телу подобно лесному пожару, пока она

не поглощает меня целиком. Это подпитывает мое желание сбежать от Лиама и от нашей так называемой дружбы.

— Бел, подожди, пожалуйста! — кричит он.

Я сливаюсь с толпой посетителей бара и выбегаю через парадную дверь, прижимая телефон к уху, когда звоню Кеннеди.

Свежий воздух едва ли успокаивает меня.

Такое чувство, будто кто-то вырезал мои внутренности ножом, и теперь за мной тянется кровавый след.

Когда я тяжело дышу и поднимаю голову к небу, я прихожу к выводу, что действия Лиама причиняют мне невыразимую боль из-за моих чувств к нему.

Хотя, я думаю, все это больше не имеет значения.

Потому что я покончила с Лиамом.

Так чертовски покончила.

Лиам

Я облажался на колоссальном уровне.

Этого нельзя отрицать.

Прошло шесть дней с тех пор, как Мэйбл сбежала из Макгрегора после нашей ссоры.

Неудивительно, что она ушла с разбитым сердцем. Она сделала себя уязвимой, рассказав мне, как сильно хотела меня увидеть, а все, что я ей ответил, было: «Я не был готов к тому, что ты встретишься со мной, Бел». Никаких других объяснений. Только это. Что за идиотский поступок.

Кроме того, прошло шесть ночей с тех пор, как Мэйбл начала игнорировать мои текстовые сообщения.

Никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким подавленным.

Хуже всего то, что я заслуживаю таких чувств.

Последние несколько дней я провел, размышляя над ситуацией и жалея, что не мог поступить по-другому.

Вонзить кол в мою грудь было бы менее болезненно, чем видеть отчаянный блеск в ее мягких карих глазах, когда она убегала.

Боже, я был причиной этого выражения на ее лице. Я огорчил ее. Я не должен ее расстраивать. Я должен любить и защищать ее. Всегда.

Сегодня вечер четверга, и я работаю в последнюю смену с Пией. Что ж, она работает, а я дуоюсь, сидя на табурете у бара с бутылкой безалкогольного пива в руках.

Я смотрю на него так, словно в нем содержатся ответы на все мои вопросы.

Срочная новость: это не так.

В баре никого нет, кроме нас двоих. Все остальные разошлись по домам. На заднем плане раздается звук того, как Пия пересчитывает наличные, и низкое гудение песни RnB. Но ничего из этого ни звучит громче, чем ненависть к себе, кипящая в моей душе.

Я горжусь тем, что я спокойный человек. Я уравновешенный человек и изо всех сил стараюсь сдерживать свои эмоции, когда работаю. Однако сегодняшний вечер стал серьезным испытанием моей сдержанности. Я разнял три пьяные драки между горсткой парней из братства, и мне действительно пришлось сдерживаться, чтобы не ударить их кулаком, чтобы выпустить пар.

Все и вся меня раздражают. Я ненавижу это чистилище, в котором я застрял, постоянный ад, не наполненный ничем, кроме моих страданий.

С тех пор как мы впервые обменялись номерами год назад, мы с Мэйбл не переписывались максимум больше дня или двух. Я не знаю, как справиться с этой разлукой, и это тяжело сказывается на мне.

Даже люди вокруг меня начинают это замечать.

Особенно Пия, которая поспешила отметить, что моя борода знавала лучшие времена, а мешки под глазами напоминают ей персонажа Тима Бертона. Я должен любить Пию. Она знает, как пнуть мужчину, когда он уже лежит.

Я делаю поток пива и опускаю бутылку на стол с более громким стуком, чем это необходимо.

Пия закатывает глаза, как будто со мной невыносимо иметь дело, затем приближается ко мне во всем своем великолепии размером с пинту. — Ладно, ворчун. Я сыта по горло тем, что вижу, как ты размышляешь. Давай разберемся с этим. Скажи мне, что тебя беспокоит.

— Меня ничего не беспокоит, — выдавливаю я из себя.

Пия прислоняется бедром к стойке и цокает языком. — Да, я тебе не верю. Я готова поспорить на все свои чаевые сегодня вечером, что это начинается с Мэй и заканчивается Бел.

Одно упоминание ее имени вызывает острую тоску в моей груди. — Пожалуйста, Пия. Брось это. Я не хочу говорить об этом.

— Нет. Мы говорим об этом. Ты не можешь изолировать себя всякий раз, когда тебе больно. Это вредно для здоровья.

— Ты предлагаешь поиграть в моего психотерапевта, Пи?

— Если это то, что нужно, чтобы вывести тебя из такого настроения, тогда да, зови меня доктор Фил.

Я хочу рассказать ей обо всех этих мыслях, перемешавшихся в моем мозгу. Однако я не очень хорошо умею принимать помощь или обсуждать свои чувства. Тем более, когда это связано с моей личной жизнью (или ее отсутствием). Конечно, у нас с Мэйбл было много глубоких бесед о жизни, но даже с ней я чувствовал себя... неловко, рассказывая о своем прошлом.

Или то, что она заставляет меня чувствовать.

Бросив еще один взгляд на Пию, я сдерживаюсь. — Я облажался с Бел.

— Ни хрена себе, Шерлок. Это совершенно очевидно, — она морщится, видя опустошенное выражение моего лица. — Извини, я не хотела быть грубой. Почему бы тебе не начать с самого начала? Объясни мне, почему ты никогда не говорил ей, кто ты такой.

Допив остатки пива, я отодвигаю бутылку в сторону, и Пия забирает ее. Мои щеки вспыхивают (еще одна вещь, которую я ненавижу в себе: я легко краснею), пока я обдумываю, как лучше это сказать.

Наконец я срываю повязку. — Я чувствую себя недостойным ее.

Пия изумленно смотрит на меня. — Что?

— Да ладно тебе, Пия. Каждый, кто видит нас стоящими рядом, должно быть, задается вопросом, что такой парень, как я, делает с такой девушкой, как Мэйбл.

— Пожалуйста, скажи мне, что это шутка.

Я бы хотел, чтобы это было так.

Когда я продолжаю молчать, выражение лица Пии меняется на испуганное. — Ты действительно плохо думаешь о себе.

Я даже не могу этого отрицать. Я всегда так делал. Проклятие того, что в детстве над тобой издевались? Каждая плохая вещь, которую кто-либо когда-либо говорил обо мне, запечатлелась в моей памяти. Иногда я могу избавиться от этих мыслей. Иногда они поглощают меня.

Эти мысли заставляют меня чувствовать, что я не заслуживаю того, чтобы у меня были хорошие вещи.

За последние несколько лет моя самооценка резко упала, и я делаю все возможное, чтобы вернуть ее обратно. Некоторые дни даются нелегко, в то время как другие проходят немного легче.

— Ли, — Пия протягивает руку вперед и сжимает мой сжатый кулак. — За свои

двадцать семь лет на этой земле я встретила много мужчин, и могу с уверенностью сказать, что ты один из самых благородных из них всех. Я никогда не видела, чтобы ты разговаривал с кем-либо неуважительно, ты относишься с добротой ко всем, кого встречаешь, и ты никогда не позволяешь посетительницам ходить ночью одним к своим машинам. Не говоря уже о том, что я видела, как ты защищаешь девочек, когда нежеланные парни становятся с ними слишком развязными. Ты из тех парней, которые восстанавливают мою веру в человечество.

Мое горло сжимается от эмоций, когда я впитываю искренние слова Пии.

— И это только то, что я увидела, работая с тобой в течение короткого времени. Я не сомневаюсь, что люди, которые близко тебя знают, разделяют это мнение: ты фантастический человек. Я мало что знаю о твоём прошлом, но мне очень жаль осознавать, что это заставило тебя увидеть себя в таком неприглядном свете.

У меня такое чувство, будто что-то сдавливает мне грудь. Боль. Счастье. Облегчение. Мне трудно принимать комплименты, потому что я так редко их получаю. — Тебе действительно стоит подумать о карьере психотерапевта, Пи.

Она добродушно посмеивается. — Я отличный слушатель и даю советы, спасибо. Я хорошо осведомлена о своих талантах.

Я смущенно тереблю воротник своего черного поло. — Как ты думаешь, я заслуживаю такую девушку, как... Мэйбл?

Пия мягко улыбается мне. — Я думаю, вы заслуживаете друг друга, Ли. Мэйбл кажется милой, и, честно говоря? Любой женщине повезло бы иметь такого мужчину, как ты. Ты особенный, и я верю, что она тоже это знает. То, как она смотрела на тебя в пятницу вечером, словно была по уши влюблена, говорит о многом, — Пия опирается локтями о стойку и наклоняется вперед, хмурясь. — Ты уверен, что она никогда не говорила тебе о своих чувствах? Мне с трудом верится, что она не обронила никаких намеков.

Я замираю на мгновение, последние два предложения прокручиваются у меня в голове по кругу.

Пия молча наблюдает за мной, ее пристальный взгляд прожигает мой с намерением.

Мэйбл смотрела на меня так, словно была совершенно очарована?

Я действительно вспоминаю отрывки из вечера прошлой пятницы, где Мэйбл улыбалась мне в... изумлении. То, как в ее глазах загорелся огонек надежды несмотря на то, что она чувствовала себя несчастной, когда она спросила меня, не Лиам ли я. Перед ее разочарованием из-за моей оплошности было мгновение, когда ее лицо засияло от счастья.

Осознание приходит ко мне сначала медленно, а затем нарастает подобно эффекту домино, когда я отбрасываю в сторону свою неуверенность и по-настоящему думаю о своих отношениях с Мэйбл.

В моем сознании всплывают небольшие фрагменты наших бесед. Мэйбл называет меня самым лучшим другом. Мэйбл говорит мне, что обожает меня. Мэйбл объявила меня совершенством, ни разу меня не увидев.

о, боже.

Она назвала тебя идеальным, и ты причинил ей боль. Единственная девушка во всем мире, которая показала тебе истинное счастье, а ты на самом деле причинил ей чертову боль.

Все это время я думаю, что я единственный, кто имеет дело с тяжелым случаем неразделенной любви. Теперь я озадачен возможностью того, что Мэйбл, возможно,

испытывала ко мне что-то, выходящее за рамки платонической дружбы.

Черт, черт, черт.

Неужели Мэйбл пыталась по-своему сказать мне, что она чувствует, а я был слишком глуп, чтобы услышать это из-за своего собственного негативизма? Черт возьми, неужели я саботировал свои собственные шансы с ней из-за того, что слишком долго не мог вытащить голову из задницы?

Еще хуже... Неужели я разрушил нас навсегда?

Нет, нет, нет. Пожалуйста, нет. Все, что угодно, кроме этого.

— Судя по твоему лицу, я сделала вывод, что ты нравишься Мэйбл, и тебе потребовалось слишком много времени, чтобы понять это? — Пия вздрагивает, когда я в панике провожу рукой по лицу. Она успокаивающе кладет руку мне на плечо и слегка встряхивает его. — Послушай моего совета, Ли, и свяжись с ней снова. Если ты ей действительно безразличен, она тебя выслушает.

Я киваю, проводя пальцами по волосам. — Ты права. Я должен связаться с ней.

Пия улыбается, пытаюсь успокоить меня. — Не волнуйся. Все будет хорошо.

Я так благодарен, что у нас с Пией состоялся этот разговор. Все, что она сказала, находит отклик, и теперь я знаю, что мне нужно делать.

Все, что в моих силах, чтобы загладить свою вину.

Мне нужно, чтобы Мэйбл дала мне *шанс*.

Потому что Бог мне свидетель, я хочу быть с этой девушкой. Я хочу этого больше, чем когда-либо чего-либо хотел в своей жизни. Возможно, я чувствую, что не заслуживаю ее, но я сделаю миссией своей жизни быть всем, чего она хочет и в чем нуждается.

Я люблю Мэйбл Гарсиа.

У меня есть это уже два года.

Теперь пришло время мне, наконец, показать это ей.

Я встаю с табурета и натягиваю фланелевую куртку. — Спасибо тебе, Пи, за все. Мне нужно было это услышать.

Пия тянется вперед, чтобы легонько ударить меня по плечу, ее глаза сияют гордостью. — Не за что. А теперь перестань терять время и иди заполучи свою девочку, Ли.

Моя девочка.

Впервые за несколько дней мне стало легче дышать. Надежда побеждает в войне мучений, бушующей внутри меня. Я действительно нахожу, что у меня есть шанс вернуть Мэйбл.

После закрытия я провожаю Пию до ее машины, а затем мчусь к своей, мой большой палец скользит по экрану телефона, когда я нажимаю кнопку вызова. Может быть, сейчас и два часа ночи, но Мэйбл — ночная сова. Есть большая вероятность, что она ответит.

Он звонит один раз.

Дважды.

Трижды.

Я нервничаю. Я никогда раньше ей не звонил. Я в равной степени взволнован и обеспокоен тем, что она возьмет трубку. Нет никакой большой речи, которую я бы отрепетировал. Просто моя честная правда, готовая к употреблению.

Ты — все для меня, Бел. Моя девушка-навсегда. Дай мне еще один шанс все исправить. Пожалуйста. Я скучаю по тебе. Я люблю тебя.

После пятого гудка он переходит на голосовую почту.

Слышать ее голос спустя несколько дней — как бальзам на мою кровоточащую рану.

«Привет, это Мэй. Извините, я не могу сейчас подойти к телефону. Оставьте мне сообщение после звукового сигнала.»

Не могу сказать, что я удивлен, что она не взяла трубку. Ей все еще больно, и это действительно так. Ей нужно время, и я хочу дать ей это время... Но не слишком много.

— Привет, Бел, — мое сердце учащенно бьется. — Это Лиам. Я... я надеялся, что мы сможем поговорить, и ты дашь мне возможность кое-что объяснить. Я скучаю по тебе и хотел бы поскорее получить от тебя весточку, детка.

Слова *«я люблю тебя»* вертятся у меня на кончике языка.

Но я хочу увидеть лицо Мэйбл, когда произнесу их в первый раз.

И я молю Бога, чтобы моя девочка чувствовала то же самое по отношению ко мне.

Мэйбл

Прошло сто шестьдесят восемь часов с тех пор, как я разговаривала с Лиамом.

Но кто считает, верно?

Обида, которую я испытывала, теперь превратилась в тупую боль, которая пульсирует время от времени, когда я занимаюсь своей повседневной жизнью. Учеба и социальные сети отнимают у меня большую часть времени.

Я старалась занять себя чем-нибудь, чтобы не отвлекаться.

Таким образом, мне не нужно думать о Лиаме.

Что является трудной задачей, учитывая, что каждую ночь, когда я ложусь в постель и закрываю глаза, первое, что я вижу, — это его голубые глаза, напоминающие океан. Мой предательский разум рисует его застенчивую улыбку, спрятанную в каштановой бороде. Мои пальцы так и чешутся пробежаться по ней, чтобы убедиться, что на ощупь она такая же мягкая, как выглядит. И мои руки жаждут пробежаться по этому высокому, крепкому телу, просто чтобы увидеть, как напрягаются его мышцы под моими прикосновениями.

Боже, я безнадежна.

Даже мои мама и папа понимают, что что — то не так со статусом кво, когда я вхожу в наш дом на седьмой день нашей с Лиамом разлуки — если это вообще можно так назвать.

Я слышу их тихое бормотание и иду на звук, пока не достигаю порога столовой. Они сидят за столом и играют в шашки новым набором, который я подарила им на прошлой неделе.

Я люблю своих родителей и люблю заботиться о них. Мой папа — электрик, а мама — ассистент стоматолога, и оба очень усердно трудились всю свою жизнь ради меня. Однажды, когда я заработаю хорошие деньги либо на своей ученой степени, либо на модельном бизнесе, я собираюсь досрочно отправить их на пенсию. Таким образом, они могут наслаждаться тихими моментами, подобными этому: играть ночью в настольные игры под звуки старых мелодий, звучащих на заднем плане.

Лицо моего отца расплывается в широкой улыбке, когда он замечает меня. В уголках его карих глаз — тех, что я унаследовала, — появляются милые морщинки, и он приветствует меня. — *Kumusta anak ko?*

Мои родители воспитывали меня так, чтобы я свободно говорила на обоих моих родных языках — тагальском и английском.

— *Mabuti po* — говорю я ему, что у меня все хорошо, и спрашиваю, как у него дела. — *Kayo ho?* — затем я бросаю взгляд на свою мать, которая тепло наблюдает за нами. — Привет, мам. Как дела?

— Привет, милая, — она ставит свое горячее какао на подставку. Мой папа быстро делает свой следующий шаг. — Хорошо. Как прошел твой сегодняшний тест?

Я глубоко вздыхаю. — Не так уж и здорово. Я просто надеюсь, что сдала экзамен.

К сожалению, я действительно облажалась с последним набором вопросов с множественным выбором, потому что недостаточно усердно готовилась к одному модулю.

— О, нет. — ее лицо вытягивается, и оба моих родителя одаривают меня одинаковыми хмурыми взглядами. — Жаль это слышать, Мэй.

Я сбрасываю сумочку с плеча и вешаю на сгиб локтя. — Все в порядке. В любом случае, я хорошо учусь в этом классе, и этот тест многого не стоит.

Это всего лишь три процента. Я легко приду в норму.

Мой папа поправляет очки и смотрит на меня с новым воодушевлением. — Не волнуйся. В следующий раз у тебя получится лучше.

— Спасибо, — я подхожу, чтобы поцеловать каждого из них в лоб. Кое-что, чем я занималась с тех пор, как была маленькой девочкой.

Моя мама хватается за меня прежде, чем я успеваю отстраниться, и изучает мое лицо. — Тебя еще что-то беспокоит, Мэйбл? Ты была очень... тихой в последнее время.

Моя мама чрезвычайно наблюдательна. Над ее головой ничего не пролетает. Она всегда знает, когда что-то не так, улавливая малейший предательский признак. Ни для кого не секрет, что всю эту неделю я была не в духе. И хотя я близка со своими родителями, у меня просто не хватает духу пересказывать все фиаско с Лиамом.

— Все в порядке, — успокаиваю я. Она может сказать, что я лгу, но не настаивает на этом. — Я уже поужинала после занятий, так что собираюсь сразу лечь спать.

Мои родители желают мне спокойной ночи с неуверенными улыбками, прикрытыми беспокойством.

В душе я выплакиваю несколько слезинок. Это происходит совершенно внезапно. Это неконтролируемо, и я виню в этом тот факт, что скоро придет тетя Фло13. Даже несмотря на то, что я отрицаю это и полностью осознаю, что это имеет прямое отношение к моей дерьмовой неделе.

Когда я выхожу из душа, полностью выбрита и увлажнена моим любимым лосьоном с ароматом лимона, я замечаю тарелку с Туроном, стоящую на моей кровати. Сюрприз, сюрприз, это тоже заставляет меня плакать. Мой папа всегда приносит мне угощения, когда мне плохо. Дело в том, что он знал и без слов приготовил один из моих любимых десертов, чтобы молча подбодрить меня.

Чито также подозревает, что что-то не так, как только я устраиваюсь в своей постели, надев маску для лица, и зажигаю свои уютные осенние свечи. Мне нравится думать, что животные очень созвучны своим человеческим эмоциям. Моя кошка смотрела на меня своим осуждающим (или обеспокоенным?) взглядом. Пялилась, пока я смотрела повторы «Дневников вампира».

— Елена, как ты могла? — я кричу на свой экран, когда Елена и Деймон целуются. Это официально. Четвертый сезон — отстой. — Стефан заслуживает гораздо лучшего!

Единственный человек, который согласился бы со мной — это Лиам. Он из команды Стелены (да, я заставила его запоем посмотреть шоу). Но я не отвечаю ни на одно из его текстовых сообщений, игнорируя их все в течение нескольких дней.

Моя рана все еще кровоточит, хотя я безумно скучаю по нему.

Поразмыслив над нашей последней встречей, я пришла к следующему выводу: нежелание Лиаму встречаться лично на самом деле не имеет ко мне никакого отношения, а все связано с его собственными шрамами. Я хочу быть рядом с ним. Я хочу помочь ему. И все же я не могу, пока не буду знать, с чем работаю.

Это значит, что Лиаму нужно открыться и сказать мне, что у него на уме, чтобы я могла пойти ему навстречу.

Он прислал мне множество текстовых сообщений с извинениями, но ни одно из них и близко не подходит к категории «дай-мне-все-объяснить». Это все, что *я-прошу-прощения-и-*

я-напортачил. Ответа «почему» здесь нет.

У Лиам крепкие стены, но ему придется опустить их самому, если он хочет, чтобы мы это исправили.

И если быть до конца честной, я не думаю, что наша дружба вернется к тому, какой она была раньше. Не тогда, когда он прошептал мне тем голодным, пронизанным благоговением тоном: *«Ты такая... красивая. Я хотел сказать тебе, когда впервые увидел тебя. У меня перехватило дыхание, Бел.»*

Я не сумасшедшая и не выдумываю всякие шутки. Лиам испытывает ко мне нечто большее, чем просто платоническую дружбу.

Я тоже так думаю.

Мне потребовалось очень много времени, чтобы признаться себе в этом; я хочу большего с Лиамом.

Никогда не найдется кого-то, кто относился бы ко мне так, как он, или понимал бы меня так, как он это делает.

Мои размышления прерываются, когда звонит мой телефон. Это Кеннеди. Я ставлю эпизод на паузу и отвечаю на ее видеозвонок, глубже зарываясь в подушки.

Мы оба в масках, таков наш ритуал по вечерам в пятницу. — Привет, Кен.

— Привет, Мэй, — Кеннеди устраивается на диване с миской попкорна на коленях. — Извини, что не смогла позвонить тебе раньше. Я закончила работу поздно. Группа подростков коллективно разлила молочные коктейли по всему полу, так что я была на уборке.

— Ах, это отстой, — если бы это случилось, я бы, наверное, начала выть во время своей смены. — Как ты себя чувствуешь?

— Устала и чувствую, что мне нужно поспать следующие десять лет. Я хотела позвонить тебе, чтобы наверстать упущенное, прежде чем продолжу наблюдать за своим парнем.

Она говорит о Майкле Кордеро из «Девственницы Джейн». Не Кaleb Райт, конечно. Мы говорили о нем несколько дней назад, и Кеннеди сказала, что она покончила с мужчинами и их неоднозначными сигналами. Она на некоторое время отказывается от них, и я ее не виню.

Единственные мужчины, на которых мы можем положиться, — это вымышленные персонажи, написанные женщинами.

— Звучит как идеальная ночь, — Чито вытягивается и ложится на меня сверху. Иногда ей нравится слушать, как бьется мое сердце.

Кеннеди запикивает в рот еще одну порцию попкорна. — А теперь расскажи мне, как у тебя дела. Я знаю, что последние несколько дней были действительно напряженными.

Я намеренно избегаю слона в комнате: моей неудачной романтической жизни. — Мой тест прошел ужасно.

— Мне жаль это слышать, Мэй. С другой стороны, ты отлично справляешься с этим уроком, так что, надеюсь, это не слишком сильно повлияет на твою итоговую оценку, — Кеннеди снимает свою маску и бросает на меня многозначительный взгляд, от которого у меня внутри все переворачивается. — Но ты же знаешь, что это не то, что я имела в виду.

Я вздыхаю и снимаю свою собственную маску из ткани. — Да. Я знаю.

— Он продолжает писать?

— Каждый день, — мою грудь скручивает от болезненного напоминания. — Меня так раздирают противоречия, Кен.

Лицо моей лучшей подруги смягчается. — Мэйбл...

— Одна часть меня злится на него, а другая просто хочет простить и двигаться дальше.

Мы никогда не теряли связь с Лиамом так надолго, и я сильно по нему скучаю.

— Я знаю, но, может быть, тебе просто нужно дать ему шанс поговорить с тобой еще раз и все объяснить — и не с помощью смс. Некоторые разговоры необходимо провести лично.

Все, что говорит Кеннеди, имеет смысл.

Я буду первой, кто признает, что может быть немного упрямым. Наверное, именно поэтому я до сих пор не ответила Лиаму.

— Ты должна ответить ему. Избавь себя от страданий, — говорит Кеннеди. — Правда в том, что вы оба не хотите быть друг без друга, поэтому вам нужно разобраться с этим. И даже если ты будешь это отрицать, я точно знаю, что ты к нему чувствуешь.

Мои губы сжимаются, и я с трудом сглатываю.

Кеннеди бросает на меня многозначительный взгляд.

Слово из пяти букв.

Я действительно испытываю это к Лиаму.

Уже давно, если быть откровенной.

Как я могла не влюбиться в своего застенчивого, милого, доброго лучшего друга, который заботится обо всех моих потребностях, действует как мой защитник и всецело лелеет меня?

— Я думаю, он то, что мне нужно, Кен, — я медленно выдыхаю. — Я хочу... быть с ним.

Признаться в этом вслух — лучшее чувство, которое я испытывала за всю неделю.

— Тогда будь с ним, Мэй. Он протянул тебе оливковую ветвь. Пришло время тебе протянуть руку и схватить её.

Кеннеди права. Лиам знает, что совершил ошибку, и давно хотел ее исправить.

Пришло время мне выслушать его.

После нескольких дней, проведенных в подвешенном состоянии, на моем сердце стало легче.

Я благодарю Кеннеди за то, что она была потрясающим другом, слэш-терапевтом, слэш-личной подбадривательницей, и мы вешаем трубку.

Просматривая переписку с Лиамом, мой большой палец зависает над экраном, пока я читаю последние несколько текстовых сообщений.

Мне жаль. Мне так чертовски жаль, детка. — Лиам

Я знаю, что причинил тебе боль. Это худшее, что я когда-либо делал в своей жизни. — Лиам

Я все испортил и не знаю, как это исправить. Простишь ли ты меня когда-нибудь? — Лиам

Я не могу вынести этого разрыва между нами. Я так сильно скучаю по тебе, Бел. Скучаю по твоим сообщениям. Скучаю по нашему подшучиванию. Скучаю по всему этому. — Лиам

Пожалуйста, солнышко. Скажи мне, как я могу снова все исправить. — Лиам

Бел, я умоляю тебя. Пожалуйста, не думай обо мне плохо. Я могу стерпеть это от других, но не от тебя. — Лиам

Я не могу перестать думать о тебе. Днем и ночью. Ты живешь в моем сознании. Так и есть, начиная с первого письма. — Лиам

Боже, как ты выглядела в ту ночь, Бел... Не знал, что женщина может быть такой совершенной. — Лиам

Даже не заставляй меня говорить о твоём голосе. Это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо слышал. Мягкий. Скрипучий. Лучше, чем все, о чем я когда-либо мечтал. И я мечтал о тебе. Так часто. Ты даже не представляешь. — Лиам

Мне больно осознавать, что я, возможно, никогда больше этого не услышу. Что ты, возможно, никогда не дашь мне шанса все исправить. — Лиам

Это последнее текстовое сообщение.

Однако я понимаю, что Лиам звонил мне вчера поздно вечером, но я пропустила это.

Он оставил голосовое сообщение.

Я задерживаю дыхание и включаю его.

Потом я слушаю это снова, и снова, и снова.

«Привет, Бел. Это Лиам. Я... я надеялся, что мы сможем поговорить, и ты дашь мне возможность кое-что объяснить. Я скучаю по тебе и хотел бы поскорее получить от тебя весточку, детка».

Его глубокий голос, пронизанный тоской и печалью, задевает за живое мое сердце.

Слой льда, покрывающий мое сердце, медленно начинает таять. Наконец-то я вижу луч надежды. Независимо от того, что было сказано и сделано, у нас с Лиамом есть надежда.

Он готов все объяснить, и теперь моя очередь пойти ему навстречу.

Мэйбл

В субботу ближе к вечеру я заканчиваю очередную успешную фотосессию нижнего белья с группой моделей. Каждый раз, когда я захожу в студию, меня охватывает волна благодарности и волнения за то, что я могу заниматься любимым делом с командой талантливых людей.

Девочки хотят пойти куда-нибудь выпить в *La Flamme*, но вчера вечером мы с Кеннеди уже договорились поужинать и сходить в кино.

Кстати, о моей лучшей подруге, она должна скоро приехать и забрать меня.

Когда я переодеваюсь в свое мини-платье королевского синего цвета и белые туфли на каблуках с ремешками, я включаю телефон и вижу пропущенное сообщение от Кеннеди.

Мэй, мне неприятно это делать, но я должна все отменить. Моя бабушка плохо себя чувствует, поэтому мы с мамой едем к ней домой. Мы можем перенести встречу? Мне очень, очень жаль. — Кен

Я отправляю ответное сообщение, хватаю свою сумку и выхожу из студии.

Не за что извиняться, Кен! Передавай привет своей бабушке. Я надеюсь, у нее все в порядке <3 Сообщи мне новости, когда сможешь. Целую — Мэй

К сожалению, у меня нет с собой машины, так как я планировала поехать с Кеннеди. Я тоже не могу позвонить своим родителям, так как они забронировали романтический отдых в спа-салоне на окраине города.

Технически, я могу вызвать Uber.

Когда я выхожу на оживленную улицу в центре города, странное чувство одиночества охватывает меня изнутри. Результат пребывания в одиночестве великолепным осенним днем. Я плотнее обхватываю себя плащом, как щитом. Неподалеку музыкант наигрывает песню Эда Ширана, которая пробуждает во мне ностальгию. Видя оживленные лица прохожих, когда они занимаются своими делами, я чувствую себя не в своей тарелке.

Я стою, прислонившись к кирпичной стене, неподвижная в движущейся толпе.

По иронии судьбы, моё положение отражает мое внутреннее смятение.

Все, чего я хочу в данный момент, — это ощущения комфорта.

Есть только один человек, который может дать мне это.

Единственный человек, которого я хочу видеть рядом с собой, прямо здесь, прямо сейчас.

Прежде чем я успеваю убедить себя в обратном, я отправляю сообщение Лиаму. Я не ответила ему вчера вечером, потому что хотела иметь ясную голову, чтобы сосредоточиться на своей сегодняшней работе. Теперь паутина, затуманивающая мой разум, рассеялась, и ясно, что я позволила этой разлуке растянуться между нами дольше, чем это было необходимо.

Эй, Лиам... мне нужна большая услуга. — Бел

Что угодно. — Лиам

Он быстро реагирует. Как будто он весь день ждал, когда я приду в себя.

Я только что закончила фотосессию, и меня нужно подвезти. Ты приедешь за мной? — Бел

Он не отвечает целую минуту.

Шокировала ли я его?

О, боже. Может быть, он не может. От смущения у меня горят щеки. Сегодня суббота, а это значит, что он, возможно, работает в «Макгрегоре». Мне следовало подумать об этом, прежде чем писать ему.

Или я могу просто вызвать Uber. Все в полном порядке! — Бел

Не вызывай Uber. Я буду там. Просто напиши мне адрес. — Лиам

Мое сердце отбивает быстрый ритм. Я отправляю ему сообщение о своем местоположении.

Мне потребуется шесть минут, чтобы добраться до тебя. — Лиам

О, ничего себе. Я думаю, он был где-то поблизости.

Я действительно ценю это. Мы можем поговорить по дороге? — Бел

Я бы хотел этого. — Лиам

Начинается игра в ожидание, и тревожный узел в моем животе мягко распутывается. Я так увлекаюсь музыкантом, поющим свою песню, что вздрагиваю, когда через несколько минут позади меня раздается неуверенное «Бел?».

Обернувшись, я вижу Лиама, стоящего на тротуаре рядом с припаркованным параллельно внедорожником.

Глаза моего воина в сияющих доспехах отчаянно бегут по моему телу, как будто я — зрелище для его воспаленных глаз. То, как приоткрываются его губы и с его губ срывается нежный вздох, когда я делаю шаг в его сторону, почти уничтожает меня.

Лиам О'Коннелл великолепен. Тем более, когда он стоит там и ждет меня, не скрывая своего сердца. Его взгляд говорит мне то, чего не могут сказать его слова. *Ты значишь для меня все*, говорит он, *и я нуждаюсь в тебе так же сильно, как ты нуждаешься во мне.*

Я преодолеваю расстояние по направлению к нему. Толпа расступается вокруг нас, когда мы стоим друг перед другом. Ощущение дома проникает в мои кости.

— Ты пришел, — шепчу я.

Голубые глаза Лиама светятся эмоциями. — Ты написала.

— Спасибо, Лиам, — моя рука тянется к его руке.

Он преодолевает пропасть, как будто мечтал, чтобы я всегда держала его за руку. — Я всегда буду приходить за тобой, Бел. В мгновение ока. Ночью или днем. Независимо от времени. Это я тебе обещаю.

Боже, я люблю его.

Лиам нерешительно подносит мою руку к своим губам и нежно целует. — Ты выглядишь потрясающе.

Я превращаюсь в кашу от его комплимента.

Моя свободная рука скользит вниз по его крепкому торсу. Сегодня вечером на нем серый свитер-поло, черные слаксы и начищенные коричневые туфли. Рукава его рубашки закатаны до локтей, так что я вижу его татуированные предплечья и серебряные часы на правом запястье. Мой сварливый горец сегодня так собран, что у меня практически текут слюнки от зрелища, которое он создает. — Ты тоже выглядишь невероятно красивым.

Лиам, кажется, вот-вот упадет в обморок от моей похвалы.

Прежде чем это успеет произойти, он направляет нас к пассажирскому сиденью своего черного внедорожника. Он открывает дверь, и я замираю, когда замечаю толстый букет подсолнухов, лежащий на сиденье.

Я выгибаю бровь.

Лиам мнется, и его щеки розовеют, когда он протягивает мне букет. — Я... я купил это для тебя.

— Когда? — потому что я не могу понять, как этот человек смог это сделать между этим моментом и моими сообщениями.

— Сегодня, от твоего любимого флориста, — он застенчиво отводит взгляд. — Я собирался позвонить тебе еще раз и узнать, согласишься ли ты меня выслушать. Если бы ты сказала «да», я хотел бы быть готовым.

Мое сердце бешено колотится от его признания.

Приподняться на цыпочки, чтобы поцеловать его бородатую челюсть, — это единственный возможный вариант действий.

Так я и делаю.

Глаза Лиамы расширяются. Я действительно чувствую дрожь, пробегающую по его телу. Он беспомощен скрыть то влияние, которое я на него оказываю.

— Это было очень мило с твоей стороны, — мой голос хриплый. — Подсолнухи — мои любимые.

— Я знаю, — горячо говорит он. — Я много чего знаю о тебе, Бел, включая все то, что делает тебя счастливой. Это для меня самые важные вещи.

У меня в горле застрял ком размером с Канаду. — Потому что ты хочешь сделать меня счастливой?

— Я всегда хочу только одного — сделать тебя счастливой. Хотя иногда... Я могу облажаться по пути, — Лиам сжимает руку, которую все еще держит. — Мне просто нужно, чтобы ты знала, что я далек от совершенства, но я хочу им быть. Для тебя.

Я отпускаю его руку и понимающе хватаюсь за его щеку.

Лиам наклоняется навстречу моему прикосновению, его глубокий выдох касается моего запястья. — Мне жаль. Прости меня. Пожалуйста.

За то, что причинил мне боль, потому что это не входило в его намерения. Теперь я понимаю. У меня было время поразмыслить над нашей встречей, и я готова выслушать его версию.

— Забери меня отсюда, Лиам, — я любовно провожу рукой по его подбородку. — Где-нибудь, где мы могли бы поговорить и оставить эти последние несколько дней позади.

Мэйбл

Машина Лиамы — сплошь из гладкой кожи, благоухающая сосной гавань.

Он едет по улице, барабаня пальцами по рулю. Плейлист, работающий в фоновом режиме, представляет собой попурри из всех наших любимых мелодий. Мне нравится, что Лиам обращал внимание всякий раз, когда я рекомендовала песни. Тот факт, что он слушает их за рулем, является вишенкой на торте.

— Куда мы направляемся? — спросила я. Я поправляю букет у себя на коленях.

Я несколько раз ловила взгляд Лиамы, скользящий вниз по моим обнаженным бедрам. Это прекрасный удар по моему самолюбию. Особенно когда его ноздри раздуваются, и он бормочет молитву себе под нос.

Ни для кого не секрет, что меня влечет к моему лучшему другу.

Мне нравится, что я тоже ему нравлюсь.

— Я хочу отвести тебя в мое любимое место. Я люблю ходить туда всякий раз, когда мне нужен свежий воздух или просто минутка покоя. Тебе это понравится.

Люк на крыше открыт, и легкий ветерок овеивает наши головы. Несколько локонов моих волос парят в воздухе. Мой взгляд на Лиаму частично затенен, пока я не убираю волосы в сторону и не откидываю голову на кожаный подголовник. Есть что-то волшебное в том, как садится солнце, когда мы гонимся за ночью. Или, может быть, это как-то связано с мужчиной, сидящим рядом со мной. Но я вдруг почувствовала себя кокетливой. Энергия, вспыхнувшая между нами в первую ночь нашей встречи, снова пульсирует, и я опускаю руку так, что она ложится на его сильное бедро.

Лицо Лиамы поворачивается ровно настолько, чтобы наши глаза встретились на долю секунды.

Но вспышка голода, которую я там вижу, подпитывает мою.

— Сначала накорми меня, Лиам, — дерзко говорю я. — Я умираю с голоду.

Убрав одну руку с руля, он хватает мою руку со своего бедра и подносит ее к губам для еще одного поцелуя. — Что бы ты хотела?

Праздничный ужин. Немного здорового общения. Тогда, может быть, дополнительная порция прелюдии. В этом конкретном порядке, конечно.

— Я могла бы съесть несколько куриных наггетсов. И картошку фри, — я щелкаю пальцами. — О, и Макфлурри со вкусом орео.

— Твое желание для меня закон. Он сворачивает еще раз налево, перенаправляя нас обратно на Ист-Сайд. — Я бы тоже взял Макфлурри.

— Skor¹⁴?

Он застенчиво улыбается. Я так хорошо его знаю. — Всегда.

Мне это нравится. Как естественно мы чувствуем себя в присутствии друг друга. Здесь нет никакой неловкости. Последние несколько дней боли просто стираются из памяти. Они больше не бросаются мне в глаза. За исключением этого момента.

Свободной рукой я провожу по его челюсти. — Мне действительно нравится твоя борода, Лиам.

Как я и предполагала, она мягкая и ухоженная.

— Спасибо, — говорит он. — Я пользовался маслом для бороды, которое ты нашла для меня все эти месяцы.

Еще одна вещь, которую я обожаю в Лиаме? Он такой же энтузиаст ухода за кожей, как и я, и все, что я предлагаю, он всегда пробует.

Я сдерживаю смех, представляя себе этого крупного мужчину, сидящего перед своим ноутбуком и добавляющего товары в корзину Sephora, потому что я его об этом попросила.

— Ты все еще пользуешься увлажняющим кремом, который я рекомендовала?

Лиам ведет машину одной рукой, ни на секунду не отпуская мою. Я нахожу это таким сексуальным. — Я пользуюсь им каждый день, детка.

Черт возьми, что такого во взрослом мужчине, который заботится о себе — и я говорю о гигиене, хорошо одевается, божественно пахнет, — что он просто делает это для меня?

— Как прошла работа? — спрашивает он.

— Утомительно, но хорошо. Я подружилась с двумя новыми коллегами-моделями, с которыми, вероятно, столкнусь во время нашего следующего выступления, — я накручиваю кончики своих волос. — Как прошел твой день?

— Я закончил строить скворечник для нашей соседки миссис Клиффорд. У нее на заднем дворе несколько раз побывали кардиналы и голубые сойки, и она хочет подготовиться к следующему лету. — Лиам усмехается, качая головой. — Она попросила меня покрасить его в пастельно-розовый цвет и добавить маленькие красные цветочки.

Мое сердце тает, когда я представляю Лиаму с крошечной кисточкой в руках, который с предельной сосредоточенностью добавляет маленькие красные цветочки к скворечнику. — Это так мило. Миссис Клиффорд по-прежнему печет вам мадлен15 каждое воскресенье?

— Ага, — усмехается он. — По сути, я ее суррогатный внук.

Я тоже хихикаю, и затем в нашем пространстве воцаряется безмятежность, пока мы наслаждаемся началом долгого вечера.

Я продолжаю украдкой поглядывать на Лиаму.

Лиам продолжает украдкой поглядывать на меня.

Там, где нам не хватает слов, наши глаза говорят громче всех.

Я так счастлива, что ты здесь, говорю я.

Я бы не хотел быть нигде больше, говорит он

Мы въезжаем на подъездную дорожку «Макдоналдса», и мои вкусовые рецепторы вздыхают от счастья. Я практически ощущаю запах жирной картошки фри и ощущаю мягкость мороженого на языке.

Я готовлюсь задать Лиаму вопрос, но замираю в ту же секунду, как ловлю его пристальный взгляд.

Есть что-то темное и чувственное в этом взгляде, когда он окидывает меня с головы до ног. — Мне действительно нравится твое платье, Бел.

Перевод: *Я хочу сорвать это с твоего тела сегодня вечером.*

И если он продолжит так на меня смотреть, я стану дикой и потребую, чтобы он посадил меня к себе на заднее сиденье, чтобы мы могли сделать именно это.

Я скрещиваю ноги, и он стонет.

Подмигнув, я кокетливо говорю: «Я знаю».

Забрав нашу еду, Лиам отвозит нас на свое место.

Это абсолютно идеально. Воздух свеж, солнце опускается низко, а вода мерцает, как россыпь кристаллов. Парк относительно пуст, за исключением нескольких местных жителей, которые кормят уток, и пожилой пары, прогуливающейся на прогулке.

Мы с Лиамом подходим к деревянной скамейке, обращенной к воде и закату. Мы садимся и с аппетитом набрасываемся на еду.

Я чувствую ухмылку Лиама, когда расправляюсь с куриными наггетсами и картошкой фри с рекордной скоростью по Книге рекордов Гиннеса, а затем беру свой «Орео Макфлурри»

— Ты животное, — весело говорит он, поедая свое угощение с манерностью принца.

Я кладу в рот ложку мороженого и стону. — Мм, я могла бы есть это всю оставшуюся жизнь.

Лиам смотрит на мои губы с тем же голодом, который обычно присущ для людей, ждущих блюда из трех позиций в дорогом ресторане.

Я дьявольски улыбаюсь, облизывая ложку, чтобы ему было еще вкуснее. Просто небольшое шоу для разогрева — на самом деле тизер — на потом, если он будет хорошо себя вести. — Нравится то, что ты видишь?

— Ты даже не представляешь.

Мое сердце совершает небольшое сальто в своей клетке.

Мы продолжаем есть наше мороженое, наслаждаясь окружающим пейзажем. Я понимаю, почему Лиаму нравится приходить сюда. Здесь спокойно, уединенно и напоминает святилище.

— Спасибо, что согласилась поговорить, — наконец начинает Лиам. — Эти последние несколько дней...

— Отстой, — заканчиваю я за него. — Мне не нравилось расстояние между нами. Я ненавидела это. Быть не в состоянии отправлять тебе сообщения каждый день. Это заставило меня почувствовать беспокойство и...

— Как будто тебе не хватало какой-то части себя? — с надеждой спрашивает он.

Я киваю, уставившись себе под ноги.

Лиам ерзает на скамейке, придвигаясь чуть ближе. Он забирает наш мусор и складывает его в бумажный пакет из "Макдоналдса". Я чувствую, что ему нужно время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем заговорить.

В конце концов, он поворачивает свое лицо в мою сторону, и я поражаюсь тому, как мерцают его голубые глаза в предвечернем небе. — Когда я получил твое первое письмо в старших классах, ты изменила мою жизнь.

Мои губы приоткрываются на резком вдохе.

— Сколько я себя помню, мне нравилось прятаться за своими стенами, — он хрустит костяшками пальцев. — Мир не всегда был добр ко мне, поэтому защита себя была единственным известным мне способом жить. Если я был вне поля зрения, я ни к кому не привязывался, и никто не мог причинить мне вред. Но это не всегда так, не так ли?

Я качаю головой, нуждаясь в том, чтобы он уточнил. — Лиам...

— Надо мной издевались, когда я рос, — его челюсть сжимается. — К сожалению, мой рост сделал меня мишенью для многих злых шуток. Я был выше... крупнее... всех и тише по натуре, а это означало, что мне было трудно заводить друзей. В результате это сделало меня изгоем. Либо люди избегали меня, либо, если они заговаривали со мной, то обычно для того,

чтобы подшутить над моей внешностью. Я не могу начать рассказывать тебе, как я выжил в старшей школе. Но если и есть какой-то способ подытожить мой опыт, то это слово «дерьмовый». То, как люди относились ко мне, только еще глубже загоняло меня в мое одиночество. У меня был один близкий друг, которого популярные ребята тоже окрестили неудачником, так что мы с ним держались вместе. В конце концов, он уехал, и я снова остался один.

Я задерживаю дыхание, когда Лиам снова смотрит в мою сторону. Одна часть меня довольна, что он открылся, но другой части больно слышать это.

Было очевидно, что у Лиам было довольно трудное прошлое.

Я просто не знала, что над ним издевались.

Желание защитить нахлынуло на меня подобно цунами. Потребность вернуться в прошлое и надрать задницы всем придуркам, которые причинили боль Лиаму, настолько сильна, что я едва могу это сформулировать.

— Ты в порядке? — спрашивает Лиам, уставившись на побелевшие костяшки моих пальцев.

— Нет, это не так, — я издала невеселый смешок. — Но мне нужно, чтобы ты продолжил свой рассказ, пока я не вышла из себя и не потребовала имена и адреса. Так чтобы я, конечно, смогла нанести телесные повреждения.

Лиам разжимает мои сжатые кулаки и сплетает наши пальцы вместе. Он подносит их ко рту для поцелуя. Я уже сбилась со счета, сколько раз он делал это сегодня. Однако это меня успокаивает. Может быть, это тоже его мотивирует. — Спокойнее, Бел. Сейчас я в порядке. Это было в прошлом, и, хотя этого уже нельзя изменить, сейчас я хочу двигаться только вперед.

Я не могу говорить, поэтому только киваю.

Лиам продолжает говорить, но не отпускает моих рук. Его большой палец ласкает мое запястье, как будто приказывает моему пульсу успокоиться. — Как я уже говорил, старшая школа была дерьмовым шоу. Я делал все, что было в моих силах, чтобы быть невидимым, чтобы люди оставили меня в покое. Потом наступило начало выпускного класса, и я встретил эту девушку. Однажды она действительно нашла меня в школьной библиотеке, я сидел в своем уголке и читал фантастический роман во время ланча, — Лиам сжимает мои руки. — Оказывается, она тоже хотела его прочитать. У нас установились дружеские отношения, и в конце концов она начала приходить в библиотеку каждый день, чтобы... пообщаться со мной. Ей нравилась моя компания, но она не хотела, чтобы люди знали, что мы друзья. Я думаю, это поставило бы мишень на ее спине, учитывая, что она была частью популярной команды. И, как я уже упоминал ранее, я им не был.

Я ненавижу то, к чему все это ведет. Мой желудок сжимается еще до того, как Лиам произносит следующую фразу.

Он делает глубокий вдох и закрывает глаза. — Она была мила со мной, и, естественно, она начала мне нравиться. Я никогда не осмеливался пригласить ее на свидание, потому что боялся отказа. К тому же, я не был уверен в том, что она чувствовала ко мне. Несмотря на ее дружелюбие, в большинстве случаев я просто чувствовал себя ее грязным секретом, — Лиам рассеянно поглаживает мои костяшки пальцев. — В то время я этого не знал, но у нее был парень из баскетбольной команды. Он был одним из популярных спортсменов. Однажды он нашел нас, и весь ад вырвался на свободу. Она сказала ему, что мы просто друзья, и единственная причина, по которой она тусовалась со мной, была из жалости, — Лиам издает

самоуничжительный смешок. — Можно с уверенностью сказать, что он разозлился, а потом... он и его приятели избили меня после школы.

Мои глаза наполняются слезами, грозящими пролиться. — Нет.

Лиам вздыхает, кивая. — Да. Они сильно избили меня. Их было четверо против одного, и я не мог защититься. Через несколько минут я сдался и просто позволил этому случиться. Я оцепенел. Я просто хотел покончить с этим, чтобы я мог приползти домой и оказаться в своей уютной постели, чтобы отоспаться от этого кошмара. Я закричал только тогда, когда один из парней вытащил свой перочинный нож и прошелся им по моей щеке. Вот откуда это, — он подносит мою дрожащую руку к шраму на своей щеке. Он тонкий, белый и почти скрыт его бородой. — В конце концов, уборщик услышал шум и пришел мне на помощь, — Лиам медленно выдыхает. — К тому времени у меня распухла челюсть, был подбит глаз, болели ребра и кровоточила щека.

Слеза скатывается с моих глаз.

Как будто кто-то вырвал мое сердце и растоптал его.

Я боюсь, что если я открою рот, то начну рыдать, и Лиам не продолжит рассказывать свою историю.

— Та часть, которая болит больше всего? Девочка знала, что они собираются избить меня после школы, и не потрудилась предупредить. Если бы она это сделала, я бы пропустил следующий урок и притащил свою задницу домой как можно скорее.

— Имена. Адреса, — выплевываю я сквозь стиснутые зубы. — Я собираюсь убить ее. И парней, которые сделали это с тобой.

Мои слова вызывают мальчишескую улыбку на губах Лиамы. Очень нежно он наклоняется вперед, чтобы коснуться губами моей слезы. Смахивает это поцелуями. Как будто это я нуждаюсь в утешении.

Несмотря на то, через что ему пришлось пройти, он такой мягкий и нежный, и это только заставляет меня плакать сильнее.

— Ты значишь для меня больше, чем я когда-либо смогу выразить словами, *mo chroi*, — Лиам целует меня в обе щеки, стирая все следы слез, которые я проливаю из-за него. — Ты делаешь мой мир лучше. Я умоляю тебя. Пожалуйста, не плачь. Мне больно видеть тебя грустной.

Неужели он этого не понимает?

Мне больно осознавать, что с ним так обошлись. Что я ничего не могу сделать, кроме как пассивно сидеть здесь, пока он рассказывает самую печальную вещь, которую я когда-либо слышала. Что я не могу преподать его хулиганам урок, которого они заслуживают.

Потому что никому не позволено прикасаться к моему Лиаму с применением насилия. Когда-либо.

Я хочу защитить его от всего зла в мире. Я хочу показать ему любовь, доброту и смех. Я хочу подарить ему хорошие воспоминания, которые затмят все плохое, что он когда-либо испытывал.

Я хочу сказать Лиаму, что он никогда не будет одинок — что с этого дня у него всегда буду я. И что я всегда буду оберегать его в меру своих возможностей, в колыбели моих рук, в тепле моей души, в защитной клетке моего сердца.

Но это может подождать, пока он не выскажет свою точку зрения.

— Пожалуйста, расскажи мне, что произошло потом, Лиам, — умоляю я, молясь, чтобы за этой уродливой историей было что-то положительное.

— Я вернулся домой, и мои родители увидели мои раны. Они просто взбесились. На следующий день они пришли в мою школу и устроили истерику в кабинете директора. Парней, которые избили меня, выгнали из баскетбольной команды и отчислили из школы, как только уборщик выступил в мою защиту. Факультет много раз приносил извинения, но ущерб уже был нанесен, — глаза Лиамы говорят мне, что он погрузился в воспоминания. Я презираю то, что он вновь переживает этот ужас. — Мне потребовалась неделя, чтобы оправиться от этого инцидента. В следующий понедельник, когда я впервые вернулся в школу, я сказал себе, что собираюсь спросить своих родителей о вариантах домашнего обучения. Я не видел смысла учиться в среде, которая не смогла меня защитить. Но потом подошел урок английского, и моя учительница раздала первый набор писем, и... я получил твое, — большой палец Лиамы благоговейно прошелся по моей щеке. — И это принесло мне утешение в то время, когда я чувствовал себя опустошенным. Ты олицетворяла для меня надежду, Бел. Ты всегда была и всегда будешь.

Переполненная своими чувствами к этому парню, я подношу наши соединенные руки к губам для поцелуя. Мои губы касаются вытатуированной цифре на его большом пальце.

Что бы ни случилось сейчас, мы с ним будем вместе в долгосрочной перспективе.

— Ты была подобна лучу солнца, вошедшему в мою жизнь после многих мрачных дней. У меня была самая широкая улыбка на лице, когда я читал твое письмо. Ты была такой разговорчивой и рассказывала мне все эти вещи о себе, — в его глазах светится нежность. — А потом ты потребовала знать обо мне все. Впервые в моей жизни кто-то моего возраста проявлял ко мне неподдельный интерес. Это было удивительно, но так приятно. Ты заставила меня почувствовать, что меня видят и слышат. Прошло всего несколько недель, прежде чем ты стала моим лучшим другом. До того, как я... влюбился в тебя.

Он влюбился в меня.

Так же, как я влюбилась в него.

— О, Лиам, — моя улыбка и голос дрожат. — Письмо к тебе тоже было моим утешением. Я чувствовала твою бескорыстность и твое большое сердце в каждом из этих писем. Мне нравилось узнавать о тебе все. Ты очаровал меня своей мудростью и любовью к садоводству и строительству. Я даже с нетерпением ждала всех цитат, которыми ты делился из своих недавних прочитанных книг. Давай не будем забывать, что ты также заставил меня почувствовать, что меня видят и слышат. Особенно после того, как я рассказала тебе, что случилось со мной на вечеринке два года назад и как это повлияло на мой разум. Ты всегда был рядом со мной, Лиам. Я тоже влюбилась в тебя за считанные недели.

В его глазах появляется дикий взгляд, когда я признаюсь в своих чувствах.

Но, прежде чем мы сможем двигаться дальше с этим — с нами — есть еще одна неотложная вещь, которую нужно обсудить. — Лиам, мне нужно знать, почему ты не был готов встретиться со мной. Пожалуйста. Это беспокоит меня с тех пор, как ты упомянул об этом. Я умираю от желания увидеть тебя в течение двух лет. Я чувствовала, что ты хочешь того же, но ты всегда отстранялся. Почему?

Вокруг нас воцаряется тишина.

Волны и щебечущие птицы заполняют пустое пространство.

Я не отвожу взгляда от своего лучшего друга.

Лиам вдыхает и берет мою ладонь, кладя ее на свой бородатый подбородок. — Посмотри на меня хорошенько, Бел, — он криво улыбается. — Я не самый красивый парень в квартале.

От шока у меня перехватывает дыхание.

— Когда я впервые увидел твою фотографию, у меня перехватило дыхание. Я никогда не видел кого-то настолько великолепного. Каждый дюйм тебя, детка. Чистое гребаное совершенство, — он с трудом сглатывает. — Ты девушка моей мечты, Бел, и я выгляжу чудовищем по сравнению с тобой.

— Ты что, блядь, издеваешься надо мной прямо сейчас?

Он выглядит абсолютно серьезным.

Я чуть не начинаю рыдать, мое сердце болезненно сжимается из-за этого глупого человека, который даже не видит собственной красоты. — Лиам, ты не похож на монстра. И ты не хорошенький. Это слово не отдает тебе должного, — я качаю головой. — Ты просто сногшибателен. Внутри и снаружи. Я чуть не кончила, когда впервые увидела тебя в баре.

— Черт, — выражение его лица смягчается. — Ты серьезно?

— Клянусь, — я потратила так много своего времени, расширяя возможности других с помощью своей платформы; я ненавижу, что мой собственный лучший друг был здесь, на другой стороне, и чувствовал себя так ужасно из-за себя. Мне все равно, что скажут другие. Этот человек — полная десятка в моей книге. Он такой сексуальный, и я хотела бы, чтобы он мог увидеть себя с моей точки зрения. — В следующий раз, когда ты согласишься в зеркало, я хочу, чтобы ты увидел то же, что и я, Лиам.

— Что ты видишь? — шепчет он с уязвимым видом.

— Я вижу свое настоящее и свое будущее. Я вижу своего лучшего друга, — я обхватываю его лицо руками и смотрю ему в глаза. — Я вижу своего Лиама, мужчину моей мечты.

Лиам резко выдыхает, сбрасывая накопившееся за несколько дней напряжение. Его лоб прижимается к моему, его детская голубизна наконец-то видит мою правду. — Ты для меня все, — бормочет он. — Я хочу поцеловать тебя вот уже два года. Можно мне, Бел?

— Да, — я начинаю сокращать расстояние между нашими губами. — Поцелуй меня, Лиам.

Руки Лиама обхватывают мое лицо, и он встречает меня на полпути, прижимаясь своим ртом к моему с низким стоном.

Страстное желание и мощная страсть движут поцелуем, который начинается с нежности бабочки и превращается во что-то жгучее, когда мы начинаем испытывать нужду друг по другу. Наши рты соприкасаются и нетерпеливо потягивают, как будто мы просто не можем насытиться, просто не можем сблизиться, просто не можем дождаться, когда станем одним целым. Необходимость влезть в его шкуру и построить внутри него вечный дом раздражает.

Мои руки опускаются к его воротнику. Я притягиваю его к себе невероятно близко. Мягкая борода Лиама щекочет мой подбородок, и я стону, когда его язык скользит по складке моих губ, спрашивая разрешения.

У него оно есть.

Наши языки встречаются, наслаждаясь сладким вкусом этой новой любви.

Руки Лиама становятся увереннее, обхватывая мои бедра. Одним быстрым рывком он перебрасывает меня к себе на колени. Боже, какая сила у этого человека. Я прерываю поцелуй со вздохом и чувствую ответную, почти дерзкую ухмылку Лиама.

Затем он снова крадет мой воздух, пока я больше не перестая помнить, где начинается он и где заканчиваюсь я.

Мои мысли крутятся в бесконечном цикле Лиама, Лиама, Лиама.

Его руки в моих волосах. На моем теле. Поверх моих изгибов. Он разминает мок задницу и бедра с мужским ворчанием, как будто не может смириться с тем, какая я потрясающая. Я делаю то же самое. Исследую его плечи. Его бочкообразная грудь. Его полный живот. А затем возвращаюсь к его роскошным волосам, чтобы я могла запрокинуть его голову и поцеловать глубже.

В этом поцелуе больше нет ничего сладкого.

Это дико, горячо и напоминает нужду.

Лиам О'Коннелл целуется не по-джентльменски.

Я надеюсь, что он тоже не трахается как один из них.

Мы отрываемся друг от друга с похотливыми звуками. Дыхание Лиама вырывается из моего приоткрытого рта, его глаза полуприкрыты и остекленели. Мой воин выглядит побежденным после одного поцелуя, и я зависима от выражения его лица, смеси муки и удивления. Золотое сияние заходящего солнца действительно придает ему очарование, закаленного в боях, воина, возвращающегося домой к своей настоящей любви.

Конечно, я — настоящая любовь.

— Это было идеально, — фыркаю я, ухмыляясь, пытаюсь привести в порядок его волосы после того, как растрепала их.

Лиам запечатлевает на моих губах еще один быстрый поцелуй. — Ты само совершенство.

И вот я снова начинаю влюбляться в него еще глубже.

— Я отвечаю тебе тем же, — я прижимаюсь своим лбом к его лбу, глядя ему в глаза. — Каждый дюйм твоего тела. Чистое гребаное совершенство, детка.

Я бросаю ему эти слова в ответ, и его ответная улыбка озаряет все мое существо.

Лиам, принимая мой комплимент, все еще борется с этим. Я не дура; я прекрасно понимаю, что травля, которой он подвергся, сказала на нем. Клянусь, я буду проводить каждый божий день, напоминая ему, какой он идеальный, пока мы не преодолеем это.

— Ты тот парень, который мне нужен, Лиам, — клянусь я. — Мой мир стал лучше, потому что ты тоже существуешь в нем. Никогда не забывай об этом.

Мое заявление проникает в его душу. Это видно по тому, как его руки сжимаются на моей талии, и по тому, как блестят его глаза. Я точно понимаю, что он хочет сказать, без необходимости произносить это вслух.

— Боже, Бел. Никто не заставляет меня чувствовать себя так, как ты.

Улыбаясь, я прижимаюсь губами к его губам, и больше мы не разговариваем. Просто чувствуем друг друга. Наши поцелуи поднимаются с уровня PG-13 до совершенно непревзойденного, когда я чувствую его выпуклость.

Я потираюсь об него в порядке эксперимента.

— Это публичное непристойное поведение, — стонет Лиам, впиваясь пальцами в мои бедра, как будто не хочет, чтобы я останавливалась.

— Да, что ж, я не вижу ни одного копа, пытающегося нас остановить, — игриво говорю я, посасывая его нижнюю губу и дергая за нее.

— Бел, — рычит Лиам себе под нос, и от этого звука мои стринги загораются. Как будто я уже не была мокрой. — Ты убиваешь меня.

Я покрываю крошечными поцелуями его подбородок, пока не добираюсь до уха. — Нам следует обсудить это в более уединенном месте... например, на заднем сиденье твоей машины.

Лиам

«Нам следует обсудить это в более уединенном месте... например, на заднем сиденье твоей машины».

Эти слова рикошетом отдаются в моем черепе и пробивают тонкую завесу моей сдержанности. Когда я получил сообщение от Бел сегодня утром, я подумал, что мы просто поговорим и все исправим.

Никогда за миллион лет я не ожидал, что любовь всей моей жизни поцелует меня, не говоря уже о том, чтобы ерзать у меня на коленях, как будто я ее личная игрушка для удовольствия. Черт, я люблю эту девушку. Я люблю ее так сильно, что это трещит по швам.

Теперь она хочет, чтобы я посадил ее на заднее сиденье моей машины.

Так вот, каково это — выиграть в лотерею?

— Как пожелаешь, солнышко, — схватив Мэйбл, я перебрасываю ее через плечо, как пожарный.

Она взвизгивает и гортанно смеется над этим неожиданным движением. Я ухмыляюсь. Моя лучшая подруга не сказала этого прямо, но она наслаждается моей силой и тем, как легко я могу одолеть ее.

Я думаю, ей понравится, когда ею будут командовать и ворочать в постели.

Черт, я уже подумываю о хоумране, когда едва прошел с ней вторую базу. В течение двух лет в моем сознании накопилось множество фантазий. Я представлял себе самые непристойные сценарии, пока дрочил, сжимая в руке телефон и разглядывая желанные места для утоления жажды Бел.

Мои быстрые шаги несут нас к стоянке, где моя машина припаркована в уединенном месте, затененном навесом из ветвей деревьев. Мэйбл хихикает над моей поспешностью, и я клянусь, что этот звук заставляет мое сердце биться, как струны акустической гитары.

— Кто-то нетерпелив, — шутит она.

— Я хотел тебя два года, Бел. Нетерпеливый — не то слово, которое я бы использовал.

— Да? — бросает она вызов, когда я открываю дверцу заднего сиденья своего внедорожника и запикиваю ее внутрь. — Что бы ты использовал?

Я забираюсь следом за ней и закрываю дверь, запирая нас внутри. — Боль. Как будто я умру, если перестану прикасаться к тебе.

Когда наши взгляды встречаются, у меня внезапно пропадают слова.

Я никогда не забуду вид высокого, соблазнительного тела Мэйбл, откинувшегося на кожаное сиденье, наполовину в тени, наполовину в теплом сиянии заходящего солнца. Ее волосы растрепались из-за моих беспокойных рук. Ее глаза затуманились желанием. Ее нижняя губа игриво зажата между жемчужно-белыми зубами.

Мэйбл Гарсия — божественное существо.

Нимфа прямо из фантастического романа, источающая чувственность и вызывающая эротические позывы.

Нет никаких сомнений в том, что ее красота желанна тысячам людей, но именно ее дерзкое отношение и заботливая душа с самого начала держали меня в напряжении.

Я хочу относиться к Мэйбл как к королеве и целовать саму землю, по которой она

ходит. Я шепчу молитву Вселенной, чтобы она дала мне возможность показать этой невероятной девушке мир, потому что она не заслуживает меньшего.

Мэйбл лукаво улыбается и раздвигает ноги, приглашение ясно как божий день. — Тогда подойди и прикоснись ко мне, Лиам.

Я набрасываюсь на нее.

Усадив ее к себе на колени, я удобно устраиваюсь на сиденье и атакую ее шею нежными любовными укусами и покусываниями зубов. Ее крик переходит в томный смешок.

— Тебе нравится, когда с тобой обращаются грубо, милая?

— Только если это ты.

— Что еще тебе нравится? — я изголодался по ней. Я притягиваю ее губы к своим для поцелуя.

Это грубо, неряшливо, и заводит меня больше, чем когда-либо.

Бел чувствует мой твердеющий член. Она крепко сидит на моей промежности и растирает ее медленными, мучительными движениями, призванными окончательно свести меня с ума. — Мне нравится чувствовать твои руки на моем теле. Мне нравится, как ты обнимаешь меня, и я чувствую себя в безопасности. Мне нравится — нет, обожаю — вкус твоих губ. Я думала о том, чтобы целовать тебя непрерывно в течение двух лет. Иногда по ночам эта мысль не дает мне уснуть, пока я...

Я стону, мои пальцы впиваются в ее талию. — Пока ты что?

Я задерживаю дыхание, надеясь, что Мэйбл скажет то, что, как я думаю, она скажет.

— Пока мои пальцы не проникнут ко мне в трусики, и я не начну трогать себя.

Я чуть не теряю сознание, слушая ее грязное признание.

Не так давно я бы не поверил, что такая девушка, как она, может хотеть такого парня, как я. Но после того, как мы высказали свои чувства, я понял, что Мэйбл была для меня пропащей с самого начала.

Точно так же, как я был обречен из-за нее.

— Ты часто прикасаешься к себе, думая обо мне? — это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— По крайней мере, раз в неделю, — она мяукает, когда я прикусываю ее нижнюю губу зубами, ее пальцы впиваются в мои мускулистые плечи. — Обычно я лежу в постели, прокручиваю в голове наши разговоры и трахаю себя до тех пор, пока не кончаю себе на руку. Ты сводишь меня с ума всякий раз, когда называешь меня малышкой или хвалишь за самые незначительные вещи.

Вожделение стучит кувалдой внутри меня, когда я представляю, как эта девушка играет со своей мокрой киской. Потому что я дразнил ее своими словами. Потому что я парень ее мечты.

Все из-за меня.

— Раньше я представляла, как бы ты выглядел, Лиам, — палец Мэйбл с обожанием проводит по моим губам. — Однако реальность сводит на нет все, что я когда-либо представляла. Я не думаю, что в английском языке существует слово, описывающее твою красоту, но, если бы мне пришлось довольствоваться чем-то одним, я бы сказала, что ты похож на настоящего воина. Тот, который принадлежит только мне, чтобы хранить вечно.

Все, что я мог бы сказать в ответ, застревает у меня в горле.

Эта девушка.

Эта чертовски идеальная девушка.

— Должно быть, я сделал что-то правильное в своей прошлой жизни, чтобы заслужить тебя, — я обхватываю ее затылок и прижимаю ее лоб к своему. — Нет никого похожего на тебя. Для меня никогда не будет такого человека, как ты. Ты — это все. Ты в моих венах, в моей крови, в моем проклятом израненном сердце. Ты повсюду, и когда я закрываю глаза, все, что я чувствую и вижу, — это ты, Мэйбл.

У нее вырывается сдавленный стон, и Мэйбл прижимается своими губами к моим в страстном поцелуе. Это такой поцелуй, когда мы знаем, что пути назад нет. Мы направляемся напрямик к финалу «долго и счастливо» в нашей сказке.

Я исполню все ее желания, клянусь себе, растворяясь в ее возбуждающих поцелуях и ее запахе — солнечном свете и лимонах.

— Бел, — я стону, как животное, когда она покрывает мою шею голодными поцелуями, как будто она зависима и не может насытиться. — Ты позволишь мне доставить удовольствие твоей прелестной киске, детка?

Я удивлен, что сказал это вслух, но честность — лучшая политика.

Она останавливается и поднимает голову, тяжело дыша: «Т-ты хочешь?»

— Я мечтал об этом целую вечность.

Губы Мэйбл приподнимаются в улыбке. У нее размазалась губная помада. Мне нравится видеть ее разодетой. Но мне также нравится видеть ее растрепанной из-за моих прикосновений. — О чем еще ты фантазировал?

Я облизываю губы, улавливая остатки ее вкуса, и говорю. — Ты сидишь у меня на лице и мочишь мою бороду, как непослушная маленькая плохая девочка.

Мэйбл несколько раз моргает.

Ее рот открывается и закрывается, но никаких фраз не выходит.

Я думаю, что поверг бедную девушку в шок.

Я поглаживаю ее за талию, чтобы вернуть на землю. — Ты в порядке, детка?

Она краснеет и, наконец, делает долгий выдох. — О, вау. Эм, да. Это... это звучит здорово, Лиам. Я бы с удовольствием посидела у тебя на лице. Действительно. Я в игре.

Я хихикаю и целую ее в подбородок. — Тебе нравится, когда я говорю непристойности?

Она серьезно кивает.

— Хорошо. У меня есть еще кое-что.

— Скажи мне, Лиам.

— Я хочу поставить тебя на четвереньки и широко раздвинуть для моего члена, — шепчу я ей на ухо, наслаждаясь тем, как напрягаются линии ее тела от моих слов. — Я хочу смотреть, как ты скулишь, постанываешь и вцепляешься в простыни, когда берешь каждый дюйм меня, — мои пальцы скользят вниз по ее спине, пока я не сжимаю ее бедра. — И я хочу трахнуть тебя так сильно, что ты никогда не забудешь, каково это — принадлежать мне.

Мэйбл тихо всхлипывает.

Мой большой палец касается ее губ, и когда она раздвигает их, я просовываю его внутрь, чуть не кончая в штаны, когда она посасывает татуировку цифры с самым застенчивым выражением на лице.

Другой рукой я поднимаю короткий подол ее платья выше по бедрам, лаская одну из ее ягодиц. — Каждый раз, когда ты публиковала снимок в сарафане или грязном маленьком купальнике, ты надеялась, что я случайно увижу это?

— Д-да. Какая-то часть меня хотела, чтобы ты нашел меня и был...

— Соблазнен? — я помогаю. — Одержим? — я сжимаю ее внутреннюю поверхность

бедра. — Потому что один взгляд на тебя — и я был чертовски разрушен, Бел. Я сделал скриншоты каждой твоей фотографии до единой. Я смотрю на них каждую ночь, когда обхватываю свой член кулаком и трахаю себя в твою честь.

— Лиам, — ее дыхание становится немного прерывистым. — Это было так плохо с твоей стороны.

— Я знаю, — шепчу я, снова целуя ее. — Ты собираешься наказать меня за это?

— Я должна, — выдыхает она, расширяя позу, пока ее колени не упрутся в сиденье по обе стороны, а ее киска практически приклеивается к моей выпуклости. — Боже, я действительно должна.

— Ты втайне дразнишь меня вот уже два года. Пишешь мне все эти милые вещи в своих сообщениях. Говоришь мне, что я — лучшее, что когда-либо случилось с тобой. Была маленькой кокетливой дразнилкой, присылая мне фотографии ногтей, за которые я заплатил, — она продолжает раскачиваться надо мной, ища трения, как будто ничего не может с собой поделать. У меня на руках возбужденная красавица, и я вознаграждаю ее шлепком по заднице. Звук отдается в машине громким ударом. Я проделываю это еще дважды, демонстрируя ей трейлер порки, которую она скоро получит. Мэйбл стонет. — Ты хоть представляешь, как это меня возбудило? Мне чертовски нравится быть тем, кто обеспечивает тебя. Твоим защитником. Твоим всем.

— Теперь я знаю, — она берет те же самые ногти и проводит ими по моему обтянутому свитером торсу, прикусывая припухшие от поцелуев губы. Я содрогаюсь от боли-удовольствия. — И, может быть, я и не девица в беде, но если и есть мужчина, которого я хочу видеть рядом, который защитит меня, приютит меня, будет рядом со мной, то это ты, Лиам. Ты всегда будешь им и для меня тоже.

Мы скрепляем сделку еще несколькими поцелуями. Вскоре мы оба начинаем тяжело дышать и постанывать, когда Бел трется о мой стояк, как женщина на задании.

— Сними свое платье, — умоляю я, запуская пальцы в ее волосы. Наши языки скользят друг по другу со стонами в унисон. — Я хочу видеть тебя обнаженной, когда я доставлю тебе удовольствие.

Мэйбл не нужно повторять дважды.

Она снимает тонкие бретельки со своих плеч, а затем стягивает голубое атласное платье со своего чувственного тела. Материал облегает ее грудь, заставляя эти груди с коричневыми кончиками подпрыгивать при движении.

Она бросает свое платье на сиденье рядом с нами.

Мое зрение затуманивается от этого возбуждающего зрелища.

Копна темных волос ниспадает ей на плечи. Загорелая кожа сияет в золотой час, демонстрируя все свои совершенства. Голубые стринги и белые туфли на каблуках с ремешками украшают ее обнаженную фигуру.

Она лишает меня дара речи.

Мэйбл откидывается назад с уверенной улыбкой, позволяя мне насладиться ее внешностью.

Мне нравится, что она не стесняется.

Восхищенные, мои пальцы действуют сами по себе, обводя ее изгибы и растяжки. Черт, я просто хочу поглотить каждый дюйм этой сочной женщины. Ее сочные бока — самая сексуальная вещь в женщине. Ее щедрые сиськи. Ее сочную киску.

Я хочу все, что может дать эта женщина, и даже больше.

Мне никогда не будет ее достаточно.

Мэйбл берет мои руки в свои и нежно кладет их себе на талию. Прикосновение кожи к коже обжигает меня, как раскаленная кочерга. — Сделай так, чтобы мне было хорошо, Лиам.

Я ни в чем не могу отказать этой девушке. Я так же этого не хочу.

Мои пальцы скользят по ее киске, и я изучаю ее контуры, блуждая по влаге, вытекающей из ее тугой дырочки, прежде чем обвести ее набухший клитор. Стоны Мэйбл эхом отдаются в моей голове, как хор. Я подношу пальцы ко рту, чтобы ощутить вкус ее похоти.

Сладкий.

Терпкий.

Вызывающий привыкание.

Я стону, одержимый другой ее частью. — Черт возьми, ты восхитительна на вкус, Бел.

— Лиам, — она растягивает мое имя, как молитву.

Мы медленно целуемся, и мои пальцы возвращаются к ее влагалищу. Я сосредотачиваюсь на ее жадном клиторе, наслаждаясь тем, как ее тело реагирует на мое внимание. Дрожа от предвкушения. Ищущая удовлетворения. Покачиваясь, я погружаю палец в ее влажное тепло. Боже милостивый, нетерпеливая киска Бел засасывает меня до последней костяшки. Она такая хорошая девочка, проводит пальцами по моим волосам и повторяет мое имя задыхающимся голосом, что я добавляю второй палец.

Бедра Бел изгибаются, когда я трогаю ее пальцами. — О, Боже. О, Боже.

Я касаюсь своей улыбкой ее губ. В этом есть что-то дьявольское, и она принимает это своим страстным поцелуем. — Тебе нравится, когда играют с твоей киской, *mo ghrá?*

— Д-да, — ее руки обвиваются вокруг моей шеи, и она прижимается своим обнаженным телом к моему полностью одетому. Что-то в этом меня безмерно возбуждает. Мне нравится, какой уязвимой это делает ее и как сильно она мне доверяет.

Запретный аспект пребывания на открытом воздухе, где нас может видеть весь мир, делает все это свидание еще более сексуальным.

— Грязная, развратная девчонка, — насмехаюсь я как раз в тот момент, когда мои пальцы находят местечко глубоко в пышной киске Мэйбл. Ее точка G, без сомнения. Я работаю с большей любовью, и моя девочка хнычет, закатывая глаза. Мне чертовски нравится видеть ее неуправляемой от удовольствия. — Я знал, что под этой солнечной внешностью скрывается грязное, нуждающееся создание.

— О боже мой, Л-Лиам. Я почти на месте.

Подпрыгивающие сиськи Бел покачиваются у меня перед носом. Я хватаю пухлый коричневый сосок и сосу, как изголодавшийся человек, впервые за много дней поевший. Моя девочка стонет громче, прижимая мою голову к своим сиськам. Я практически задыхаюсь в ее декольте и ее сладком аромате. Мне здесь нравится. Я никогда не хочу уходить. Я, блядь, хочу умереть здесь.

Я шлепаю ее по заднице для пушей убедительности, продолжая ласкать ее сиськи своим ртом.

Ее киска сжимается вокруг моих пальцев, становясь все более влажной и создавая беспорядок у меня на коленях.

Все тело Бел сотрясается от удовольствия, которое я выжимаю.

— Мы доставим тебя туда, детка, — обещаю я, оставляя засос у нее на шее. — Ты

никогда не будешь неудовлетворена, пока ты со мной.

— Ты чертовски хорош в этом, — выдыхает она, ее глаза сужаются. — У тебя была практика?

Нотка ревности в ее тоне заставляет меня усмехнуться. Это первая киска, к которой я прикоснулся, и она будет последней. Мэйбл этого не знает, но я девственник.

Я берег себя для нее.

— Ты ревнуешь? — я шлепаю ее по киске.

— Нет. Я территориальна. Мне не нравится знать, что до меня были другие женщины. Я не хочу, чтобы кто-то из них был рядом с тобой, — горячо говорит она.

Ее слова почти заставляют меня взорваться. Я продолжаю ласкать ее пальцами — сильнее — и тереть ее клитор — быстрее. — Не волнуйся. Я вытатуирую на своей коже надпись «Собственность Мэйбл». Это их отпугнет.

— Да, — шипит она, держа меня за запястье и поглаживая мои пальцы. — Г-где-нибудь на самом видном месте, Лиам.

— Я сделаю это на лбу.

Она смеется вполголоса. — Идеально. Чтобы все девушки знали, что ты мой.

Ты мой. Ты мой. Ты мой.

После этого заявления больше никаких разговоров.

Момент теперь подпитывается короткими, жадными поцелуями, отчаянными прикосновениями и грязными словами, которые шепчем друг другу в губы. Окна запотели, и в воздухе витает запах похоти. Я играю на Мэйбл, как на музыкальном инструменте, и она наслаждается каждой секундой этого. Я щиплю ее за клитор и одновременно ударяю пальцами по ее местечку.

Снова и снова.

Напряженное лицо Мэйбл, когда она отпускает меня, навсегда запечатлелось в моей памяти. Голова запрокинута назад, губы приоткрыты, глаза остекленели, моя девочка изливает свое освобождение мне на руку.

— Лиам! — она выдавливает мое имя, дрожа всем телом.

Когда мои пальцы высвобождаются из ее сжимающего жара, она дрожит от потери меня. Я слизываю каждую каплю ее влаги со своих пальцев. — Мм. Ты такая хорошенькая, когда кончаешь, детка.

Мэйбл наблюдает за мной с довольным выражением лица, лаская мое лицо.

Потом она кладет голову мне на плечо и обнимает меня изо всех сил. Я понимаю, что физическое прикосновение — это ее язык любви, и я крепко обнимаю ее, заставляя чувствовать тепло и защищенность.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, целуя ее в висок.

— Как будто я наконец вернулась домой после долгих лет скитаний, — Мэйбл поднимает голову, пристально глядя мне в глаза. — Как будто все в моей вселенной снова кажется правильным.

Неприятное стеснение подступает к моему горлу. — Бел...

Она целует мои губы нежно, как перышко. — Да?

— Я устал прятаться за своими стенами и отказывать себе в том, чего я хочу. Я не мог сказать этого раньше, но я говорю это сейчас: я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Всегда. Как мой лучший друг. Как моя девочка. И однажды — кем-то больше, — тихо признаюсь я. — Ты тоже моя, милая. Ты была ей с самого первого письма. Так что, пожалуйста, Бел.

Скажи «да» и скажи, что ты будешь со мной.

Лицо Мэйбл светится абсолютным счастьем, и девушка моей мечты, наконец, говорит:
«Да, Лиам. Я буду с тобой».

Я буду с тобой.

Это официально.

Она моя.

Теперь и в моей вселенной все правильно.

Мэйбл

У нас с Лиамом все официально.

Сегодня исполняется четвертая неделя с тех пор, как он попросил меня быть с ним, и я согласилась.

Четыре недели романтических свиданий по городу, сладких поцелуев, утешительных объятий и безудержного смеха. За такое короткое время я уже создала так много важных воспоминаний о моем человеке, что, я знаю, их хватит мне на всю жизнь.

Мне нравится сидеть на заднем сиденье его машины, заключенной в его сильные руки, пока он рассказывает мне о своих карьерных амбициях и жизненных целях. Лиам теперь — открытая книга. Он больше не сдерживается, и я горжусь доверительными отношениями, которые нам удалось построить медленно, кирпичик за кирпичиком, в течение двух лет.

Письма, которые мы писали в первый год, разожгли нашу любовь. Сообщения, которые мы отправляли на второй год, подпитывали наше страстное желание. Несмотря на то, что мы все время разговаривали, мы не могли передать всю глубину наших чувств друг к другу. Теперь я знаю, что нам просто нужно было увидеть друг друга лично и разобраться со своими чувствами, как зрелым личностям.

Я поняла, что влюбиться не обязательно должно быть трудно.

Это может быть так же просто, как сесть напротив своей второй половинки и облегчить душу от всей тоски, которую вы испытываете. Это может быть так же просто, как прошептать все свои секреты, а затем ждать их с распростертыми объятиями, когда они навсегда отдадут тебе свое сердце.

Любить Лиам так просто, что это кажется второй натурой. Любить Лиам так легко, я чувствую, что этим можно дышать, как воздухом, который поддерживает во мне жизнь. Любовь к Лиаму — это все хорошее, что случилось со мной, и я клянусь, что буду лелеять этого человека до скончания веков.

Кстати, о моем парне, его сообщение приходит как раз в тот момент, когда я фотографирую себя в платье, присланном мне бутиком здесь, в Монтардоре. Каждый вторник мне нравится публиковать пост OOTD в социальных сетях, чтобы поддержать малый бизнес из города.

Что ты делаешь в эту субботу? — Лиам

Я делаю быстрый снимок в зеркале, затем подхожу к своему новому столу (Лиам сделал его для меня с нуля и доставил на прошлой неделе. Это абсолютно идеально.), где я сижу, и отвечаю ему.

Я думаю, что мое время расписано по минутам. — Мэйбл

На самом деле это не так. Я просто играю.

О, да? — Лиам

Да, у меня деловой ужин. С музыкантом, который уже некоторое время пишет мне сообщения. Он хочет, чтобы я стала следующей видео-лисицей в его музыкальном клипе. Спросил, не хочу ли я полежать на пианино, пока он поет мне серенаду в комнате, полной свечей. — Мэйбл

Я хихикаю, просто представляя ревность Лиам. Я не лгу насчет музыканта, но у меня

нет никакого интереса сниматься в его музыкальном клипе. Тем не менее, мне действительно нравится выводить из себя своего парня.

Как и было предсказано, приходит серия взрывоопасных текстовых сообщений.

Только через мой труп. — Лиам

Скажи этому так называемому музыканту, что у тебя есть парень, который не боится его избить. — Лиам

Я клянусь, Бел. Это не угроза. Это гребаное обещание. — Лиам

У меня слюнки текут от пещерной реакции Лиам. Он всегда такой спокойный, собранный и уравновешенный. Не говоря уже о его милом отношении. С того дня, как мы подурачились в его машине, я знала, что под внешностью джентльмена скрывается грязная сторона его характера.

Он просто не позволял мне увидеть это снова.

И, Боже, я так сильно хочу это увидеть — подвергнуться этому.

Я возбуждена уже месяц. Лиам настаивает, чтобы мы делали это «медленно». Еще немного медленнее, и я думаю, что моя вагина разрушится. Я готова к тому, что Лиам выполнит все свои неприличные обещания. Я готова к тому, что мы — простите за мой французский — трахнемся и выведем эти отношения на совершенно новый уровень.

Я просто дразнила тебя. Никакого музыкального клипа или делового ужина не будет. — Бел

Ты негодница. — Лиам

Я прикусываю нижнюю губу.

Я знаю, что ты собираешься с этим делать? — Бел

Думаю, мы увидим это в субботу, детка. — Лиам

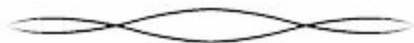
Все в порядке. Сохраняй спокойствие, Мэйбл. Это происходит.

Что у нас в субботу? — Бел

У нас с тобой особенное свидание. — Лиам

У меня вот-вот начнется учащенное дыхание. Все мои молитвы услышаны. Аллилуйя!

Не могу дождаться, Ли. <3 — Бел

После долгой недели наступила суббота, и через два часа у нас особенное свидание.

Мои родители уже встречались с ним три недели назад, когда я проговорила, что отношения между моим школьным другом по переписке переросли в нечто большее. Они всегда знали, что Лиам был моим лучшим другом, но представить его как моего парня было совсем другим испытанием.

Я никогда раньше ни с кем не встречалась, так что привести его домой было грандиозно.

Лиам завоевал их сердца своей очаровательной улыбкой и вежливостью в течение часа после совместного ужина. Они с папой сблизились из — за взаимной любви к «Рэйвенс» — хоккейной команде Монтардора, — и моя мама автоматически стала его фанаткой, когда он принялся за ее стряпню так, словно это было лучшее, что он когда-либо ел.

Мои родители очень много значат для меня. Мне нравится, что Лиам ладит с ними.

После того, как я приняла душ, увлажнила, уложила волосы феном и нанесла свой ночной гламурный макияж, я собираю дорожную сумку, так как сегодня буду ночевать у

Лиам. Его родителей нет в городе, и весь дом в нашем распоряжении.

Лиам прямо не сказал, что это за «особенное свидание», но у меня такое чувство, что оно закончится тем, что мы окажемся голыми на простынях.

Я переодеваюсь в свой комплект нижнего белья — кружевной красный бюстгальтер и трусики с высокой посадкой в тон — и надеваю черные непрозрачные чулки с серым трикотажным мини — платьем. Сейчас конец ноября, так что погода стала значительно холоднее. Мой наряд дополняют бежевое пальто и сапоги до бедер, благодаря которым мои ноги кажутся длиннее, чем когда-либо. Поскольку я покрасила ногти в бордовый цвет — любезность моего трудолюбивого парня, который любит тратить на меня деньги, — я надеваю несколько золотых колец и сережек — обручей.

Мой телефон жужжит от текстового сообщения. Лиам говорит, что он внизу. Я могла бы сама доехать до его дома, но мой парень немного старомоден в этом отношении — ему нравится заезжать за мной и возить по окрестностям. Я чувствую, что это как-то связано с тем, что он чувствует себя моим защитником и кормильцем.

Когда я выхожу в осенний вечер, я вижу, как он выходит со стороны водителя с огромным букетом красных роз в руках.

На его щеках появился розовый оттенок. От встречи со мной или от холодной погоды мы никогда этого не узнаем.

Я пересекаю половину пути к нему, и его глаза оценивающим взглядом скользят от моих ботинок к макушке моих черных волос. Я делаю с ним то же самое. На нем темные брюки, черная рубашка на пуговицах и серое пальто королевского размера, которое просто фантастически сидит на нем.

Лиам О'Коннелл — само совершенство, и я хочу провести сегодняшний вечер, доказывая ему это.

— Привет. — я нахально улыбаюсь, когда он останавливается передо мной.

— Привет, — он наклоняется, чтобы нежно чмокнуть меня в губы. Его борода щекочет меня. — Это для тебя. У флориста не было подсолнухов, так что я надеюсь, что эти подойдут.

Мое сердце тает от того, что он каждый раз перед свиданием заходит к флористу, чтобы побаловать меня цветами.

Лучший. Парень. Когда-либо.

— Я люблю их, Лиам. Спасибо тебе, — я беру букет из его рук и целую его снова, задерживаясь на нем дольше. Мне нравится целовать его. Я могу целовать его весь день и всю ночь, и никогда не устану. — У меня также есть для тебя подарок, но я хотела бы вручить его тебе позже, если ты не против?

Его глаза игриво прищуриваются, опускаясь на большую сумку, перекинутую через мое плечо. Он знает, где я прячу товар. — Тебе не нужно было ничего мне дарить, Бел.

— Тогда считай это подарком на месячную годовщину, — я целую его в холодную щеку. — Мы готовы отправляться?

Он сплетает наши руки в перчатках и ведет меня к пассажирской части машины, открывая для меня дверцу. Я забираюсь внутрь, и он целует мои костяшки пальцев, прежде чем закрыть дверь.

В машине пахнет им — чистотой, мужественностью и сосновым лесом, — и от его запаха у меня в животе порхают бабочки. Я предвкушала это свидание всю неделю, и теперь, когда мы здесь, я в равной степени нервничаю и взволнована.

— Ты прекрасно выглядишь, — хрипит Лиам, усаживаясь за руль.

Возможно, мы оба новички, когда дело доходит до отношений, но я думаю, что у нас все неплохо получается, если я вообще могу непредвзято говорить об этом. Есть какая-то робость в том, чтобы пережить этот «первый раз» вместе, и мне нравится, что мы идем навстречу друг другу.

— И ты выглядишь красивым, как всегда, Лиам, — я сокращаю дистанцию, пока наши губы произносят то, что еще не могут сказать наши сердца.

Лиам привозит меня поужинать в *La Flamme*, ресторан в Ист-Сайде, который печально известен как одно из лучших мест для ночных свиданий. У меня в телефоне есть список всех новых мест, которые я хочу попробовать, и очевидно, что он провел свое исследование.

Мы возвращаемся к нему домой и к слову о бабочках, которые были раньше? Они увеличились втрое и устраивают вечеринку у меня в животе. Я играю с розами у себя на коленях, в то время как большой палец Лиамы успокаивающе поглаживает тыльную сторону моей ладони. Как будто он чувствует легкое напряжение и делает все возможное, чтобы успокоить меня.

Мне приходит в голову, что Лиам тоже может нервничать.

— Я отлично провела время, Лиам, — говорю я под звуки песни Зейна Малика. — Гораздо веселее, чем мне было бы с этим музыкантом.

Его ноздри раздуваются, а челюсть сжимается.

Я едва скрываю свою злую улыбку.

— Ты продолжаешь упоминать его, Бел, и мне придется что-то с этим делать.

— Что ты собираешься делать? — мой голос необъяснимо хриплый.

Пожалуйста, сделай что-нибудь с этим, Лиам.

— Ты скоро увидишь, — хрипло говорит он, и в его голосе слышится чувственная угроза. Он отпускает мою руку и тянется к моему бедру, сжимая его. — У меня есть планы на тебя.

Мои глаза расширяются, когда толстые пальцы Лиамы скользят по внутренней стороне моего бедра.

— Какого рода планы? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Я лучше покажу тебе, — пальцы Лиамы скользят по соединению моих бедер, надавливая на мою обтянутую чулками киску, как предупреждение. — А теперь будь хорошей девочкой и веди себя прилично, пока мы не вернемся домой.

О мой Бог. — А если я этого не сделаю?

— Тогда мне придется съехать на обочину и отшлепать твою задницу так, как она того заслуживает.

Лиам до чертиков шокирует меня этими грязными словами. Не то чтобы я жаловалась. Я просто полностью становлюсь немой, как хорошая девочка, которой он просил меня быть, пока мы не доберемся до его дома.

Нет никаких признаков ревнивого пещерного человека, когда он паркует свой внедорожник на подъездной дорожке к причудливому двухэтажному дому из красного кирпича.

В любой другой день я бы любовалась этим чуть дольше. Теперь я сталкиваюсь с

головокружением, совершающим кульбит в моем организме, когда Лиам обходит свою машину и подходит к моей двери.

Он помогает мне выбраться, его непринужденная улыбка не сходит с лица.

Однако его напряженный взгляд выдает его с головой. Он чувствует сильную энергию, потрескивающую между нами, как провод под напряжением.

Лиам поднимает мою дорожную сумку и провожает нас на крыльцо.

Успокойся, Бел. Не бросайся ему на шею. Еще.

Лиам открывает входную дверь. — После тебя, Мэйбл.

Я вхожу раньше него, моя спина выпрямляется по стойке смирно, когда его тепло ощущается за моей спиной. Я знаю, что он просто запирает дверь, но, клянусь, мне кажется, что мы в нескольких секундах от того, чтобы снять сексуальное напряжение. Это начало назреть, когда Лиам решил трахнуть меня взглядом в том ресторане.

Поговорим о прелюдии.

— Тут мило, — говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь. Воздух пропитан ароматом, похожим на попури, который является квинтэссенцией осени. Яблоко. Корица. Уют. Это только усиливает чувственность момента. — У вас прекрасный дом.

Губы Лиама прижимаются к моему уху. Его теплое дыхание касается моей шеи, когда он бормочет: «Сними пальто».

Я даже не хочу думать о состоянии своих трусиков. Если он продолжит говорить тихо своим глубоким, граничащим с неприличием, голосом, они испепелятся в мгновение ока. — О-хорошо.

Он помогает мне снять пальто, его костяшки пальцев касаются моих рук, когда он целует точку, где бьется пульс, прежде чем вдохнуть мой запах. У меня почти подгибаются колени. — Господи, ты так хорошо пахнешь.

— Последний раз, когда я проверяла, в моем свидетельстве о рождении было указано имя Мэйбл Лани Гарсия, но, думаю, я могу изменить его на Иисус, если ты хочешь.

Он хихикает и шлепает меня по заднице. — У тебя сегодня есть шутки, а? Двигайся. Вторая дверь по коридору — моя комната.

Мое сердце бешено колотится в ответ, но я притворяюсь, что притворно надуваю губы. — Ты не хочешь устроить мне экскурсию по дому? Ну, знаешь, в стиле реплики MTV.

Лиам снимает свое собственное пальто и вешает его на вешалку в шкафу у входа. Затем он продвигается в мою сторону, как будто это его миссия. — Я бы с удовольствием, но мы с тобой оба знаем, что экскурсия тебя не интересует.

Я сжимаю в кулаке воротник его рубашки, когда он приближается. — Нет, это не так, — вместо того чтобы поцеловать его, я позволяю нашим губам коснуться друг друга. — Но знаешь, что меня интересует? Десерт, Лиам.

Ухмылка на его лице уверенная. Высокомерная. Разрушительная. Я люблю это. — Я уже говорил тебе однажды. Будь хорошей девочкой, и я дам тебе все, что ты захочешь, детка.

— Что, если я не хочу быть хорошей девочкой?

— Хочешь узнать секрет?

Я медленно киваю.

Губы Лиама скользят по моему подбородку, и он шепчет. — На самом деле я тоже не хочу, чтобы ты была такой. Мне нравится, когда ты плохая, Бел. Действительно, действительно, чертовски плохая.

Безмолвие. Слова вылетели у меня из головы. Весь мой словарный запас сократился до

звука «пух», который срывается с моих приоткрытых губ.

Милый и застенчивый Лиам — самый лучший.

Но бесстыдный и грязно говорящий Лиам? О, сегодня вечером нам будет так весело.

Воспользовавшись моим безмолвным состоянием, руки Лиама хватают меня за задницу и прижимают к своему большому телу. — Ночь еще не закончилась, и у меня есть планы на тебя, — его командный тон заставляет мою киску пульсировать. — А теперь иди в мою комнату и устраивайся поудобнее. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Лиам отпускает меня, как будто не он поджег меня этими словами. Я моргаю, дезориентированная, разгоряченная и, в общем, готовая приступить к делу. — Э-э-э, верно. Я просто... пойду.

Он просто подмигивает и идет в противоположном направлении, включая свет в коридоре, направляясь к... кухне?

Я, с другой стороны, хватаю свою сумку и послушно следую его инструкциям.

Вторая дверь справа от коридора встречает меня. Я поворачиваю дверную ручку и включаю свет, прежде чем войти.

Стены темного насыщенно-зеленого цвета, полы орехово-коричневого цвета, песочно-бежевые акценты. Цветовая палитра в комнате Лиама напоминает мне темный чарующий сказочный лес, который, я полагаю, вполне подходит моему парню, читающему фэнтези. Звездой шоу является не кровать размера «queen-size» со свежими простынями и большими подушками, подходящими для объятий. Это деревянная книжная полка, прислоненная к стене, с рядами разноцветных книжных корешков.

Без тени сомнения, Лиам сам соорудил эту книжную полку.

И когда мои пальцы касаются полки, на моем лице расцветает улыбка. Я так до смешного горжусь этим парнем. Сколько подруг могут сказать, что их бойфренды действительно знают, как создавать красивые предметы мебели с нуля? Полагаю, не так уж много.

Пол под моими ногами безупречно чист, и, кажется, в воздухе нет ни пылинки. Я уже упоминала, что Лиам — настоящий фанат чистоты? Этот парень запасается чистящими средствами точно так же, как девушки — косметикой. Однажды он сказал мне, что каждую неделю, как по расписанию, он протирает всю свою комнату, чтобы она выглядела прямо как из рекламного журнала.

Моя улыбка становится еще шире, когда я запоздало замечаю воздушные шарики с гелием, плавающие возле его прикроватного столика с надписью «С годовщиной 1 месяца», и мерцающие огоньки, которые он развесил по комнате, чтобы создать для нас атмосферу.

Лиам превратил всю свою комнату в маленькое романтическое убежище.

Я просто теряю сознание.

Я ставлю свою сумку на пол и направляюсь к его ванной. Я пользуюсь моментом, чтобы съесть мятный леденец, снова накрасить губы темно-красной помадой и тщательно вымыть руки, потому что никто не должен вступать в интимную связь, не сделав этого предварительно.

Я также еще раз оцениваю свое отражение в зеркале и прихожу к выводу, что выгляжу потрясающе.

Лиам упадет в обморок, как только увидит мое нижнее белье.

Возвращаясь в его комнату, я чувствую себя как дома, плюхаясь на его кровать. Я должна спросить, каким средством для смягчения ткани пользуется Лиам, потому что оно

божественно пахнет. Простыни пропитаны его собственным одеколоном, и я жадно вдыхаю, как наркоманка, получающая дозу.

Медленные шаги эхом разносятся по коридору. Я оживляюсь и ложусь боком на его кровать, приподнимаясь на локте.

Лиам входит в спальню, как король-великан, выходящий к своему двору. Только вместо пресловутого меча у него в руках... деревянная доска?

Он приближается, и я, наконец, улавливаю содержимое. О боже. Разделочная доска выложена множеством слоев шоколада, пирожных и фруктов. Он не шутил насчет десерта.

Лиам хихикает, когда замечает звездочки в моих глазах и слюни в уголках губ. — Привет.

— Привет, я снова с тобой, — я поддвигаюсь к кровати, чтобы освободить место, чтобы он мог осторожно положить доску. — Выглядит аппетитно. Ты сам сделал это?

Лиам подходит и ложится позади меня. Он обхватывает меня рукой за талию и притягивает к себе, так что мы складываемся вместе, как пазл.

Мне нравится, когда он вот так обнимает меня.

Лиам нежно целует меня в щеку, задерживаясь, чтобы еще немного прижаться носом к моей щеке. — Да, я это сделал. Я посмотрел видео на YouTube и подготовил это сегодня днем.

Найдите себе парня, который знает, как удовлетворить вашу тягу к сладкому.

Я беру брауни из букета, пытаюсь скрыть свою дразнящую улыбку. — Пришло время добавить «профессиональный шеф-повар» в свое резюме, Боб Строитель.

Я раздражаюсь смехом, когда он берет на себя смелость пощекотать меня, уткнувшись лицом мне в шею. Я пытаюсь вывернуться из его объятий, но я в ловушке. Впрочем, все в порядке. Я никогда не захочу покидать его.

— Только попробуй назвать меня Боб Строитель еще раз, — игриво рычит он, покусывая мочку моего уха, когда мой вызванный щекоткой приступ смеха наконец утихает.

Я скармливаю ему мирное подношение. Остаток моего брауни. Лиам тщательно облизывает мои пальцы, очищая их от следов шоколада. Почему это так сексуально для меня? Клянусь, у меня дрожат яичники.

— Мне действительно нравится, как ты украсил здесь все, — я приподнимаю брови.

Его взгляд смягчается. — Счастливого месяца, детка.

— Это безумие — говорить, что кажется, будто прошло намного больше времени?

Он заправляет прядь моих волос мне за ухо. — По-моему, ты принадлежишь мне уже два года, Бел.

— То же самое, — шепчу я, и мегаваттная улыбка на его лице сияет ярко, как бриллиант.

Лиам целует кончик моего носа — физическое прикосновение — это мой язык любви, и тот факт, что он осыпает меня им при каждой возможности, делает мое сердце таким счастливым — и тянется за пультом, включая телевизор, установленный у него на стене.

Ровно через десять секунд на экране появляются «Дневники вампира». Я задыхаюсь. — Мы действительно это смотрим?

— Ты как-то упоминала, что хочешь устроить марафон. Я подумал, что мы могли бы начать с самого начала и поговорить о том, насколько идеально подходили друг другу человек Елена и вампир Стефан.

Мужчина для моего сердца. — Между прочим, это лучшее свидание в моей жизни.

— Для протокола, — Лиам подцепляет шпажкой кусочек банана и макает его в миску с растопленным шоколадом, затем откусывает кусочек, — Я знаю, что это лучшее свидание.

Лиам обрел большую уверенность в себе за последний месяц, и мне нравится слышать это в его словах, нравится видеть это в его действиях, просто нравится. Точка. Он все такой же застенчивый и тихий (я не вижу, чтобы это когда-нибудь изменится, да и не хотела бы этого, потому что это часть его сущности), но теперь он более открыт в своих шутках и флирте.

Я глубже прижимаюсь к его телу, прижимаясь задом к его коленям. Его резкий вдох заставляет меня ухмыльнуться. — Ладно, Боб, давай начнем эту вечеринку.

Следующие два часа мы проводим за просмотром «Дневников Вампира» и обменом комментариями, как будто мы платные критики, одновременно подчищая десертную доску. Я охаю и ахаю по поводу братьев Сальваторе, великолепных волос Елены и того, как бы я хотела провести день в вымышленном городе Мистик Фоллс. Пересматривая сериал с самого начала, мы с Лиамом оба сходимся во мнении, что у Кэролайн было лучшее развитие персонажа и что самоотверженная Бонни заслуживала гораздо лучшего.

С каждым новым эпизодом Лиам, кажется, притягивает меня все ближе, пока я не перестаю понимать, где мы начинаемся и где заканчиваемся. Слабое пламя, шипящее внутри меня, превращается в ад. Закончив третью серию, я касаюсь губами легкого шрама на щеке Лиамы. — У меня есть для тебя подарок.

В его голубых глазах мелькает оттенок похоти, но я вижу, что он пытается сохранить видимость джентльмена. Хотя у меня действительно есть для него такой подарок, я хочу показать ему то, ради чего я целыми днями рыскала по Интернету.

— Покажи мне, — его голос похож на грубое мурлыканье. С таким же успехом он мог сказать: «трахни меня», судя по тому, как мое тело реагирует на эти два слова.

Моя сумка стоит на полу рядом с его кроватью. Я подхожу ближе, прекрасно понимая, что это ставит мою задницу в опасное положение для блуждающих рук Лиамы. Подол моего короткого трикотажного платья задирается выше.

Лиам стонет себе под нос.

Моя ухмылка победоносна.

Я достаю из сумки завернутый подарок и поворачиваюсь обратно к Лиаму, так что становлюсь на колени на кровати рядом с его откинутым телом. — Вот.

Лиам берет его из моих рук, не в силах сдержать улыбку на губах. Он на мгновение замолкает, взвешивая подарок, оценивая его форму. — Это что, книга? — спросил он.

— Мой рот на замке. Это не было бы сюрпризом, если бы я сказала тебе, — я притворяюсь, что застегиваю рот, и выбрасываю воображаемый ключ.

Он достает маленькую открытку, которую я ему написала, с надписью «С месячной годовщиной», и благоговейно проводит большим пальцем по надписи. Я знаю, как сильно он дорожит моими словами на бумаге, но, видя его сейчас, я начинаю представлять выражение его лица, когда он читал мои письма.

Я бы растеклась лужицей, если бы увидела нежную улыбку, которой сейчас на лице Лиамы.

Я всегда считала себя упрямой, независимой девушкой, которой не нужен кто-то, кто дополнял бы меня. Я твердо верю, что никто на свете не нуждается в другом человеке, чтобы чувствовать себя целым — ты уже есть, — и все же Лиам с его мягкостью, мягким сердцем и добрыми манерами вызывает к чему-то глубоко внутри меня. Теперь я понимаю, что даже у

тех, кто полностью цел, могут быть родственные души помимо них самих. Те, кто понимает и принимает их такими, какие они есть, недостатки и совершенства, и превращает жизнь в приключение, ради которого стоит жить.

Лиам — это все для меня.

Моя родственная душа.

Мой спутник души.

Я ошеломлена осознанием этого, в то время как он не осознает масштабность моих мыслей, когда вскрывает упаковку.

Видит ли он по моему лицу, насколько по-другому я себя чувствую?

Прежде чем я успеваю заговорить, он бормочет, — Бел... ты этого не сделала.

Мои щеки горят от силы его изумленного выражения. Как и Лиаму, мне тоже нравится заботиться о своих близких. Теперь у меня складывается впечатление, что он не привык к тому, чтобы ему давали много, потому что даже когда он получает лишь малую часть, он сияет, как маленький ребенок рождественским утром.

Я не уверена, должна ли я разрыдаться или обрадоваться.

В руках мой парень держит первое издание «Братства кольца» в твердом переплете, напечатанное в 1950-х годах. Он перечитал свою книгу в мягкой обложке больше десяти раз. Корешок полностью треснул. Поскольку ему так понравилась эта история, я решила, что у него должна быть эта версия. Та, которую он мог бы с гордостью выставить на своей книжной полке.

— Я это сделала, — я прикусываю губу. — Тебе нравится?

Его пальцы прикасаются к книге так, словно это самая ценная памятная вещь на свете. — Это лучший подарок, который я когда-либо получал. Я не могу поверить, что ты сделала это для меня.

— Я бы сделала для тебя все, что угодно.

Не отводя от меня взгляд, Лиам кладет книгу на прикроватную тумбочку и обхватывает ладонями мое лицо. Меня тянет к нему, как будто это самая естественная вещь. — Я бы тоже сделал для тебя все, что угодно, Бел.

Мое сердце парит, как тысяча летящих голубей.

Сокращая расстояние, наши губы наконец встречаются.

Ни одно чувство в мире не может сравниться с поцелуем с Лиамом. Это всегда начинается медленно и чувственно и превращается в быстрое и требовательное, подобно волне, которая захлестывает твоё существо. Ты беспомощен плыть по течению. Море блаженства, и наши губы прижимаются друг к другу, как потерпевшие кораблекрушение любовники.

— Лиам, — стону я, когда его язык дразнит уголок моего рта. Его руки скользят от моей талии к грудной клетке, к моим тяжелым грудям. Ласкают мои соски через платье-свитер и начинают путешествие сначала. Мое либидо в огне. — Ты нужен мне.

Лиам отпускает мои губы, тяжело дыша. Его грудь прогибается под моими руками. — Ты хочешь меня?

В его тоне слышится нотка опасения. Если бы я не знала о страхе Лиама быть отвергнутым и неуверенности в себе, я бы могла предположить, что он строит из себя недотрогу, потому что прошел месяц, как мы целовались и ласкались, но ни разу не прошли дальше второй базы.

Но я знаю, как много для него значат слова — заверения.

Я отчаянно киваю, зарываясь пальцами в воротник его рубашки. — Да, Лиам. Пожалуйста. Я даже больше не могу ясно мыслить. Ты нужен мне внутри. Сейчас.

Его стояк упирается мне в бедро, как зеленый сигнал светофора. — Черт возьми, Бел. Я тоже хочу тебя. До самых костей я страдаю от потребности в тебе.

Вспышка удовлетворения зажигает мои нервные окончания.

Это должно произойти.

Мы наконец-то займемся любовью.

Я с энтузиазмом набрасываюсь на его одежду, но Лиам поспешно хватается за мои руки. — П-подожди. П-Позволь мне выключить свет.

Я делаю паузу, хмурясь. — Зачем нам выключать свет?

В его голубых глазах светится желание, но в то же время есть и уязвимая грань.

Я практически вижу, как крутятся колесики в его голове, когда он пытается это сказать.

Внезапно до меня доходит.

Мне потребовались годы, чтобы обрести уверенность в себе и чувствовать себя комфортно в своей шкуре. Сейчас? Я люблю себя и то, как я выгляжу. Но я не настолько глупа, чтобы предполагать, что восприятие Лиамом самого себя изменилось с той секунды, как мы начали встречаться. Он все еще не уверен в том, как он выглядит, учитывая то, как с ним обращались в прошлом. Мне больно, что хулиганы заставили его поверить, что он непривлекателен или недостойн.

Я обещаю, даже если это будет последнее, что я сделаю, я позабочусь о том, чтобы этот мужчина знал, *насколько* он красив внутри и снаружи.

Я провожу ладонью по его бородавчатой подбородку и улыбаюсь, даже когда мое сердце отбивает неровный ритм в груди. Хотела бы я вернуться в прошлое и причинить боль каждому ублюдку, который хотел сказать что-то плохое о моем лучшем друге. — Лиам, я хочу видеть наши тела и все, что мы делаем друг с другом. Пожалуйста, не выключай свет.

— Ладно, — шепчет он, признавая свое поражение.

Так не пойдет. Он собирается оставить его включенными только для того, чтобы доставить мне удовольствие. Не потому, что ему так удобно.

Не позволяя своей улыбке дрогнуть, я встаю и протягиваю руку.

Сбитый с толку, он берет её и выпрямляется во весь свой шестифутовый рост. Неуверенно переминается с ноги на ногу. Разглаживаю ладонью его одежду, чтобы она не сидела косо — спасибо моим цепким рукам.

— Иди сюда, — моя цель — зеркало в полный рост рядом с его книжной полкой. Я тащу его за собой, и он послушно следует за мной. Я ставлю Лиама спереди и наблюдаю за тем, как дергается его адамово яблоко. Я прижимаюсь к нему и встречаюсь с ним взглядом в зеркале. — Ты мне доверяешь?

— Всем своим существом.

Я запечатлеваю поцелуй на его крепком бицепсе. — Что ты видишь, когда смотришь в зеркало, Лиам?

Он делает глубокий вдох и медленно со свистом выдыхает, качая головой, как будто пытается избавиться от своих плохих мыслей. — Детка, тебе лучше не знать.

Улыбка сползает с моего лица. — Лиам...

Его взгляд опущен. — Почему бы тебе не рассказать мне, что ты видишь?

Я хотела немного поупражняться в любви к себе, но сейчас я на грани слез. Как миру удалось убедить этого удивительного человека в том, что он совсем не звездный?

— Ты хочешь знать, что я вижу? — я беру его за подбородок и приподнимаю его лицо, чтобы наши взгляды снова встретились. — Самый красивый оттенок синего. Я никогда не видела более прекрасных глаз, Лиам.

— Я тоже люблю твои, — выдыхает он.

— У тебя великолепные волосы. Мягкие и густые. Мне нравится проводить по ним руками, — я делаю это, чтобы доказать свою точку зрения. Стильный зачес на затылке теперь растрепан, пряди очаровательно спадают ему на лоб. — Даже не заставляй меня начинать с твоей бороды.

Мне стыдно признаться, сколько раз я представляла себе это ощущение, когда он вылизывает мою киску. Девушка ведь может мечтать, верно?

— Что еще? — спрашивает он, и мои подозрения подтверждаются.

У моего парня склонность к похвале.

Я собираюсь хорошенько его накормить.

— У тебя чудесная кожа, благодаря Мэйбл и всем ее рекомендациям по уходу за кожей, — мы хихикаем в унисон, а затем он трезвеет, когда я смотрю на него с серьезным блеском в глазах. Я кладу голову ему на плечо. — Лиам, ты такой красивый и даже не подозреваешь об этом.

— Спасибо, — отвечает он, поворачивая лицо, чтобы поцеловать меня в макушку. — Я... верю тебе, Бел.

Это заявление придает мне смелости, необходимой для продолжения моей оценки.

Схватив его за руки, я поворачиваю его тело так, чтобы мы оказались лицом к лицу. Моя рука скользит по воротнику его черной рубашки, и я нажимаю пальцем на первую пуговицу, глядя на него снизу вверх. — Ты все еще доверяешь мне?

Напряжение нарастает в пространстве между нами, прежде чем Лиам на мгновение закрывает глаза и серьезно кивает. — Да. Всегда.

Тяжесть этих двух слов ложится мне на душу. Я не отношусь к его доверию легкомысленно или как к чему-то само собой разумеющемуся. Это значит для меня больше, чем я могу выразить словами.

Очень медленно я начинаю расстегивать его пуговицы, пока не обнажается грудь.

Лиам делает все, что в его силах, чтобы не встречаться со мной взглядом.

Я стягиваю рубашку с его плеч. Она приземляется в лужу у наших ног. Кулаки Лиамы прижаты к бокам, а его глаза впиваются в воздух над моей головой, как будто он боится моей реакции.

Я резко втягиваю воздух.

Срань господня.

Мне нужен момент.

— Боже мой, Лиам, — бормочу я, охваченная благоговением. — Ты.....Нет слов.

Лиам О'Коннелл просто потрясающий. Высокий, мощный и такой плотный, что я ошеломлена зрелищем, которое он собой представляет. Его кожа бледнее моей, и у него легкая копна темно-каштановых волос, которая подчеркивает его мужественность. Мои пальцы опускаются на его округлый живот и двигаются к его сочным бокам, лаская каждый прекрасный дюйм его тела. Его полные эмоций глаза следят за моими движениями, словно зачарованные, когда я провожу руками по его груди, чувствуя, как его сердце бешено колотится под моей ладонью. Я прижимаюсь к его мускулистым рукам, которые вызывают ощущение дома, когда он надежно обхватывает меня ими.

Я большая девочка, но, стоя перед ним, я чувствую себя маленькой и защищенной.

Я завершаю свое путешествие, обвивая предплечьями его шею.

Наши глаза встречаются, и я вижу тысячу вопросов, плавающих в голубых глубинах Лиама.

Мой сексуальный, закаленный в боях, воин.

— Ты идеален, — наконец заявляю я с предельной искренностью. — Абсолютно идеален...

Прежде чем я успеваю закончить предложение, Лиам крепко целует меня и прижимается своим лбом к моему, слегка дрожа. Он впитывает мою правду и делает все возможное, чтобы не позволить своим демонам победить.

— У всех нас бывают хорошие и плохие дни, Лиам. Никто не просыпается каждое утро в восторге от того, как он выглядит. У меня тоже бывают дни, когда я чувствую себя не лучшим образом, и это нормально. В конце концов, мы люди. Любовь к себе — это принятие и уважение самого себя. Речь идет о том, чтобы ценить все наши недостатки и силу — умственную, физическую, эмоциональную — и не сравнивать себя со стандартом, установленным миром. Речь идет о том, чтобы относиться к себе с добротой и осознавать свою ценность. На этой Земле нет никого похожего на тебя, и я хотела бы, чтобы ты видел то, что вижу я, когда смотрю на тебя. Настоящая красота, от которой у меня захватывает дух. Ты бесценен, Лиам О'Коннелл. Пожалуйста, никогда не забывай об этом.

Буря эмоций отражается на его лице. Благоговеиный шок. Благодарность. Чистое, неподдельное ликование.

Лиам крепче обнимает меня, безмолвное послание, в котором говорится, что он сохранит меня навсегда. Ему не о чем беспокоиться. Я никогда не покину его.

— Как же мне так повезло, что я нашел такую девушку, как ты? — хрипит он с удивлением. — Как так получилось, что вселенная точно знала, что мне нужно, и привела тебя в мою жизнь в то время, когда я чувствовал себя таким безнадежным? Я не знаю, что я сделал, чтобы заслужить тебя, но я планирую провести остаток своей жизни, делая тебя самой счастливой женщиной.

Черт, может, у меня тоже есть склонность к похвале, потому что теперь я смотрю на него с нескрываемой радостью. — Лиам...

— Я обещаю, что каждый день буду делать все возможное, чтобы увидеть себя в лучшем свете. Не только для тебя, но и для себя, потому что... Я это заслужил, — нерешительно говорит он, и я ободряюще киваю. — И я хочу прожить жизнь, в которой я уверен в себе и принимаю все то, что делает меня... мной.

Да, да, да. Это то, чего я тоже хочу для него. — Я буду здесь на каждом шагу ради тебя. Я клянусь в этом, Лиам.

— Поцелуй меня, — шепчет он. — И давай забудем обо всем на свете. Я готов раствориться в тебе.

Мэйбл

— Я девственник, — шепчет Лиам мне в губы, когда мы отрываемся друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. — Тебя это беспокоит?

От мысли, что я буду первой у Лиамы, мне становится так жарко. Я представляю его лицо в муках страсти, когда он узнает, каково это — трахаться — жестко, быстро, медленно — и чувствовать, как мой шелк обвивается вокруг его твердости. Будет ли он тихим или шумным любовником? Будет ли он нежным или откровенно грубым? Мне не терпится узнать все это.

— Что ты девственник? Нет. Я практически предвкушаю перспективу сорвать твою вишенку.

— Я хочу оправдать твои ожидания, Бел. Я не хочу тебя разочаровывать.

Я расстегиваю его ремень, вытаскиваю его из петель и бросаю на пол. Затем я атакую пуговицу на его черных брюках. Моя кожа вибрирует от желания увидеть его всего, включая этот впечатляющий член, который я ощущала, только когда мы трахались на заднем сиденье его машины. — Я могу заверить тебя, Лиам, что мне понравится все, что ты со мной сделаешь. Мои ожидания редко оправдывались. Если и есть парень, который может перевернуть мой мир с ног на голову, так это ты.

— Сколько парней было до меня?

Я не замечаю резкости в его тоне. Я так сосредоточена на том, чтобы снять с него штаны, чтобы увидеть его трусы и — черт возьми. Лиам. Одарен. Мои глаза расширяются, и я бормочу. Он, должно быть, не меньше восьми дюймов¹⁷. Или девяти дюймов. Черт, может, даже десять¹⁸. Моя киска сжимается. От страха или возбуждения? Кто знает.

Лиам внезапно хватает меня за подбородок и поворачивает мое лицо к себе. Я задыхаюсь, застигнутая врасплох его грубостью, но также... мне это нравится. — Сколько парней было до меня, детка? — в его взгляде горит огонь, когда он повторяет свой вопрос.

Я дразню его, как мальчишку. — Что, ты ревнуешь?

Он такой ревнивый, и мне это нравится.

Лиам наклоняется, и кончики его волос падают мне на лоб. Его дыхание овеивает мои припухшие от поцелуев губы, когда он насмехается. — Я собираюсь так хорошо трахнуть тебя сегодня вечером, что ты забудешь, что когда-либо раздвигала свои толстые бедра для любого ублюдка до меня.

Это официально. Я потеряла дар речи.

В чат зашел непристойно говорящий Лиам.

Парень, который мил за пределами спальни, но настоящий зверь внутри? Запишите меня.

— Докажи, Лиам, — насмехаюсь я в ответ. — Заставь меня забыть, что до тебя был кто-то еще.

— Черт, — Лиам притягивает мой рот к своему для обжигающего поцелуя, обнимая меня за шею. — Ты дерзкая.

— Что ты собираешься с этим делать?

— Дам тебе полный рот члена, если будешь плохо себя вести.

Можно ли достичь оргазма из-за одних только слов? Думаю, я немного кончила в свои стринги от того, как глубоко и учтиво он навязывал свою власть. — Давай же.

В его взгляде появляется самодовольный блеск, когда он принимает мой вызов, расправляя плечи, как гордый король, собирающийся насладиться своей победой.

Губы Лиама прижимаются к моей шее, когда он наносит серию поцелуев открытым ртом. Некоторые заканчиваются покусываниями. Другие оставляют любовные засосы. Я задыхаюсь от удовольствия от всего этого.

Он стягивает мои непрозрачные чулки и трусики до колен, и я использую ноги, чтобы сбросить их до конца, в то время как он задирает мое серое трикотажное платье до талии, стягивая его с шеи достаточно долго, чтобы сорвать его с моего тела одним движением.

Оно приземляется на пол рядом с остальными нашими выброшенными вещами.

На мне нет ничего, кроме моего суперсексуального красного лифчика.

На заднем плане я слышу, как Стефан и Деймон спорят. Похоже, мы забыли выключить шоу.

Вот только я не могу сообщить об этом Лиаму, потому что у меня в горле пересохло, как в пустыне Сахара, когда я ловлю хищный взгляд на его лице. Как будто он умрет, если не попробует меня на вкус.

Он беспомощно прикован к месту моим почти обнаженным телом.

Я делаю ему одолжение и расстегиваю лифчик, тоже бросая его на пол.

Теперь я действительно в своем праздничном костюме.

Глаза Лиама медленно скользят по моей вздымающейся груди, округлому животу, широким бедрам и длинным ногам. Ни один сантиметр моего пышного тела не остается нетронутым, когда он заканчивает. То, как он с обожанием проводит кончиками пальцев по моим растяжкам, чуть не вызывает слезы у меня на глазах.

Он еще не сказал этого, но я чувствую это нутром.

Этот мужчина любит меня всем своим существом.

Лиам быстро произносит молитву и недоверчиво качает головой. — Ты восхитительна, Мэйбл. Мечта, воплощенная в жизнь.

Я сокращаю дистанцию.

Мы оба стонем от скольжения обнаженной кожи друг по другу. Лиам с легкостью поднимает меня на руки, и я обхватываю его ногами и руками. Он относит меня к своей кровати и бросает на мягкую подстилку, как будто он солдат, возвращающийся с войны, а я девушка, которую он выбрал, чтобы утолить свой сексуальный аппетит.

Схватив пульт, Лиам выключает телевизор — мы как раз были на сцене, где Стефан утешал Елену — и хватает меня за колени, подтягивая к краю кровати и широко раздвигая мои ноги. — Раздвинь ноги для меня, милая. Я хочу поцеловать твою киску.

Боже мой.

Он уже опускает свое лицо к моему самому сокровенному месту. Волна неуверенности накрывает меня. Я натерта воском, увлажнена и ухожена там, внизу, но у меня нет хорошенькой розовой киски порнозвезды. Я знаю, я знаю. Вагины бывают самых разных форм, но сейчас я единственная, кто беспокоится о том, чтобы оправдать «ожидания» Лиама.

Я приподнимаюсь на локтях, мой живот опускается, чтобы лучше рассмотреть ситуацию. — Послушай, Лиам...

Но упомянутая неуверенность улетучивается, когда нетерпеливый язык Лиама лижет

мою влажную шелку. Один раз, в порядке эксперимента. Дважды, на мой вкус. Трижды, потому что он подсел. Его глаза закатываются, и он стонет так, словно только что попробовал самую сладкую конфету.

— Черт возьми, Бел, — рычит он. — Твой запах. Твой вкус. Твоя киска. Так чертовски приятно, детка.

Мы едва начали, а мое сердце колотится так, как это бывает, когда я близка к оргазму.

Лиам закидывает мои ноги на свои крепкие плечи и пальцами раздвигает мою киску для своего пиршества. — Скажи мне, что тебе нравится, хорошо? Я хочу доставить тебе удовольствие.

— Я... я так и сделаю.

У меня нет возможности сказать ему, что никто не ел мою киску, прежде чем он опускается ко мне. Что два парня, с которыми у меня ранее был секс, были из разряда «раз, два и готово». То есть немного дрончить и засовывать свои члены в течение двух минут было их представлением о сексе. Я смирилась с этим, учитывая, что мне действительно было немного весело. Но ни один из них не хотел меня съесть, и, честно говоря, я тоже не хотела, чтобы их рты были рядом с моей киской. Секс — это одно, но оральный акт всегда казался мне гораздо более интимным.

Лиам проходит с честью.

Если бы он не признался мне в своей неопытности, я бы предположила, что у этого парня есть сертификат отличника в поедании киски, потому что, черт возьми, он лижет меня просто обалденно.

У меня нет выбора, кроме как запрокинуть голову и громко застонать. — Лиам.

Моя температура повышается, пока я не превращаюсь в печь. Жар разливается по моим венам. Мои пальцы ног поджимаются, кулаки сжимают простыню, и все мое тело изгибается, когда Лиам доводит меня до быстрого оргазма. Его средний палец ласкает мою киску, в то время как его язык обнимает мой клитор, как будто они воссоединившиеся лучшие друзья. Его грубые выдохи согревают мою плоть. Его рот впитывает мою влагу, как будто это его основной источник питания. А его борода — это постоянное чудесное трение о мою чувствительную кожу.

Вишенка на торте — это то, как Лиам стонет, как будто лижет мою киску не для моего удовольствия. *Это* для него.

Он становится диким после одного глотка, его пальцы впиваются в мои бедра, в то время как он зарывается лицом в мою киску. Моя влага растеклась по кончику его носа, губам, подбородку, бороде. — Черт, если бы я знал, что ты разгуливаешь с этой гладкой киской, спрятанной под трусиками, я бы постучал в твою дверь несколько месяцев назад, Бел.

— Л-Лиам, пожалуйста, — мои бедра дрожат по обе стороны от него. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Его губы возвращаются туда, где им самое место: посасывают мой клитор. Когда его язык присоединяется к действию и он начинает двигать им в быстром ритме, моя душа покидает мое тело.

Я беру назад свое предыдущее заявление. Некоторые мужчины хороши в том, чтобы открывать банки и есть киску.

Мои пальцы запутываются в его волосах, и я прижимаюсь бедрами к его лицу. Я превращаюсь в бесформенную грудку отчаяния, нужды и громких стонов.

Лиам стонет, когда мои пальцы пробегают по его голове. От боли. От удовольствия. От того факта, что мои бордовые ногти оплачены и предоставлены им.

— Блядь, — он ласкает меня языком быстрее. Пальцами сильнее. Сводит меня с ума еще больше. — Ты такая чертовски вкусная. Боже, я просто хочу уложить тебя на спину, прижать колени к груди и заставить твою мокрую киску принять каждый дюйм моего члена, как похотливую плохую девчонку.

Я собираюсь сказать, Лиам, пожалуйста, сделай это, но единственное, что слетает с моих губ, — это стоны, которые становятся громче в геометрической прогрессии с каждой секундой.

Ощущение кружащегося языка Лиам и его пальцев,двигающихся во мне и выходящих из меня, занимающихся любовью с моей точкой G, воспламеняет мое тело, как пламя.

Моя кульминация вырывается из меня, когда экстаз с шипением разливается по моим венам.

Все еще наслаждаясь своим потрясающим оргазмом, я смотрю вниз и вижу, как Лиам поднимает голову. Его глаза встречаются с моими. Опьяненные, они пялятся на меня так, словно я единственная причина, почему он дышит.

И его борода...

Дорогой, Господи, моя влага блестит на нем, как драгоценный товар.

Я точно впитала это, как «непослушная маленькая плохая девочка», которой он меня дразнил.

— Ты в порядке? — хрипло спрашивает он, сохраняя зрительный контакт, покрывая поцелуями внутреннюю поверхность моих бедер, мою удовлетворенную киску, растяжки внизу живота. — Это было нормально?

— Нормально? — я улыбаюсь ленивой ухмылкой. — Лиам, ты заставил меня кончить так сильно, что, кажется, я забыла, какой сейчас год.

Он усмехается. Звук вибрирует в моем чувствительном теле. Он опускает мои бедра со своих плеч и разминает мои мышцы. Я не упускаю из виду, как он рассеянно обводит впадинки пальцем, соединяя их, словно созвездие. — Рад слышать, что тебе понравилось.

Я прищуриваю глаза, когда он прокладывает дорожку поцелуев вверх по моему телу, мое дыхание все еще затруднено. — Я думала, ты сказал, что ты девственник. Где ты научился этому?

Лиам дразняще покусывает меня за подбородок, затем шепчет мне на ухо. — Я сказал, что я девственник, а не святой.

— Ты раньше был с другими девушками? — если он скажет «да», я позеленею от зависти, как Халк. Я отношусь к нему так же по-собственнически, как и он ко мне.

Полуулыбка кривит его губы. — Нет. Я просто часами смотрел порно и читал те непристойные романы, которые тебе нравятся, чтобы подготовиться к встрече с тобой.

Его стремление угодить мне делает меня еще счастливее, чем когда-либо. Я обнимаю его за плечи и притягиваю к своим губам для поцелуев. — Вау, — *поцелуй*. — Просто знай, — *поцелуй*. — Что я даю тебе, — *поцелуй*. — Воображаемую золотую звезду, — *поцелуй*. — За то, как хорошо ты выступил.

Лиам погружает свой язык в мой рот, заставляя меня попробовать себя на вкус. О, он такой извращенец. — Спасибо тебе, милая.

Пока мы продолжаем целоваться, Лиам прижимается своим телом к моему. Крепкий. Непоколебимый. Утешительный. Дом. Он чувствует себя прекрасно. Я глажу его мускулистые

руки, его заросший волосами торс, его широкую спину — а именно, его покрытый татуировками позвоночник — и его упругую попку поверх белых трусов.

Готовый и твердый, его член втиснут между нами.

Я представляю его размер, текстуру, запах, и у меня текут слюнки.

— Лиам, — я вздыхаю, когда он покрывает мою шею теплыми поцелуями.

— Каждый раз, когда ты публиковала фотографию в бикини или нижнем белье, я задавался вопросом, как бы это выглядело, — Лиам облизывает губы, глядя на мои сиськи. — На что они были бы похожи на ощупь, — он хватает их. Я стону. — Какими они были бы на вкус, — озорно улыбаясь мне, он высовывает язык, чтобы облизать мои коричневые соски, и стонет, закрывая глаза. — И они лучше, чем все, что я мог себе представить.

Лиам не теряет времени даром и снова принимается за работу, чередуя облизывание, посасывание и пощипывание моих набухших сосков. Есть что-то животное в том, как он никогда не отводит от меня взгляда, оценивая мою реакцию, чтобы понять, что мне нравится, и откладывая это на потом. Он так очарован каждой частичкой меня. Полностью зависим, а мы даже не добрались до основного блюда.

Он такой чертовски сексуальный.

Я повторяю его имя, пока он доводит меня до очередного иступления. Можно ли кончить, просто поиграв со своей грудью? Думаю, мы этого не узнаем, учитывая, что Лиам также просовывает два пальца обратно в мою киску и трахает меня еще раз.

— Ты почти у цели, Бел, я чувствую, как ты напрягаешься, — хрипит он, поглаживая большим пальцем мой клитор. — Тебе нравится, когда я играю с твоей киской, а?

Я киваю, не в силах произнести ни слова.

— Конечно, нравится, — дьявольски говорит он и целует меня с языком. — Это то, что ты представляешь, когда прикасаешься к себе ночью при мысли обо мне?

Я хнычу в ответ.

Он мрачно усмехается. — Грязная, грязная девочка. А теперь кончи для меня. Кончи мне на пальцы, чтобы я мог вылизать их дочиста.

Нужно всего лишь еще несколько грязных слов, еще несколько поглаживаний пальцами, еще несколько посасываний моих сосков.

Я отпускаю себя с громким, дрожащим стоном.

Я никогда в жизни не взрывалась так быстро. Даже с моим блестящим розовым дилдо.

Мое лицо покраснелось, волосы вокруг лица вспотели, а мое тело парит в другом измерении.

Как и обещал, Лиам вытаскивает свои мокрые пальцы из моей киски и обсасывает их до костяшек пальцев. — Я никогда не смогу насытиться тобой, детка.

Тяжело дыша, я обхватываю его лицо двумя руками. — Лиам, ты нужен мне во рту.

Его глаза опасно вспыхивают, и он шепчет в ответ, — Ты уверена?

— Да, — чтобы доказать свою точку зрения, я провожу наманикюренными ногтями по выпуклости в его трусах. — Я умираю от желания увидеть это.

Умираю от желания открыть рот и слизать сперму с его члена. Это самое меньшее, чего он заслуживает за то, что подарил мне не только один, но и два, изменяющих жизнь, оргазма. К тому же, я хочу отсосать у него. Чертовски сильно.

Наступает момент легкого колебания, когда он опускает взгляд на свои трусы, а затем на мой рот. С любопытством. Как будто гадая, смогу ли я на самом деле взять его в рот.

Приняв решение, он встает с кровати и подходит, чтобы встать на ее край. Я автоматически опускаюсь перед ним на колени, задерживая дыхание в тот момент, когда он снимает с себя последний клочок одежды.

Лиам прикусывает нижнюю губу и теребит пояс своих белых трусов. — Послушай, если в какой-то момент ты захочешь остановиться, просто скажи мне, хорошо?

Я с любовью улыбаюсь, когда он стягивает с себя трусы. — Я не захочу останавливаться — черт возьми!

Его член высвобождается.

Я громко выдыхаю.

А затем впадаю в полнейший шок.

Его член округлый, с выпуклым кончиком, из которого уже вытекает предварительная смазка. Не говоря уже о том, что я была права. Он где-то между восемью и девятью дюймами. Забудьте о моей вагине, я даже не уверена, что смогу засунуть его себе в рот. Дерьмо, я могу хотя бы обхватить его пальцами?

Видя выражение моих круглых глаз, Лиам озабоченно хмурит брови. — Мэйбл?

Я качаю головой и выхожу из этого состояния.

О мой Бог.

— Лиам, мне так жаль, но это не член. Это гребаная винтовка! — кричу я. — Ты просто ходишь весь день с этой штукой, засунутой в штаны?

Он запрокидывает голову и заливается раскатистым смехом. — Это гипотетический вопрос?

Я не новичок в сосании члена. Я делала это около пяти раз.

Но никогда в своей жизни я не сосала такой огромный член.

— Это член, достойный порно, Лиам. На самом деле, вычеркни это. Не думаю, что я когда-либо видела такой огромный, как у тебя, даже в порнофильме. По крайней мере, не те, с которыми я сталкивалась. Не то чтобы я смотрела много порно, конечно. Потому что я этого не делаю. Мне просто было любопытно в тот раз, — сейчас я говорю бессвязно, мысленно прикидывая, смогу ли я как следует подрочить ему двумя руками. — Черт, все, что я пытаюсь сказать, это то, что ты благословлен. И я немного беспокоюсь о том, как мы впишемся друг в друга.

Смех Лиамы медленно затихает, но восторженный блеск в его глазах так и не исчезает.

Он берет меня за подбородок и проводит большим пальцем по моей челюсти, прежде чем прикоснуться своими губами к моим. — Последний месяц ты вертелась у меня на коленях. Изучила его форму и размер. Не веди себя так, будто ты не знала, что это будет грандиозно, Бел. Я большой мальчик, и у меня большой член. И ты собираешься использовать каждый дюйм, как хорошая девочка, сегодня вечером, не так ли, детка?

Моя киска пульсирует от его слов.

Ты собираешься использовать каждый дюйм, как хорошая девочка, сегодня вечером, не так ли, детка?

Отбросив в сторону свои тревоги, я киваю с новой решимостью. — Черт возьми, да, я собираюсь принять это.

Он сияет, и это согревает меня, как тепло солнца.

Я снимаю резинку с запястья и завязываю волосы сзади. — Тебе в первый раз делают минет?

Он вздергивает подбородок, на его щеках появляется розовый румянец. — Да. Я берег

себя для тебя.

— Это, наверное, одна из самых сексуальных вещей, которые я когда-либо слышала, — мое сердце радостно подпрыгивает. Мне нравится, что я первая (и последняя) девушка, которой удастся доставить этому нежному гиганту столько удовольствия. — Тебе это понравится, Ли.

Лиам одобрительно урчит, когда мои пальцы обхватывают его полностью возбужденный член. Он горячий и стальной. Вид моих ногтей, скользящих по верхней части, вызывает у него дрожь во всем теле.

Застенчиво моргая, я встаю на четвереньки и наклоняюсь вперед, чтобы провести языком по его раздутому кончику. — Ммм.

Руки Лиамы обхватывают мое лицо, и его челюсть отвисает. — Бля-я-я-ядь.

Ободренная его ответом, я открываю рот шире и втягиваю его в себя. На вкус он слегка соленый, с оттенком мускуса и еще чего-то, что пробуждает во мне первобытный инстинкт. Лиам издает хриплое «Бел», пронизанное глубочайшим желанием, и это крутит последний винтик, который приводит меня в движение.

Я превращаюсь в безумную, сексуально озабоченную женщину, стремящуюся заставить своего парня потерять дар речи от того, что он стонет ее имя. Желая увидеть, как меняется его лицо, когда он балансирует на грани безумия, а затем напрягается, как только неизбежно переступает ее.

Моя голова мотается вверх-вниз, пока я втягиваю и вынимаю дюйм за дюймом его член у себя во рту.

Лиам слишком длинный, слишком толстый. Я пока не могу взять его всего. Потребуется немного попрактиковаться, прежде чем я смогу сделать ему глубокий минет. А пока я облизываю нижнюю часть его члена, сжимаю его яйца, плюю на его длину и отсасываю как можно больше, пока мои руки работают в тандеме. Я чертовски хорошо провожу время, пуская слюни на его член и работаю в быстром темпе. Мысль о том, что это мое — он мой, — вызывает еще большее возбуждение, просачивающееся между моих бедер.

Я не могу дождаться, когда он будет внутри меня.

— Бел, — Лиам вознаграждает мои усилия удовлетворенным рычанием. — Ты справляешься потрясающе. Боже, я никогда, блядь, не думал, что это может быть так приятно, — его бедра качаются, когда он сжимает мой конский хвост, как поводья. — Ты чертовски сексуальная штучка. Твой рот был создан для того, чтобы грешить. Грешить со мной, — он делает особенно сильный толчок, от которого больше половины его члена оказывается у меня во рту. Я давлюсь. Он выглядит извиняющимся в течение двух секунд, но его темная, похотливая сторона побеждает. — Пожалуйста. Откройся шире. Позволь мне еще больше ввести в тебя свой член. Мне это нужно, детка. Нуждаюсь в тебе. Да, именно так. Это оно. Сделай это снова. Снова. Снова, — он издает грязные ругательства, когда я расслабляю челюсть и позволяю ему заняться этим. — Черт, ты идеальна.

Его пьянящая похвала обволакивает мои органы, как теплый мед. Я чувствую себя победителем, наделенной силой и полностью контролирующей ситуацию, даже несмотря на то, что это я стою на коленях на кровати и его член ласкает мой рот. Я смотрю на него снизу вверх с кошачьим блеском в глазах. Лиам смотрит на меня сверху вниз, тяжело дыша, когда он отодвигается, как будто это первый и последний минет в его жизни.

Мое сердце трепещет, как беспокойная птица, запертая в клетке.

Я наслаждаюсь каждым прерывистым стоном, вырывающимся из него, точно так же,

как он наслаждается каждым звуком, который я издаю, давась его членом. Это действительно красиво. Хор непристойностей.

Член Лиамы, кажется, набухает еще больше, чем когда-либо. Как раз в тот момент, когда я думаю, что он вот-вот взорвется, он вырывается с хлопаяющим звуком.

— Ты в порядке? — он вздыхает и вытирает мои слезы.

Я кашляю и киваю, гордясь собой за то, что действительно смогла справиться с ним. — Ч-почему ты остановился?

Лиам снова берется за свой член — толще, тверже и краснее, чем когда — либо, — и дважды дергает, стиснув зубы. Он выглядит так, словно ему больно. — Я хочу кончить в тебя, — хрипло умоляет он. — Мне нужно почувствовать, как твоя тугая киска обхватывает мой член, *to chroí*.

Я снимаю резинку с волос и встряхиваю своими черными прядями, прежде чем лечь спиной на кровать. Я горю от жара, и каждая эмоция ощущается обостренной. — Мне тоже нужно чувствовать тебя внутри себя.

Лиам забирается ко мне на кровать и тянется к своей тумбочке за презервативом. — Ты почувствуешь это, — он разрывает зубами упаковку из фольги. — Я обещаю, через минуту ты это сделаешь.

Я забираю у него презерватив, затем натягиваю его на его член и быстро сжимаю. Бог не шутил, когда создавал моего мужчину. Он огромен и совершенен, и я очарована. — Не торопись, ладно? Но только в начале, чтобы я могла привыкнуть к тебе.

Положив руки по обе стороны от моей головы, Лиам кивает и целует меня в глаза, тихо бормоча похвалу. Благодарит меня за то, что я доставила ему удовольствие своим ртом. Благодарит меня за то, что я просто существую. И когда я лежу под ним, слезы обжигают тыльную сторону моих век, я задаюсь вопросом, чувствовала ли когда-нибудь какая-нибудь женщина такое уважение, как я в этот момент.

На кончике моего языка вертится желание сказать ему, что я так сильно его люблю, но Лиам забирает воздух из моих легких, игриво целуя меня.

— Лиам? — шепчу я, когда наши губы соприкасаются.

— Да? — он шепчет в ответ.

— Шлепай меня по заднице и дергай за волосы, когда будешь трахать меня, — я прикусываю его нижнюю губу и тяну. — Я хочу чувствовать себя полностью принадлежащей тебе сегодня вечером.

Его голубые глаза темнеют от чего-то угрожающего, и он стонет. — Если ты продолжишь в том же духе, я кончу через три секунды, и все закончится, не успев начаться.

Я подмигиваю. — Хорошо. Кончай так быстро, как захочешь. У нас впереди вся ночь.

Лиам

Ни одна из моих фантазий не может сравниться с реальностью.

С любовью всей моей жизни, лежащей подо мной, дерзкой ухмылкой, розовыми щеками и ее загорелой кожей, покрытой капельками пота. Она восхитительна со всей своей нежной кожей и изгибами.

И я очарован ею.

Я провожу пальцами по ее волосам, пока мы смотрим друг другу в глаза. — У нас есть вечность, — поправляю я, целуя ее в кончик носа. — Остаток нашей жизни.

У меня сжимается в груди, когда она смотрит на меня с такой любовью. — Да, это так.

Все мои сомнения и тревоги по поводу этого момента исчезают. Во мне нет ни капли неуверенности, когда я обхватываю ладонями ее талию и бедра, притягивая нижнюю часть ее тела ближе к себе. Эта потрясающая женщина-нимфа оказала мне честь заняться с ней любовью, и я собираюсь сделать эту ночь самой запоминающейся в нашей жизни.

Дрожь блаженства пробегает по мне, когда я помещаю свой член к её влажному входу, плотно прижимаясь к ее складочкам. Я крупнее по сравнению с ними, но если и есть одна сильная женщина, которая может взять меня — и при этом получить удовольствие, — то это Бел. — Держись за меня, детка.

Мэйбл хватает меня за плечи и бросает взгляд на то место, где мы почти соединились. Непристойное зрелище манит нас.

Головка моего члена задевает ее вход. Я слышу, как она вздыхает, и потребность быть полностью связанным с ней — разумом, телом и душой — переполняет меня.

Соединив наши губы, я вонзил свой член внутрь, впитывая чувственный крик Мэйбл.

Грохот моего сердца заглушает мой стон и ее ответ. — Лиам!

Чистая рапсодия пульсирует в моих венах, скользит вниз по позвоночнику и сжимает мои яйца. Я никогда в жизни не испытывал ничего более восхитительного. Занятие любовью с Мэйбл — это духовный опыт, который потрясает меня до глубины души. Слишком много и в то же время недостаточно. Я настолько же цел, насколько и уничтожен.

Эта девушка, она навсегда изменила меня.

Я уже никогда не буду прежним.

— *Mo ghrá?* — любовь моя, я взываю к ней на своем родном языке, задыхаясь. — Я причинил тебе боль?

— Нет, — всхлипывает она от удовольствия, сжимая меня своим влагалищем. — Я чувствую...

Она не может закончить предложение. Ей это и не нужно. Я точно знаю, что она хочет сказать.

— Я тоже это чувствую, Бел, — бормочу я, захватывая ее губы долгим поцелуем, пропитанным моей преданностью.

Мы так хорошо подходим друг другу, что это безумие. Чтобы один человек был настолько совершенным и полностью твоим, что потеря его разрушила бы тебя навсегда.

Мэйбл бесповоротно моя, и я буду драться с любым, кто попытается это изменить.

— Я больше не могу этого выносить, — умоляет она, отрывая свои губы от моих. Они

красные и припухшие от моих ласк. — Дай мне это, Лиам. Трахни меня жестко.

Королева моего сердца, я никогда не смогу отказать ей.

Я принадлежу ей.

И в этот момент она тоже принадлежит мне.

Мэйбл Гарсия — это следующий удар моего сердца и само дыхание, проходящее через мои легкие, дающее мне жизнь.

Медленно я вынимаю свой член, и мы оба вздыхаем, наблюдая, как ее скользкая киска покрывается смазкой и великолепно сжимает меня.

— Ты такая чертовски горячая, детка, — я едва узнаю свой гортанный голос. Мои руки подхватывают ее под колени и прижимают бедра к груди, складывая ее пополам. Ее красивые пальчики покоятся на моих плечах. У меня возникает желание пососать их. — Ты держала эту киску тугой и готовой для своего мужчины, а? — я раскачиваюсь внутри нее, наслаждаясь ее сжатием. — Ты знала, что как только я доберусь до тебя, я буду использовать это сексуальное тело во всех позах в течение следующего часа, — я выхожу и толкаюсь обратно, на этот раз сильнее, заставляя содрогаться все ее тело. Она стонет громче, чем когда-либо. — Мы собираемся не торопиться сегодня вечером, — *толчок*. — Я собираюсь жестко трахать тебя, как плохую девочку, какой ты и являешься, пока ты не начнешь истекать потом, — *толчок*. *Толчок*. — Пока ты не перестанешь думать о том, как я работаю с этой киской супермодели, — *толчок*. *Толчок*. *Толчок*. — Пока ты не начнешь выкрикивать мое имя от того, как хорошо ты кончаешь вокруг моего члена, — *толчок*. *Толчок*. *Толчок*. *Толчок*. — Ты со мной, милая?

Она стонет в знак согласия, пальцы впиваются в мои простыни, губы складываются в букву «О», сиськи подпрыгивают в моем растущем, грубом темпе.

Эротическая картинка разжигает мой пыл.

Я начинаю жестко трахать ее. Как она и просила.

Моей девушке нравится каждая секунда этого.

— Лиам, — хнычет Мэйбл, когда мой большой палец начинает играть с ее клитором в такт моим размеренным движениям. Я делаю все возможное, чтобы не уступить контроль и не наброситься на нее со всех ног. — Ты полностью растягиваешь мою киску и трахаешь ее так хорошо — а-а-ах!

Ее похвала сводит меня с ума. Я сдвигаю ее ноги так, чтобы они обхватили мою талию, и прижимаюсь к ней, двигаясь быстрее. — Умоляй об этом, — рычу я, кусая ее за челюсть. — Умоляй меня заставить тебя кончить.

— Пожалуйста, Лиам! — выдыхает она, проводя пальцами по моей спине. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Комната оглашается звуком удара моей спинки кровати о стену, нашими потными бедрами и животами, ударяющимися друг о друга, и нашими стонами, когда я вбиваюсь в ее влажную киску. Запах возбуждения витает в воздухе и разжигает плутовскую напряженность, из-за которой мое большое тело прижимается к ее телу, мои кулаки запутываются в ее волосах, а рот прижимается к ее уху, когда я шепчу непристойности любви всей моей жизни.

Никто из тех парней не делал этого для тебя, да? Тебе нужен был настоящий мужчина, чтобы справиться с этой пиздой. Хорошенько ее растянуть. Из-за чего ты потеряешь способность ходить на следующий день.

Один трах, и ты уже зависима. Посмотри на себя, двигаешь бедрами, чтобы втиснуть

каждый дюйм моего члена. Умоляешь меня так, словно без этого умрешь.

У знаю, чего ты хочешь, детка. Ты хочешь, чтобы я отшлепал твою киску, говоря при этом, что ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. Ты хочешь, чтобы я сделал тебе комплимент и унизил тебя одновременно. Ты хочешь, чтобы я целовал тебя так, словно обожаю, но трахал так, словно презираю.

— О боже мой! — она сходит с ума, цепляясь за меня, словно я ее якорь. — Я прямо здесь!

Я чувствую, как ее киска пульсирует вокруг моего члена, и это невероятно. Я стону, запечатлевая небрежный поцелуй на ее задыхающемся рту. — Я знаю, детка. Кончи для меня. Я хочу видеть, как ты кончаешь.

Мэйбл еще красивее в разгар оргазма. Раскрасневшееся лицо, блестящая кожа, полуприкрытые глаза и губы, издающие самые греховные звуки, она разваливается в моих объятиях с последним криком моего имени. — Лиам!

— Мы еще не закончили, солнышко, — я борюсь с надвигающимся оргазмом, выходя из содрогающейся киски Мэйбл. Она ахает, потеряв меня, прежде чем я переворачиваю ее задницей вверх, лицом вниз и вхожу в нее сзади. — Нет, пока на твоей заднице не появятся отпечатки моих ладоней.

Влажный жар снова охватывает меня. На этот раз я проникаю еще глубже, мой член ударяется о ее заднюю стенку с каждым движением. Я толкаю, и она принимает, ее тело раскрывается, как прелестный цветок. Мэйбл уткнулась лицом в мою подушку, когда она причитает, прижимаясь своей подпрыгивающей попкой к моим бедрам, требуя еще, еще, еще, потому что она такая жадная девчонка. Она не может удовлетвориться тремя оргазмами. Нет. Ей нужно это на всю ночь, когда утром она просыпается совершенно разбитой и усеянной любовными укусами.

Моя левая рука зарывается в ее волосы и вздергивает ее голову вверх, заставляя ее позвоночник красиво выгибаться, а мои тяжелые яйца ударяться о ее клитор с каждым быстрым, поднимающимся толчком. Бессмысленные, порнографические звуки срываются с ее губ, смесь наполовину криков, наполовину стонов. — *Такхорошотакхорошотак хорошо.*

— Похотливая тугая ведьма, тебе нравится этот первый раз траха, не так ли? — я рычу, ее правая ягодица принимает на себя основной удар четырех последовательных шлепков. Ее зад врезается в мой изгибающийся живот с каждым толчком, и я могу сказать, что она близко. Снова. — Кто бы мог подумать, что моя милая подруга по переписке окажется такой шлюхой в постели? — мой пот капает ей на спину, а пальцы впиваются в ее бедра, как полумесяцы. — Я сохраню твой секрет, — я осыпаю поцелуями ее спину, пока не добираюсь до ее уха и не шепчу. — Днем сексуальная модель, а ночью грязная игрушка для траха Лиама, — сейчас нет никакого ритма. Чистая плотская похоть заставляет меня двигаться так резко, что ее крики становятся беззвучными, а выражение ее лица сменяется эйфорией. — А теперь будь хорошей девочкой и выкрикивай мое имя, когда кончишь. Я хочу, чтобы соседи знали, что я единственный парень, которому выпала честь трахнуть тебя, детка.

Мэйбл оглядывается через плечо. Видя ее сердце в ее глазах, внутри меня словно прорвало плотину. Я не просто вижу слова — заметное «я люблю тебя» — я чувствую это в ее взгляде. Это и в моем тоже.

Беспомощно я целую ее, подталкивая нас к краю.

Мы теряем себя в своей страсти. Ничто не имеет значения, кроме нас самих и этой связи, сотканной из испачканных чернилами писем, наполненных сердечными

признаниями.

Моя девушка выкрикивает мое имя, заливая мой член, как водопад.

Я кончаю вместе с ней, заглушая свой рев в ее потной шее. — Бел!

С таким же успехом я мог потерять сознание после этого мощного оргазма. Я не помню, как высвободился из ее объятий, как избавился от презерватива и как обнаружил, что лежу на спине, восстанавливая дыхание, а пышная, насытившаяся Мэйбл лежит, свернувшись калачиком, рядом со мной, наполовину накинувшись на меня, лаская мою бороду и рисуя невидимые сердечки на моем торсе.

— Лиам? — бормочет Мэйбл.

Я поворачиваю голову и запечатлеваю поцелуй на ее лбу. — Хм?

— Это было потрясающе.

Я улыбаюсь, мое сердце учащенно бьется. — Я знаю.

— Я хочу сделать это снова.

— Дай мне несколько минут отдохнуть, и я снова займусь этим, ты, сексуальный монстр.

— На этот раз я собираюсь прокатиться на тебе в позе обратной наездницы.

Я провожу пальцами по ее руке, лаская. — По-моему, звучит заманчиво.

— Лиам?

— Хм?

— Я люблю тебя, — застенчиво говорит она.

Мириады эмоций захлестывают меня. Я знал это, чувствовал это и предвидел, что это произойдет. Но, услышав это, я все равно чувствую себя так, словно завоевал самый большой трофей — любовь и привязанность этой девушки.

Мэйбл привыкла к моему молчанию, но прямо сейчас ей нужны слова, и, что более важно, мне нужно, чтобы она их услышала. Крепче обхватив ее руками, я привлекаю ее в свои объятия.

Не говоря ни слова, Мэйбл прижимается носом к шраму на моей щеке.

Я запечатлеваю поцелуй на ее макушке и делюсь с ней своим признанием.

— Долгое время моя жизнь была пронизана тенью. Я привык к темноте, но потом в мою жизнь вошла ты. Ты была как солнце. Ты принесла мне свет, и внезапно я не знал, как жить без твоего маяка, — я обхватываю ладонью ее щеку и наклоняю ее лицо, чтобы встретиться взглядом. — Ты стала моим домом — безопасным местом для воплощения моих мечтаний и надежд — и я не мог представить свой мир без тебя. Твое существование приносит мне столько изобилия, что я даже не могу выразить это словами, Бел, — я целую ее в лоб, когда ее глаза стекленеют. — Ты не просто мой лучший друг или девушка. Ты — вторая половина меня, — я, наконец, целую ее в губы, ощущая вкус счастья, слез и солнечного света. — И я обещаю тебе, что пока мы живы, я буду лелеять тебя и баловать до скончания веков. Потому что я люблю тебя, Мэйбл. Ты — это все для меня. Ты моя девочка. Всегда и навеки.

— О, Лиам. Ты тоже моя вторая половинка, — улыбка Мэйбл водянистая. Она прижимается своим лбом к моему. — Я обещаю поддерживать тебя, любить тебя и быть рядом с тобой. Всегда и навеки. И просто знай, что ты и я? Мы собираемся прожить лучшую жизнь, наполненную смехом, радостью и эпическими приключениями.

У меня щиплет глаза, когда она заканчивает.

Эта прекрасная душа.

Я сплетаю наши пальцы вместе и целую ее костяшки, особенно тот палец, на который она однажды наденет мое кольцо. — Я не могу дождаться, детка.

Она улыбается.

Я улыбаюсь в ответ.

Мэйбл Гарсия больше не моя фантазия.

Она — моя реальность.

Мэйбл

Несколько лет спустя...

Мы с Лиамом отправляемся в поездку в Мистик Фоллс, штат Вирджиния, он же Ковингтон, штат Джорджия, чтобы отпраздновать нашу пятилетнюю годовщину.

— У нас есть все, что нам нужно, *mo ghrá?*

Прошли годы, а это ласковое обращение до сих пор заставляет мое сердце таять. Ничто не заставляет меня чувствовать себя более обожаемой, чем Лиам, шепчущий нежные слова на своем родном языке, когда мы прикасаемся друг к другу.

— Ага, — я устраиваюсь на пассажирском сиденье в машине Лиам и пристегиваю ремень безопасности. Я проверила наши сумки раза три, чтобы убедиться, что мы ничего не забыли. — У нас все есть, Боб.

Лиам дразняще кладет руку мне на затылок, чтобы пощекотать. Его скользящие пальцы перемещаются с моих плеч на талию, и я начинаю хохотать, прежде чем мне удастся оттолкнуть его руку. Мой парень ведет себя так, будто ему не нравится это прозвище, но улыбка, спрятавшаяся в его бороде, говорит об обратном.

— Гений, — дразнит он.

— Ты любишь меня, — парирую я.

Лиам вздыхает и пронзает меня нежным взглядом. — Да, люблю.

Мы улыбаемся друг другу и обмениваемся тайными взглядами. Из тех, которые говорят: «Даже спустя годы ты остаешься моим самым любимым существом на этой планете».

Согласно традиции дорожного путешествия, мы делаем пит — стоп, чтобы позавтракать — кофе и рогаликами, — а затем отправляемся к месту назначения.

За последние полдесятилетия нашего знакомства мы с Лиамом часто путешествовали вместе. Ирландия. Филиппины. Италия. Мексика. И множество мест в Северной Америке в время автомобильных поездок. Вы можете сказать, что у нас обоих серьезная тяга к путешествиям, и скретч-карта мира в моей комнате — тому подтверждение. Мы заключили соглашение посетить по крайней мере половину Земли к тому времени, когда нам исполнится семьдесят.

Я бы сказала, что пока наши планы идут довольно хорошо.

Мой телефон жужжит от текстового сообщения.

Счастливого пути, Мэй. Напиши мне, когда доберетесь туда. хо — Кен

Напишу. Я люблю тебя, и мы увидимся, когда я вернусь. <3 — Мэй

Не забудь привезти мне сувенир! — Кен

Я привезу тебе немного вербены. — Мэй

ЛОЛ, отлично! — Кен

Кеннеди и я остаемся близкими людьми даже после окончания бизнес-школы Университета Веста. Она по-прежнему одна из моих любимых, и я обожаю ее до глубины души. В настоящее время она поднимается по служебной лестнице и живет долго и счастливо с любовью всей своей жизни.

Что касается меня, то моя модельная карьера по-настоящему началась после окончания учебы. В течение трех лет я была занята рекламой, фотосессиями и подиумами. Я думала,

что одиночные поездки на работу создадут напряженность в моих отношениях с Лиамом, но мы нашли способы даже время от времени работать на расстоянии. Впрочем, не имеет значения, где я нахожусь, потому что я всегда возвращаюсь домой к моему Лиаму.

Теперь, когда я тесно сотрудничаю с Maison Sereno, канадским дизайнерским брендом, основанным одним из моих университетских друзей, я провожу в Монтардоре гораздо больше времени.

Кроме того, теперь, когда через несколько месяцев я собираюсь запустить свою собственную линию по уходу за кожей, я могу использовать свое образование в области бизнеса. Год назад Лиам убедил меня сделать решительный шаг и превратить мою страсть к красоте в еще один источник дохода.

Я не могу дождаться, чтобы увидеть, что готовит нам будущее.

Лиам тоже добился потрясающих результатов для себя. Официально он инженер, железное кольцо¹⁹ на его пальце — еще одно доказательство его достижений. Он работал над несколькими проектами, но его любимыми остаются работы, которые он выполняет в нашем доме.

С тех пор как в прошлом году Лиам купил симпатичное бунгало, он построил нам беседку на заднем дворе, большой скворечник для кардиналов, которые навещают нас в теплое время года, гардеробную, которая одновременно служит моим туалетным столиком, секс-подземелье в нашем подвале для наших новообретенных извращений и список продолжается.

Он никогда не перестает удивлять меня и заставляет гордиться всем, что он делает.

Лиам замечает, что я смотрю на него со стороны пассажира. Он поворачивает голову на несколько секунд, на его губах появляется тень улыбки. — О чем ты думаешь?

Он никогда не признается в этом вслух, но ему нравится, когда я просто смотрю на него с восхищением.

— Что ты выглядишь достаточно хорошо, чтобы тебя можно было съесть.

Спустя столько времени он все еще хватается за руку, когда ведет машину, чтобы осыпать мои костяшки сладкими поцелуями. — О, я знаю.

Можно с уверенностью сказать, что за пять лет Лиам обрел уверенность в себе и воспринял все составляющие его красоты. Я так счастлива быть свидетельницей той работы, которую он проделал, чтобы уважать и принимать все свое существо. Любовь к себе прекрасно смотрится на нем.

— Ты тоже выглядишь достаточно хорошо, чтобы поесть.

Я смотрю на него понимающим взглядом. — Два часа до нашей следующей остановки в пути, и я полностью рассчитываю на то, что ты сдержишь это обещание.

У него вырывается раскатистый смех. Он уже привык к моему юмору. — Договорились.

Мы выезжаем на шоссе, и я просматриваю свой Spotify, пока не нахожу то, что ищу.

Плейлист Лиамы и Мэйбл.

Мягкий RnB проникает в салон автомобиля, и мы крепко держимся за руки, слушая старые и новые песни, которые напоминают о наших отношениях.

Я замечаю, что GPS перенаправляет нас. — Что происходит?

— Нам просто нужно сделать еще одну короткую остановку.

— Где?

— Это сюрприз, — он успокаивающе поглаживает мое голое бедро. — Не волнуйся, тебе это понравится.

— Могу я получить подсказку?

— Нет, но я хочу, чтобы ты оказала мне услугу.

Я скрещиваю ноги и приподнимаю бровь. — Так...

— Ровно через тридцать секунд я хочу, чтобы ты закрыла глаза и открыла их только тогда, когда я тебе скажу.

— Хорошо, — растягивая слова, произношу я в замешательстве.

Лиам качает головой. — Это ненадолго, я обещаю. Я хотел взять с собой повязку на глаза, но это испортило бы твой макияж и сделало бы тебя несчастной, так что...

— Хорошее решение, — я смеюсь. — Ладно, я в восторге, что бы это ни было.

Внизу живота у меня начинает формироваться нервный комок возбуждения, я глубоко вздыхаю, закрываю глаза и прислоняюсь затылком к окну. Мгновения проходят в дружеской тишине, на заднем плане звучит нежная любовная баллада.

Машина подъезжает к остановке.

Любопытство чуть не заставляет меня приоткрыть один глаз, чтобы схитрить, но Лиам хочет удивить меня, и я оказываю ему эту любезность.

Может быть, мы заедем к флористу за букетом подсолнухов? Хотя в этом нет особого смысла, учитывая, что цветы завянут во время нашей поездки в Мистик Фоллс.

Я слышу, как Лиам выключает машину, отстегивает ремень безопасности, открывает и закрывает свою дверь. Я знаю, что он обходит машину, потому что он никогда не позволяет мне самой открывать дверь. Такой джентльмен, этот парень.

Моя дверь со щелчком открывается, и Лиам говорит. — Держи глаза закрытыми.

— Я так и делаю, — притворно ворчу я, когда он расстегивает мой ремень и поднимает меня с сиденья. Мне приходится держаться за него, чтобы не упасть. За исключением того, что, если бы я когда-нибудь упала, Лиам всегда подхватил бы меня.

— Твои глаза все еще закрыты?

— Если ты спросишь меня еще раз, Боб, я открою их и испорчу все это дело.

Он шлепает меня по заднице. — Гребаная негодяйка.

— Что ты собираешься с этим делать?

— Нарушу свое обещание съесть тебя на заднем сиденье моей машины. На этот раз я даже взял твой розовый блестящий фаллоимитатор, так что тебе будет действительно хреново.

Я надуваю губы.

Он целует мои накрашенные губы. — Следуй за мной.

Переплетая наши пальцы, он ведет нас вперед. Мы на открытом воздухе, учитывая жар солнца, щебет птиц и траву, покалывающую мои пальцы на ногах. Вдалеке я слышу шум воды.

— Мы здесь, — Лиам отпускает мои руки и подходит, чтобы встать позади меня, целуя меня в щеку. — Открой глаза.

Когда я это делаю, я вижу живописный пейзаж нашего места. Голубое летнее небо. Рябь на воде. Пролетающая стая птиц. Деревья шелестят над головой от легкого ветерка. Скамейка, на которой мы впервые признались в своих чувствах, стоит рядом с нами.

— Днем здесь еще красивее, да? — улыбаясь, я поворачиваюсь. — Что мы здесь делаем — о Боже мой!

Остаток моих слов застревает у меня в горле, когда я замечаю, что мой прекрасный воин стоит передо мной на коленях с маленькой бархатной коробочкой в руках.

Ярко-желтое кольцо с бриллиантом мерцает на солнце.

Я задыхаюсь. — Лиам...

Он берет мою свободную руку и кладет ее себе на грудь, поверх своего колотящегося сердца. — Мэйбл Лани Гарсия, ты моя лучшая подруга и родственная душа. Каждый божий день я благодарю свои счастливые звезды за то, что мы с тобой нашли дорогу друг к другу благодаря этим первым письмам. Потому что правда в том, что я не знаю, что бы я делал без тебя. Ты заставляешь меня улыбаться, ты заставляешь меня смеяться, и ты заставляешь меня чувствовать, что наша жизнь — это одно большое приключение, которое только начинается. Я люблю тебя всем сердцем и хочу провести с тобой остаток своей жизни. Выходи за меня замуж, милая. Скажи «да» и сделай меня самым счастливым человеком, который когда-либо ходил по этой земле.

Между этими проникновенными речами у меня скатывается слеза. — Я-я... О боже, Лиам.

Он целует мою ладонь, и я запоздало замечаю блеск влаги в его голубых глазах. В них столько любви. Для меня. Всегда для меня. — Скажи «да», Бел.

Я смеюсь, но звук получается слабым. — Да! Да, я выйду за тебя замуж, Лиам!

Обручальное кольцо надевается мне на палец. У меня нет возможности полюбоваться им, прежде чем Лиам поднимается во весь свой шестифутовый рост и обхватывает мое лицо, чтобы поцеловать меня, затаив дыхание.

— Просто, чтобы ты знал, я хочу пышную свадьбу, — бормочу я, как только мы отстраняемся.

Лиам О'Коннелл прижимается своим лбом к моему и говорит с эпической улыбкой. — Я всегда дам тебе все, что ты захочешь, Мэйбл.

The End

Notes

[←1]

жанр прозы, построенной в форме переписки

[←2]

Примерно 172 см

[←3]

Кондитерское изделие, которое традиционно изготавливается из мёда, сахара, яичного белка и жареного миндаля или других орехов.

[←4]

195,5 см

[←5]

Миксер — это непринужденная вечеринка, на которой собираются люди, способствующие коммуникабельности и общественной активности, в основном это девушки

[←6]

Flaker — человек, который отказывается от своих обещаний/ обязательств в последнюю минуту. По-русски просто кидалово

[←7]

Outfit of the day — наряд дня

[←8]

В оригинале это “to get around“, что значит буквально «занимается сексом со многими

людьми»/ «встречается с большим количеством девушек»

[←9]

В оригинале слово hustler — чаще всего переводится, как мошенник (жулик), но также используют в значении «человек, который ставит перед собой цели и добивается их»

[←10]

Spank

bank

material

— это коллекция сексуально возбуждающих мыслей и образов, сохраненных в сознании (вашем банке данных), чтобы вызвать их позже, когда это понадобится для мастурбации

[←11]

В оригинале это dicktease (по сути, девушка, которая возбуждает и не дает)

[←12]

Civil engineer — гражданский инженер — этот инженер специализируется на объектах гражданской инфраструктуры. Он может работать над проектами дорожного строительства, созданием и обслуживанием структур зданий, водоснабжением и т. д.

[←13]

Месячные

[←14]

Шоколадный батончик "тоффи" производства компании "Херши". В данном случае имеется ввиду вкус Макфлурри

[←15]

Французские пирожные, их так же могут называть «мадленки»

[←16]

В оригинале это love handles, что у нас означает жировые отложения в области боков, но звучит это, конечно, так себе

[←17]

Примерно 20 см

[←18]

25 см

[←19]

Его носят канадские инженеры как символ их приверженности безопасности и обязательств перед обществом. Это символ смирения и внушает доверие широкой публике.